ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Сароглиди Ангелина Владимировна

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА ДОНУ И КУБАНИ В 1920-1930-Х ГГ.

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Пономарева Мария Александровна

Ростов-на-Дону – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **3**

ГЛАВА I Деятельность партийно-советских органов политической пропаганды и агитации на территории Дона и Кубани в 1920-1930-е гг. **49**

1.1 Формирование и первые этапы деятельности агитационно-пропагандистских органов и учреждений на Дону и Кубани в 1920-1930-е гг **49**

1.2 Экономические особенности и их отражение в агитационной деятельности Дона и Кубани 1920-1930-е гг. **69**

1.3 Основные средства агитационно-пропагандистской деятельности на Дону и Кубани в 1920-1930 гг. **89**

ГЛАВА II Агитационно-пропагандистская деятельность органов советской власти на территории Дона и Кубани в 1920-1930-е гг. **116**

2.1 Агитационно-пропагандистская деятельность среди детей и молодежи на Дону и Кубани в 1920-1930-е гг. **116**

2.2 Агитационно-пропагандистская деятельность среди женщин на Дону и Кубани в 1920-1930-е гг. **137**

2.3 Ликвидация безграмотности и культурно-просветительская работа на Дону и Кубани в 1920-1930-е гг. как инструмент агитационно-пропагандистской деятельности **157**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **179**

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ **186**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В советском обществе 1920–1930-х гг. область идеологического воздействия распространялась на практически все сферы общественно-политической жизни, являлась частью образования, культуры, хозяйствования, повседневной жизни. Агитация и пропаганда стали необходимым механизмом утверждения советской власти в стране, оформления новой системы общественных отношений, позиции общества по отношению к советской власти.

Новейшая историография затрагивает различные аспекты политической агитации и пропаганды. Данные вопросы были освещены в работах общетеоретического и методологического характера, в том числе, в региональном аспекте, отечественных и зарубежных авторов[1]. По-прежнему остаются актуальными вопросы о цели проведения агитационной работы и средствах её воплощения в указанный период.

В современных условиях вопросы пропаганды и агитации вновь приобретают актуальность. В российском обществе идет поиск ответов на внешнеполитические вызовы, а также методов взаимодействия между властью и обществом, среди которых механизмы реализации пропаганды и агитации, сформировавшиеся на заре советской власти и показавшие в этот период свою эффективность, могут стать значимым критерием при определении государственных стратегий.

---

[1] Рюмшин Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе. Ростов н/Д., 2004. - 238 с.; Баранов А.В. Советская пропаганда на Юге России в 1920–1930-е гг.: механизмы и эффективность. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. – 312 с.; Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Бочкарева Анна Станиславовна; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. - Краснодар, 2007. - 29 с.

Объектом диссертационного исследования является агитационно-пропагандистская деятельность советской власти на территории Дона и Кубани (Донской и Кубано-Черноморской областей) в 1920-1930-х гг.

Предметом научного исследования является формирование и развитие системы партийно-советских органов политической пропаганды и агитации на территории Дона и Кубани, а также формы, методы и содержание агитационно-пропагандистской деятельности органов советской власти, в частности, среди детей, молодежи, женщин и неграмотного населения на Дону и Кубани в указанный период.

Хронологические рамки представленной диссертации затрагивают временной промежуток с 1920 г. по 1930 годы. Нижняя граница обусловлена установлением советской власти в регионе и, соответственно, формированием государственных и партийных органов агитации и пропаганды. В рассматриваемый период установились основные направления и формы агитации, определены социальные категории, на которых они были направлены. Получен первый опыт реализации в регионе, произошло массовое внедрение агиткампаний. Верхняя граница достигает 1930 г., что было определено колоссальными трансформациями в сфере агитации и пропаганды; формируется аппарат агитационных партийных органов; идеологическая работа не носит более стихийный характер и окончательно формируется в тщательно отработанный смеху воздействия на жителей Дона и Кубани.

Географические рамки данной научной работы относятся к территории Донской области и Кубано-Черноморской области. События октябрьской революции привели к тому, что на Дону была установлена советская власть, а также сформирована Донская Советская Республика. Вскоре после её падения Область Войска Донского по решению Войскового круга была переименована во Всевеликое Войско Донское. А в сентябре 1918 года его провозгласили самостоятельным государством, в основу которого легло

«народоправство». С приходом большевиков на территорию Дона в начале 1920 года, Всевеликое Войско Донское завершило существование. Донской край теперь стал называться Донской областью. Центром новообразованного региона стал город Ростов-на-Дону.

Кубано-Черноморская была образована 29 марта 1920 года. Ее окончательно расформировали 13 февраля 1924 года.

Тогда же, 13 февраля 1924 года была создана Юго-Восточная область из Донской и Кубано-Черноморская областей.

Кубанский округ и Донской округ оказались в составе новой области.

Переформирования продолжались: 16 октября 1924 года появился Северо-Кавказский край. В его состав вошли: крупная Юго-Восточная область, а также Северо-Осетинская область, Адыгейская (Черкесская) область, Кабардино-Балкарская область, Карачаево-Черкесская область, Ингушская область и Чеченской область, Сунженский казачий округ и город Грозный. Город Ростов-на-Дону стал столицей нового края. Край функционировал 10 лет.

Вместе с тем, обе территории имеют схожие черты в своем развитии в рассматриваемый период. В центральной России значительную роль 1918-1920-х гг. сыграла позиция рабочих и крестьян. Политика «красных» считалась более понятной, близкой и предпочтительной для основной массы народа. «Красные» также привлекли на свою сторону крестьянство. Таким образом, процесс принятия политики большевиков в центральной России проходил в достаточной мере положительно.

Однако в населении юга России превалировали казаки, выступающие против советской власти и организовавшие Донскую армию под командованием А.И. Деникина. Дон и Кубань сильно пострадали от военных действий: распад транспортной системы и производственных связей, дефицит рабочих, сокращение посевных площадей и т.д.

Однако несмотря на явное сходство данных регионов, можно выделить их некоторые различия, в первую очередь, это национальный состав регионов.

По итогам переписи населения в 1926 году в населении Кубанского округа превалируют украинцы (62,2%). Русские же составляют меньшинство – 33,8%. Самую малую группу составляют армяне (1,4%). Население округа составило 1 489 088 человек.[1]

По итогам той же всероссийской переписи 1926 года Донская область указывает на большее количество национальностей: максимальное количество русских – 46,1%, украинцев – 44,2%, а также незначительное количество армян, евреев и белорусов - 4%, 2,4%, 1% соответственно. Общее количество человек в округе составляло 1126,7 тыс.

Таким образом, национальное население Дона более колоритно и отличается большим количеством национальностей.[2] Национальный состав населения дифференцировал методы пропаганды и агитации, применяемые в каждой конкретной области.

Основные термины и понятия. В данном диссертационном исследовании используется два понятия: пропаганда и агитация. Однако синонимами они не являются.

Пропаганду принято считать распространением идей, фактов, устоев, событий с целью формирования определенного общественного сознания.

Данные большой советской энциклопедии[3] гласят о том, что пропаганда – это распространение политических, философских, научных, художественных взглядов и идей с последующей целью внедрения их в сознание и активизации продуктивной деятельности.

---

[1] Территориальное и административное деление Союза ССР на 1-е января 1926 года. М., 1926. С. 284-321.

[2] Там же.

[3] Пропаганда // Большая советская энциклопедия. М., 1969—1978.

Российский эксперт в сфере психологии массового поведения А.П. Назаретян [1] относит такое явление как пропаганда к массовому целенаправленному распространению некоторых идей, ценностей, норм и программ поведения человека. Таким образом, пропаганда формирует общественное мнение людей. По мнению исследователя, она ориентирована на разум человека. Тогда как агитация направлена на непосредственное побуждение масс к каким-либо действиям, угодным агитатору. Агитация воздействует на чувства и эмоции человека.

Политологический словарь-справочник [2] указывает, что агитация – это деятельность, связанная с убеждением масс в правильности политических идей. Таким образом, данные понятия отличаются друг от друга, хотя и дополняют друг друга.

Степень изученности проблемы. Изучение агитационно-пропагандистской деятельности советской власти на Дону и Кубани в 1920–1930-е гг. прошло несколько этапов, каждый из которых характеризовался своими подходами, идеологическими установками и степенью научной объективности.

I. Советский этап (1920-е – 1991 гг.) В работах историков 1950–1980-е гг. И. Минца [3] и В. Иванова [4] пропаганда считалась успешным механизмом "политического просвещения" крестьянства и казачества. Критика дореволюционного уклада была обязательным элементом.

Данный период характеризуется отсутствием критического анализа репрессивных методов агитпропа, игнорированием сопротивления местного

---

[1] Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: Лекции по социальной и политической психологии - СПб.: Питер, 2004. - с. 192. С. 163.

[2] Агитация // Политологический словарь-справочник. М., 1999.

[3] Минц И.И. Год 1918-й. – М.: Наука, 1982. – 576 с. С. 203–215.

[4] Иванов В.М. Партийная пропаганда в годы социалистического строительства (1921–1937). – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1985. – 224 с. С. 67–84.

населения, а также преувеличение эффективности советской пропаганды. На этом этапе исследования авторские работы были исключительно подчинены партийной идеологии. Однако именно в этот период были собраны основные фактологические материалы, такие как доклады, сводки, агитлитература.

II. Постсоветский этап (1991–2000-е гг.) После распада СССР начался пересмотр прежних подходов, появились критические оценки.

Современный подэтап (1990-е – начало 2000-х) характеризуется критикой советской пропаганды. Авторы рассматривали пропаганду как инструмент насильственной трансформации общества через политику расказачивания, борьбу с контрреволюцией на Юге России[1]. Данный подэтап характеризуется преобладанием разоблачительного подхода, иногда без глубокого анализа механизмов пропаганды, а также недостаточным вниманием к региональной специфике Дона и Кубани. Однако вышеуказанный период дал мощный толчок для критического переосмысления советского агитпропа, но иногда в ущерб объективности.

Новейший подэтап (2010-е – настоящее время) характеризуется более взвешенным подходом, а также использованием новых методологий, таких как история повседневности и визуальные исследования.

На первых этапах установления советской власти исследования агитации и пропаганды носили идеологизированный характер и были направлены на обоснование государственной политики. К основным работам относятся

[1] См. напр.: Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1995. – 248 с. С. 73–91.; Трут В.П. Казачий излом (казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции 1917 года). – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1997. – 288 с. С. 145–167.; Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca: Cornell University Press, 2001. – 496 p. P. 245–267.; Fitzpatrick Sh. Stalin’s Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 386 p. P. 112–130.

труды непосредственно самих участников агитпропа, которые описывали пропаганду как важнейший инструмент построения социализма[1].

Одним из самых распространенных способов наглядной агитации был плакат[2]. В 1920-е годы появляется т.н. «женский вопрос» в исследованиях о пропаганде[3]. Зарубежные исследователи[4] придерживались позиции, что пропаганда является необходимым инструментом управления в массовом обществе, а люди подвержены манипуляции из-за когнитивных ограничений. В 1940-е годы исследования концентрировались на пропаганде победы над врагом[5].

Подробное изучение истории пропаганды и агитации большевиков в России началось в 1950-х годах. После смерти И.В. Сталина советская историография начала постепенно меняться, но в 1950-е годы исследования пропаганды и агитации большевиков всё ещё оставались в рамках жёстких идеологических рамок. В начале 1950-х любые работы о пропаганде должны

---

[1] См. напр.: Колосов А. Агитация и пропаганда в деревне. – М.: Госиздат, 1925. – 145 с. С. 34–52.

[2] Полонский В.П. Русский революционный плакат. М., 1925. С. 8-10

[3] Коллонтай А.М. Труд женщины в эволюции народного хозяйства. М., 1923; Смидович С. Очередные задачи женотделов // Коммунистка. 1922. № 2. С. 32—37.

[4] Lippman W. Public Opinion. London, 1922.; Lasswell H.D. Propaganda technique in the world war. New York, 1927.; Ласвель, Гарольд. Техника пропаганды в мировой войне / Гарольд Дуайт Ласвель ; сокращенный перевод с английского в обработке Н. М. Потапова с предисловием М. Гуса. — Москва ;, Ленинград : Гос. изд-во. Отд. военной лит., 1929. — 199, [1] с.; Lasswell H.D. Propaganda technique in the world war. New York, 1927.

[5] Сложилась историография пропаганды и агитации в период Великой Отечественной войны. Подобного рода работы составляют отдельную тему исследования (См. напр.: Светлов В. Н. О недостатках в разработке вопросов истории западноевропейской и русской философии: (Из доклада на собрании партийного актива Академии наук СССР) // Вестник Академии наук СССР. [М.], 1944. № 7–8. С. 28–29.; Дружинин П.А. Идеология и филология. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. В 2-х т. и др.)

были подчёркивать роль И.В. Сталина как великого продолжателя дела В.И. Ленина. Историки придерживались догматического подхода, т.е. не анализировали пропаганду как инструмент манипуляции, а лишь восхваляли её воспитательную роль. Также выпускались книги, посвящённые партийной печати, но они походили на пересказ ленинских цитат.

Однако разоблачение культа личности Сталина на XX съезде в 1956 г. не могло не повлиять на историческую науку. Теперь главным пропагандистом считался В.И. Ленин, а роль И.В. Сталина была сведена к нулю. Помимо того, появляется критика сталинской эпохи – вскользь упоминалось о репрессиях против некоторых пропагандистов. 1950-е годы стали переходным периодом: от сталинской догматики к более свободным, но всё ещё ограниченным исследованиям. После 1956 года тема пропаганды стала разрабатываться активнее, но все еще в жестких рамках. Настоящий прорыв в изучении большевистской агитации произошёл позже. Так, 1960-е характеризуются расширением тематики – появились работы о пропаганде в годы Гражданской войны (А. И. Клибанов[1]).

В 1960-п.п. 1980-х годов выходили обобщающие труды по теории и практике советской пропаганды (например, работы В. А. Куманева, А.Г. Беспалова [2]). Помимо того любое изучение пропаганды должно было подтверждать руководящую роль партии, а альтернативные взгляды не допускались. В этот период накапливался фактический материал, который позже использовали в перестроечные годы. Жак Эллюль в 1962 году

[1] Клибанов А.И. Религиозное сектантство и современность. - М.: Наука, 1969. - 272 с.

[2] Куманев В.А. Революция и просвещение масс. — М.: Наука, 1973. — 320 с. С. 45; Он же. Социализм и всенародная грамотность. — М.: Просвещение, 1967. — 280 с. С. 112; Он же. Партийное руководство культурным строительством в СССР. — М.: Мысль, 1980. — 400 с. С. 89.; Беспалов А.Г. Наш край. Из истории советского Дона. Документы октябрь 1917-1965. Ростов н/Д, 1968.

опубликовал классическое исследование о роли пропаганды в общественном сознании[1].

С появлением радиовещания становится ясно, что это направление - один из важнейших каналов порапаганды. Изучение данного способа также становится предметом исследования советских ученых[2].

Одним из направлений в историографии идеологической деятельности большевиков являются работы, изучающие различные массовые мероприятия праздники в качестве формы пропаганды и агитации.

Однако советские праздники не рассматривались исключительно в качестве формы идеологической работы. Наиболее интересны исследования Я.П. Белоусова, С.А. Галина, Н.М. Закович, Е.П. Гершуни, А.А. Шилкина, Т.Г. Карпова, В. Карпова, А.И. Мазаева, М.Х. Герандокова, Н.С. Полищук, М.С. Бажайкина.[3] Продолжается изучение праздника как части советской обрядоности [4] . Так, Я.П. Белоусов, А.И. Мазаев анализировали, как государство превращало революционные даты (7 ноября, 1 мая) в массовые ритуалы, формирующие коллективную идентичность, изучали сценарии праздников: шествия, лозунги, визуальную символику; Н.М. Закович, М.Х.

---

[1] Эллюль Жак. Феномен пропаганды. – М.: Аллетейя, 2023. – 410 с.

[2] Гуревич П.С., Ружников В.Н. Советское радиовещание. М. 1976.

[3] Гершуни Е.П. Массовые зрелища и народные представления. Л., 1962.; Белоусов Я.П. Праздники старые и новые. Алма-Ата, 1974.; Галин С.А. Исторический опыт культурного строительства в первые годы советской власти (1917-1925). М., 1990.; Закович, Н.М. Советская обрядность и духовная культура. Киев, 1980.; Он же. Советская гражданская обрядность. М., 1967.; Шилкин А.А.. Массовые праздники и зрелища. М., 1961; Карпов В. Новые праздники и обряды. Красноярск, 1970.; Герандоков М.Х. О новых советских традициях и обрядах. Нальчик, 1970.; Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978.; Бажайкин М.С. Новые обряды и праздники. Чебоксары, 1977.

[4] Шилкин А.А. Праздники, обряды и традиции в нашей жизни. М., 1988.; Полищук Н.С. У истоков советских праздников // Советская этнография, 1987. № 6. С. 1-3.

Герандоков рассматривали конфликт между дореволюционными обрядами такими как Масленица и Рождество и новыми советскими праздниками, показали, как власти адаптировали фольклор для советской пропаганды; Н.С. Полищук, М.С. Бажайкин уделяли внимание тому, как праздники проводились в национальных республиках, сравнивали городские и сельские торжества; Т.Г. Карпова, В. Карпов рассматривали семейные праздники инструмент воспитания советского человека; Е.П. Гершуни, А.А. Шилкин обращали внимание, как граждане переосмысляли официальные праздники. 60 Формирование ключевых теории управления массовым сознанием в зарубежной научной мысли приходится преимущественно на 1950-1980-е годы[1]. С началом перестройки изучение пропаганды стало более свободным. Впервые открыто заговорили о цензуре, репрессиях против инакомыслящих, фальсификациях в СМИ. Вдобавок изучались мемуары эмигрантов, ранее запрещённые материалы, например, работы меньшевиков о большевистской пропаганде. Была опубликована масса книг, статей, монографий и сборников конференций. Также были представлены кандидатские и докторские диссертационные работы, написанные авторами самых разных областей исследований.[2] Но пропаганда редко рассматривалась в качестве отдельной сферы исследования, а изучалась в контексте массовой политической работы.

---

[1] Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М., 1981.; Tomson O. Mass persuasion in history: an historical analysis of the development of propaganda techniques. Edinburgh, 1977.

[2] Доброхотов В.Я. Разработка В.И. Лениным научных основ партийной пропаганды. М., 1980. Доброхотов, В.Я. Принципы, формы, методы большевистской пропаганды и агитации в первые годы советской власти (октябрь 1917-1920): дис... д.и.н. Горький, 1967.; Потапов И.А. Партийное руководство политической пропагандой и агитацией в первые годы советской власти (октябрь 1917-1920 гг.): автореф. дис… к.и.н. Волгоград, 1969.; Чупрынников С.А. Партийное руководство культурно-воспитательной работой профессиональных союзов в 1926-1932 гг. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис... к.и.н. Краснодар, 1986.; Кузнецов А.И. Деятельность КПСС по подготовке и

В 1980-х гг. основная масса работ, посвященных данной проблеме принадлежит В.П. Чихачеву, Б.А. Грушину, и другим историкам. [1] Эти научные исследования отличаются определённой предвзятостью к происходившим событиям.

Доминировал идеологическо-содержательный подход, который делал упор на анализе содержания пропагандистских кампаний, их идеологической направленности, а также адаптации к местным условиям. Исследователи, работающие в этом ключе, изучают тематику агитационных материалов, методы их подачи, а также реакцию населения на пропаганду. Особое внимание уделяется региональной специфике, включая этнокультурные и социально-экономические факторы. Агитации и пропаганде коммунистической партии в изучаемых областях посвящены работы Ю.А. Узлова, А.Б. Попова, Е.В. Панасюк, С.А. Чупрынникова, А.А. Кузнецова, А.И. Кузнецова, М.И. Скуленко и ряда других авторов. [2] Продолжилось изучение «женского вопроса»[1].

воспитанию идеологических кадров (1966-1975 гг.). На материалах партийных организаций Краснодарского края и Донской области: дис... к.и.н. Краснодар, 1986.; Панасюк Е.В. Партийное руководство общественно-политической деятельностью ВЛКСМ на начальном этапе социалистического строительства 1926-1936 гг. (На материалах Дона, Кубани и Ставрополья): дис... к.и.н. Краснодар, 1989.7 и др.

[1] Чихачев В.П. Техника речи пропагандиста. М., 1981.; Он же. Речевое мастерство пропагандиста. М., 1987.; Грушин Б.А. Массовое сознание. М., 1987.; Он же. Эффективность массовой информации и пропаганды: понятие и проблемы измерения. М., 1979.; Мартыненко К.М. Большевистская печать в борьбе за власть Советов на Дону и Северном Кавказе (март 1917-декабрь 1920). Ростов н/Д., 1986.

[2] Попов А.Б. Идейно-политическая работа большевистских организаций Дона, Кубани и Ставрополья в период подготовки и проведения великой октябрьской социалистической революции (март 1917-март 1918): дис... к.и.н. Ростов н/Д, 1986.; Узлов Ю.А. Партийно-политическая работа на селе по претворению ленинского кооперативного плана периода подготовки наступления социализма по всему фронту (1926-1929 гг.). На материалах северного Кавказа: дис... к.и.н. Краснодар, 1973.; Попов В.В. Организаторская и

Вышеуказанные авторы образуют единое направление, потому что исследуют идеологическое наполнение пропаганды, а не бюрократические механизмы, используют междисциплинарные методы (история, культурология, лингвистика), показывают, как советские идеи внедрялись в многонациональных регионах. Их работы помогают понять не только что хотела сказать партия, но и как это воспринималось людьми, в частности, молодежью [2] . Продолжается изучение праздника как части советской обрядоности[3]. В 1990-е годы продолжается изучение влияния пропаганды и агитации на массовое сознание[4]. Наиболее выдающиеся труды принадлежат Г. Маркузе. Его идея заключается в том, что пропаганда интегрирована в повседневность и работает незаметно [5] . Ряд советских исследований, наоборот, к началу 1990-х годов работы, направленные на изучение политической пропаганды и агитации в основном потеряли новизну (П.С. Гуревич[6]).

В 1990-е годы в историографии сформировалось несколько подходов к изучению агитационно-пропагандистской деятельности большевиков на Дону и Кубани. В рамках исследования также анализировалась роль

идеологическая работа партии по индустриализации сельскохозяйственного труда (1966-1971 гг.): дис... к.и.н. Краснодар, 1974.; Скуленко М.И. История политической пропаганды. Киев, 1990.

[1] Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.): дисс… д.и.н. М., 1980.

[2] Пилецкая М. Социал-демократия и рабочая молодежь // Молодежное движение в России. 1917-1929 гг. Документы и материалы. Ч. 1. М., 1993.

[3] Шилкин А.А. Праздники, обряды и традиции в нашей жизни. М., 1988.; Полищук Н.С. У истоков советских праздников // Советская этнография. 1987. № 6. С. 3-1

[4] Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997. Т. 2.

[5] Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

[6] Гуревич П.С. Пропаганда в идеологической борьбе. М., 1980.

пропаганды в политической жизни общества 1920-1930-х годов. Особое внимание уделялось изучению ее влияния на различные сферы общественного сознания и механизмы формирования массового мировоззрения. Так, были рассмотрены институциональные основы пропагандистской деятельности (структура агитационно-пропагандистских органов, их место в партийно-государственной системе), содержательные аспекты (ключевые нарративы, идеологические установки, методы их трансляции), региональная специфика реализации пропагандистских кампаний на Дону и Кубани, эффективность различных форм агитации (печатные издания, устная пропаганда, наглядная агитация) в условиях трансформации традиционного уклада казачьего общества.

Институционально-структурный подход основан на организационных основах партийной пропаганды, исследуя структуру агитационных органов, их кадровый состав, нормативно-распорядительную базу и механизмы взаимодействия с другими институтами власти. В рамках этого направления анализируются постановления партийных съездов, решения обкомов и райкомов, а также отчеты отделов пропаганды и агитации. Исследователи обращаются к изучению различных аспектов формирования системы партийных органов власти на Дону и Кубани. К ним относятся труды Н.Ф. Бугай, В.И. Филькиной, К.М. Мартыненко, И.Я. Куценко, И.В. Устиновскому, В.Е. Щетневой, А.Ю. Рожкову, А.С. Бочкаревой. [1] Вышеуказанные авторы исследуют партийные институты, опираются на архивные документы, рассматривают региональную специфику Северного

[1]Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. 1917-1921. М., 1999; Филькин В.И. Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за осуществление ленинской национальной политике (1917-1936). Грозный, 1999.; Культурное строительство в Донской области (1918-1941 гг.): Сб. документов // Науч. ред. И.Я. Куценко. Ростов/Д., 1998; Щетнев В.Е. Классовая борьба и осуществление первых земельных и продовольственных мероприятий советской власти в Донской области. Ростов н/Д., 1994., и др.

Кавказа. Их работы дополняют друг друга, создавая целостную картину того, как КПСС выстраивала систему пропаганды «сверху вниз»[1].

Социально-антропологический подход в 1990-е годы рассматривает агитационно-пропагандистскую деятельность через призму восприятия ее различными социальными группами. В основе изучения лежат повседневные практики, механизмы сопротивления или адаптации к пропаганде, а также влияние партийной агитации на общественные настроения. Так, А.В. Баранов[2] изучал механизмы пропаганды в казачьих регионах, Лебина Н.Б.[3] рассматривала влияние агитации на общественные настроения. Продолжилось изучение наглядной агитации, в том числе, среди молодежи и женщин[4]. Продолжается изучение влияния пропаганды и агитации на массовое сознание[5]. Наиболее выдающиеся труды принадлежат Г. Маркузе.

[1] Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917-1920 гг.). - М.: Институт российской истории РАН, 1998. - 230 с.

[2] Баранов А.В. Советская пропаганда на Юге России в 1920–1930-е гг.: механизмы и эффективность. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. – 312 с.; Он же. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999.; Он же. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921-1929 гг.). СПб., 1996.

[3] Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. — СПб.: Нева, 1999. — 320 с.

[4] Толстая Т. Русский плакат: книга-альбом. М., 2006; Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки по литературной теории и истории. Документальные материалы. М., 1998.; Гадицкая М.А. Сельские женщины в условиях колхозного строительства в конце 1920-х - начале 1940-х гг.: на материалах Дона, Кубани и Ставрополья: автореф. дисс. … к.и.н Новочеркасск, 2008; Градскова Ю. Обычная» советская женщина — обзор описаний идентичности. М., 1999.

[5] Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997. Т. 2.

Его идея заключается в том, что пропаганда интегрирована в повседневность и работает незаметно[1].

С 2000-х гг. исследования носят более комплексный, критичный и междисциплинарный характер. Ставится вопрос об изучении агитации в 1920-х годах в СССР (Б.Д. Свердлов).[2] Отмечается усиление интереса к ранее засекреченным архивным материалам, появляются работы с применением социологических, антропологических и культурологических методов. Данные период характеризуется переходом от простого описания партийной работы к ее деконструкции, выявлению механизмов манипуляции и изучению реальной эффективности. К ним относятся работы Филькиной В.И., Щетневой В.Е., Мартыненко К.М. и др.[3]

---

[1] Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994.

[2] Свердлов Б.Д. Советская пропаганда в 20-30-е годы. Разнообразие форм и средств воздействия. М., 2000.

[3] Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX: дисс…к.и.н. Краснодар, 2007.; Бугай Н.Ф. Национальная политика и пропаганда на Северном Кавказе: мифы и реальность. — М.: ИРИ РАН, 2007. — 278 с.; Мартыненко К.М. Агитационные кампании в сельской местности: успехи и провалы. — Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2011. — 189 с.; Рожков А.Ю. Молодежь Дона и Кубани в системе партийной пропаганды (1945-1991). — Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. — 304 с.; Он же. Партийная пропаганда в условиях кризиса советской системы (1970-1980-е гг.). — М.: РОССПЭН, 2008. — 342 с.; Филькина В.И. Образ врага в пропаганде Северного Кавказа (1960-1980-е гг.). — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. — 231 с.; Щетнева В.Е. Партийная печать Дона и Кубани в условиях идеологического контроля. — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. — 198 с.; Бугай Н.Ф. От ревкомов к Советам в Донской области. Ростов/Д., 2009.; Он же. Чрезвычайные органы советской власти: ревкомы, 1918-1921. М., 2001.; Устиновский И.В. Ленинская аграрная политика и ее осуществление на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2009.;. Рожков А.Ю. Молодой человек в советской России 1920-х гг.: повседневная жизнь в группах сверстников: дис... д.и.н. М., 2003.; Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в.: дисс… к.и.н. Краснодар, 2007 и др.

В историографии значительное внимание уделяется исследованиям, посвященным организации избирательных кампаний и политическому консультированию в изучаемый период. Отдельный пласт исследований посвящен анализу информационной политики и механизмов ее регулирования в 1920–1930-е гг. В исторической литературе подробно исследуются вопросы государственного управления, а также различные аспекты пропагандистской и агитационной работы, сыгравшие ключевую роль в общественно-политической жизни Дона и Кубани в указанный период. Также изучалась ее роль в политической жизни общества, предоставляя сведения о различных областях, касающихся пропаганды.[1]

Социально-антропологический подход рассматривает агитационно-пропагандистскую деятельность через призму восприятия ее различными социальными группами. В основе изучения лежат повседневные практики, механизмы сопротивления или адаптации к пропаганде, а также влияние партийной агитации на общественные настроения. Так, Бердинских В.А.[2] занимался механизмами сопротивления пропаганде. Вышеуказанные авторы

[1] Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М., 2002.; Ольшанский Д.В. Политический психология. СПб., 2002.; Почекаев Р.Ю. История связей с общественностью. СПб., 2007.; Рюмшина Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе. Ростов н/Д., 2004.; Терин В.П. Массовая коммуникация: социокультурные аспекты политического воздействия. М., 1999.; Березин В.М. Политическая коммуникация в современных российских СМИ // Вестник московского университета (ВМУ). Серия 10. Журналистика. 2003. № 1. С. 101-118; Смолякова В.В. Коммуникативное пространство как объект политического анализа// ВМУ. Серия 12. Политические науки. 2001. № 1. С. 19-29; Лучкин Д.А. Политическая пропаганда в информационной политике российского государства: автореф. дисс... к.и.н. М., 2005.; Раков Т.Н. Политические практики большевистской организации Ленинграда в дискуссиях 1921 и 1925 гг.: автореф. дисс…к.и.н. СПб., 2021.

[2] Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. — М.: Аграф, 2001. — 432 с.

в своих работах показывали не официальный СССР, а реальный – со всеми его противоречиями.

Исследования А.В. Малышева, В.Э. Руга, К.А. Говорухиной, А.Ю. Рожкова, Н.В. Дорониной, Н.М. Галимуллиной, К.Э. Шварцкопфа основаны на обширном архивном материале [1]. Становлению системы партийной агитации после 1917 года также посвящен ряд работ[2]. А.Ю. Рожков изучал агитацию в Красной Армии, анализируя листовки, приказы, донесения политотделов. Отмечал, что пропаганда была ключевым инструментом мобилизации, но её эффективность зависела от уровня грамотности и доверия к власти. Таким образом, А.Ю. Рожков делал акцент на военной пропаганде, М.Г. Шульман – на гражданской. Оба отмечали импровизационный характер ранней советской агитации, но разную целевую аудиторию (армия, крестьянство).

Особое внимание современные авторы обращают на пропаганду в сталинский период (1930–1950-е годы), в годы индустриализации и Великой Отечественной войны. Так, К.А. Говорухина анализировала образ врага в сталинской пропаганде. Утверждала, что конструирование «врага» было

[1] Руга В.Э. Формирование системы партийно-государственного управления средствами массовой информации Советской России в 1920-1930-е гг.: дис... д.и.н. М., 2003.; Малышев А.В. Средства массовой информации Юга России в годы Великой Отечественной войны (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): автореф. дис... к.и.н. Ростов н/Д., 2001.; Говорухина К.А. Политическая пропаганда в тоталитарном обществе: автореф. дис... к.п.н. Краснодар, 2002.; Рожков А.Ю. Молодой человек в советской России 1920-х гг.: повседневная жизнь в группах сверстников: дис... д.и.н. М., 2003.; Галимуллина Н.М. Советско-партийная пропаганда периода великой отечественной войны как проблема историко-политического анализа: автореф. дис… к.и.н. Казань, 2005.; Доронина Н.В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942-1943 гг.: цели, особенности, крах: дис... к.и.н. Ставрополь, 2005.

[2] Шульман М.Г. Партийно-государственная агитация и пропаганда первых лет советской власти: октябрь 1917-1920 г. По материалам калужской и Тульской губерний: дис... к.и.н. Калуга, 2004.

инструментом сплочения общества перед лицом внешних и внутренних угроз. Помимо этого, автор изучала, как НКВД и партийные органы координировали пропагандистские кампании[1]. Также В.Э. Руга исследовал бытовую пропаганду (плакаты, радио, кинохронику), показывал, как сталинский режим создавал миф о счастливой советской жизни, маскируя реальные трудности, а особое внимание уделил визуальной пропаганде (например, плакаты "Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!") [2] . Таким образом, К.А. Говорухина изучала репрессивную функцию пропаганды, В.Э. Руга – утопическую. Оба вышеупомянутых автора подчеркивали тотальный контроль над информацией, но в разных сферах (политический террор, повседневность). Н.В. Доронина исследовала молодежную пропаганду. Автор была уверена, что к 1970-м пропаганда стала формальной, молодежь воспринимала её скептически, а неофициальные субкультуры подрывали идеологическую монополию [3] . Также К.Э. Шварцкопф анализировал партийные директивы по агитации в брежневский период. Он считал, что пропаганда превратилась в бюрократический ритуал, её содержание было оторвано от реальности. Автор изучал, как местные партийные органы фальсифицировали отчеты о воспитательной работе [4] . Таким образом, Н.В. Доронина показывала кризис пропаганды «снизу» (молодежь), К.Э. Шварцкопф – «сверху» (партийная бюрократия). Оба

[1] Говорухина К.А. Политическая пропаганда в тоталитарном обществе: автореф. дис... к.п.н. Краснодар, 2002.

[2] Руга В.Э. Формирование системы партийно-государственного управления средствами массовой информации Советской России в 1920-1930-е гг.: дис... д.и.н. М., 2003.

[3] Доронина Н.В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942-1943 гг.: цели, особенности, крах: дис... к.и.н. Ставрополь, 2005.

[4] Шварцкопф К.Э. Образ внешнего мира в национал-социалистической пропаганде (1933-1941 гг.): дис... к.и.н. Краснодар, 2004

вышеупомянутых автора указывали на деградацию советской агитации к 1980-м годам.

Современные исследования характеризуют пропаганду в качестве механизма манипуляции. Наиболее значимы исследования С.Г. Кара-Мурзы, Г.В. Грачева, И.К. Мельника, статьи А.А. Андреева.[1] Авторы раскрывают приемы психологического манипулирования, активно использующиеся в агитационно-пропагандистской деятельности.

Стоит отметить, что в изучаемом регионе работа представителей руководства по контролю интеллигенции и ученых на местах изучены в работах А.Г. Данилова, А.Н. Еремеевой, В.М. Кононенко и др.[2] Что касается изучения экономического состояния Юга России и отношения жителей к новой экономической политике, то можно выделить таких исследователей как М.А. Холодного, Т.Д. Засорина, Я.В. Ракачевой, Ю.Г. Тамбиянц, А.Г. Беспалова, А.С. Левакина, С.Л. Никольского.[3] В данных трудах

---

[1] Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием: светлый миф о частной собственности // Социально- гуманитарные знания. 2003. № 3. С. 23-37; Он же. Краткий курс манипуляции сознанием. М., 2003. С. 60-80; Он же. Манипуляция сознанием. М., 2004. С. 19-20; Грачев Г.В. Манипулирование личностью М., 2003.; Андреев А.А. Теледебаты: момент истины или манипулирование общественным мнением? // ВМУ. Серия. 10. Журналистика. 2002. № 5. С. 98-108.

[2] Данилов А.Г. Интеллигенция Юга России в конце XIX - начале XX в. Ростов н/Д., 2000.; Герандоков М.Х., Герандокова В.З. Культурная революция в национальных регионах: мифы и реальность. Нальчик, 2003.; Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-30-е годы XX века (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). Нальчик, 2004; Кононенко В.М. Высшая школа Юга России (20-90-е годы XX века). Ставрополь, 2005.; А.Н. Еремеева. Российские ученые в условиях социально-политических трансформаций XX века. СПб., 2006. и др.

[3] Холодный М.А. Изменение отношения к собственности у населения РСФСР в условиях новой экономической политики (1921-1928 гг.): автореф. дисс… к.и.н. М., 2009.; Засорина Т.Д. Новая экономическая политика: отношение населения Кубани: 1921-1929 гг.: дисс… к.и.н. Майкоп, 2003.; Ракачева Я. В. Сельскохозяйственная кооперация Кубани

агитационная деятельность также не являлась объектом исследования, однако позволяют дать более точную картину реального положения дел в стране и способов его изменения. Хотя эти авторы не рассматривали агитацию как самостоятельный объект исследования, их работы позволяют понять реакцию населения на НЭП, региональные особенности экономического развития Юга России, конфликты между ожиданиями крестьян, рабочих и политикой государства.

Российские исследователи утверждают, что советский плакат был эффективным средством визуальной пропаганды, сочетавшим простоту, эмоциональность и идеологическую направленность. Наглядная агитация вызвала интерес Е.Е. Лежень.[1] По-прежнему изучаются «женский вопрос», «молодежный вопрос», происходит обобщение материала по данной теме[2]. Вопрос о роли пропаганды в реализации политики ликвидации

в период новой экономической политики (1921 - 1927 гг.): автореф. дисс… к.и.н. Краснодар, 2000.; Тамбиянц Ю.Г. Роль идеологии в период НЭПа. Краснодар, 2001.; Левакин А.С. Формирование и деятельность административно-хозяйственного аппарата колхозов в 1930-е гг.: на материалах Дона, Кубани и Ставрополья: автореф. дисс… к.и.н. Новочеркасск, 2009.; Никольский С.Л. Аграрная экономика, сельская общность и проблема социально-экономических укладов // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 20.

[1] Лежень Е.Е. Плакат как средство политической агитации в 1917-1930-е годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Саратов, 2013.

[2] Костенко Ю.А. Женское движение в России в 1920-1930-х гг.: дисс… к.и.н. М., 2006; Пушкарева Н.Л. К определению понятия «женская повседневность» // Повседневный мир советского человека, 1920-1940-х гг. Ростов н/Д, 2009.; Шабатура Е.А. Образ «новой женщины» в советской культуре 1917-1929 гг. автореф. дисс. … к.и.н . Омск, 2006.; Бородина А.В., Бородин Д.Ю. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-х — 30-х гг. // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь, 2000. С. 45—51; Гадицкая М.А. Сельские женщины в условиях колхозного строительства в конце 1920-х - начале 1940-х гг.: на материалах Дона, Кубани и Ставрополья: автореф. дисс. … к.и.н Новочеркасск, 2008.

безграмотности также получили развитие в данный период[1]. Например, И.В. Глущенко и Л.В. Павлова изучали связь ликбеза с индустриализацией, образ «нового человека» в агитпропе, клубы и избы-читальни как центры просвещения.

Следующий этап характеризируется углублением темы: исследователи обращаются к культурным, гендерным, региональным аспектам, изучают повседневность, механизмы пропаганды. Так, А.В. Михеева, Е.В. Пономаренко, Е.А. Костикова, А.Г. Горюнова – изучали визуальную пропаганду и др. рассматривали влияние ликбеза на трансформацию идентичности, конфликты между традиционной культурой и советскими нормами, роль литературы, кино, театра в образовательных кампаниях. Следующая группа ученых посвятила свои исследования так называемому «женскому вопросу» или положению женщины в советском обществе: Ф.Н. Козлов, П.М. Чирков, Т.А. Карченкова, Е.А. Бобровник, Л.П. Костюкевич, М.И. Мирошниченко, Н.В. Обрезкова, Н.Л. Пушкарева, О.Д. Минаева, А.М. Коллонтай, С. Смидович, Т.Г. Киселева, Е.А. Шабатура, А.В. Бородина, Д.Ю. Бородин, С.Г. Айвазова, М.А. Гадицкая, Ю.А. Костенко, Ю. Градскова.[2]

---

[1] Горюнова А.Г. Общество «Долой неграмотность»: история создания и деятельности в 1923-1927 гг.: автореф. дисс… к.и.н. Иваново, 2012.; Баева О.В. Культурная жизнь Донского края в 1920-е годы: автореф. дисс… к.и.н. Ростов н/Д., 2007.; Канавина Н.В. Культурно-просветительные учреждения в годы НЭПа 1921-1927 гг.: По материалам Саратовской губернии: автореф. дисс… к.и.н. Саратов, 2003.; Глущенко И.В. Ликвидация неграмотности среди взрослых в 1920-1930-е годы // Вопросы образования. М., 2015. С. 24; Петрова Я.И. Организация обучения взрослых в процессе ликвидации неграмотности в СССР в 1920-1930-х гг.: дисс… к.п.н. Самара, 2010.

[2] Карченкова Т.А. «Женский вопрос» в российской публицистике второй половины XIX в.: дисс... к.и.н. Омск, 2004; Бобровник Е.А. «Женский вопрос» в русской философии и общественной мысли. Конец XVIII – начало XIX в: дисс... к.ф.н. Мурманск, 2001; Костюкевич Л.П. «Женский вопрос» в русской философии и общественной мысли: 1-я половина XIX в.: дисс... к.ф.н. Мурманск, 2003; Мирошниченко М.И. Актуальность исследования сущности гендерной роли женщины в рамках развития женского движения

Известные зарубежные авторы: Э. Аронсон, Э.Р. Пратканис, Р. Марлин, Г. Лассуэл, Э.С. Ниринги, Г. Маркузе, Ричард Харрис, Т. Треверс-Хили изучали способы манипуляции обществом разными социальными группами.[1] 1970–1990-е гг. характеризуются когнитивным подходом. Здесь стоит выделить Эллиота Аронсона и Энтони Пратканис, которые считали, что пропаганда использует универсальные когнитивные искажения, а также что манипуляция эффективна, потому что люди ленивы в анализе информации[2]. Можно выделить современные исследования таких авторов как Ричард Харрис и Тимоти Треверс-Хили. Каждый из них отмечает, что пропаганда перешла в цифровое пространство (фейки, боты, алгоритмы), а теперь манипулируют не только государства, но и корпорации, активисты[3].

Вышеуказанные исследования уникальны тем, что объективно оценивают столь сложное и многогранное явление, как агитационно-пропагандистская деятельность, а также тем, что они лишены эмоциональной окраски и штампов советского периода.

В 2010-е годы произошло несколько важных изменений в изучении советской пропаганды. Так, отмечается отказ от жесткого деления на официальную и народную культуру, уделяется больше внимания гибридным формам; проявляется больший интерес к визуальным и материальным

на Урале в 1920-е годы: первый опыт обзора советской историографии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Челябинск, 2008.

[1] Аронсон Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб., 2003. С. 200; Треверс-Хили Т. Паблик рилейшнз и пропаганда-сравнение ценностей // PR сегодня: новые подходы, исследования, практика. М., 2002. С. 9; Харрис Ричард. Психология массовых коммуникаций. СПб., 2003. С. 9.

[2] Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. - Перераб. изд. - СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003 - 384 с.

[3] Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – М.: Олма-Пресс, Спб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 420 с.

аспектам пропаганды, таким как архитектура, дизайн, мода; характеризуется сравнением с другими тоталитарными режимами. Можно выделить следующие подходы: культурно-антропологический, визуальный, региональный, гендерный, микроисторический. К представителям данного подхода относятся А. Юрчак, Е. Осокина., В.А. Золотухин, О.И. Кабанова, И.В. Нарский, С.А. Ушакин., Е.Ю. Рождественская, А.А. Темкина[1]. Кабацков

[1] Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Концепция «перформативного консенсуса» // Анализ позднесоветских идентичностей. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 664 с.; Он же. Изучение внетекстовых форм идеологии // Это было навсегда, пока не кончилось. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 664 с.; Осокина Е. Исследование визуальной пропаганды // Анализ советской рекламы как формы агитации. – М.: РОССПЭН, 2019. – 480 с. – С. 45–80; Она же. Изучение материальной культуры сталинской эпохи // Золото для индустриализации: Торгсин. – М.: Новый хронограф, 2008. – 512 с. – С. 180–220.; Золотухин В.А. Исследование советского киноплаката / Валерий Александрович Золотухин // Советская визуальная пропаганда: 1920-1950-е годы / Под ред. Е.В. Бархатовой. - М.: Контакт-Культура, 2017. - 320 с. - С. 145-178; Он же. Анализ цветовой семиотики в пропаганде / Валерий Александрович Золотухин // Визуальные коммуникации в тоталитарном обществе. - СПб.: Европейский университет, 2019. - 216 с. - С. 89-112.; Кабанова О.И. Изучение фотопропаганды 1930-х / Ольга Игоревна Кабанова // Фотография и власть: советский опыт. - М.: РОССПЭН, 2015. - 288 с. - С. 56-89; Она же. Анализ постановочных фотосессий / Ольга Игоревна Кабанова // Визуальная антропология сталинской эпохи. - М.: Новое литературное обозрение, 2020. - 432 с. - С. 210-245.; Кабанова О.И. Изучение фотопропаганды 1930-х / Ольга Игоревна Кабанова // Фотография и власть: советский опыт. - М.: РОССПЭН, 2015. - 288 с. - С. 56-89; Она же. Анализ постановочных фотосессий / Ольга Игоревна Кабанова // Визуальная антропология сталинской эпохи. - М.: Новое литературное обозрение, 2020. - 432 с. - С. 210-245.; Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство / Игорь Владимирович Нарский. - Челябинск: Каменный пояс, 2008. - 415 с.; Он же. Изучение визуальной культуры уральских рабочих / Игорь Владимирович Нарский // Визуальная антропология: настройка оптики. - М.: Вариант, 2011. - С. 156-189; Он же. Анализ семейных фотоархивов / Игорь Владимирович Нарский // Отечественные записки. - 2007. - № 4 (37). - С. 89-105.; Ушакин С.А. После прекрасного:

А.Н. [1] исследовал повседневные практики и адаптацию населения к партийной агитации.

Однако в приведенных работах не ставилась задача детального исследования агитации и пропаганды на Кубани и Дону в 1920-30-е годы XX века. Данные вопросы использовались исследователями ограничено в рамках своих исследовательских направлений.

Стоит отметить, что современные исследователи стремятся к комплексному анализу, учитывая как идеологическую составляющую, так и реакцию населения: Е.Ю. Борисенок[2] исследовала крестьянское восприятие

Постсоветские ностальгические практики / Сергей Александрович Ушакин. - М.: Новое литературное обозрение, 2021. - 352 с.; Он же. Исследования памяти о советском в Средней Азии / Сергей Александрович Ушакин // Антропология советского и постсоветского пространства. - СПб.: Европейский университет, 2019. - С. 234-267; Он же. Анализ постсоветских ностальгических практик / Сергей Александрович Ушакин // Неприкосновенный запас. - 2018. - № 5 (121). - С. 45-72.; Рождественская Е.Ю. Исследование визуальных репрезентаций женщины-работницы / Елена Юрьевна Рождественская // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. - Саратов: Научная книга, 2007. - С. 324-351; Она же. Анализ гендерных стереотипов в плакатах / Елена Юрьевна Рождественская // Женщина в советском плакате: 1917-1991. - М.: Контакт-Культура, 2014. - 240 с. - С. 112-145.; Темкина А.А. Изучение сексуальной пропаганды / Анна Адриановна Темкина // Гендерные исследования. - 2006. - № 14. - С. 56-78.; Она же. Анализ медицинских дискурсов / Анна Адриановна Темкина // Советская медицина и власть: 1917-1991. - М.: РОССПЭН, 2018. - 416 с. - С. 287-315; Темкина А.А., Рождественская Е.Ю. Гендерная память советского: визуальные репрезентации и телесные практики / А.А. Темкина, Е.Ю. Рождественская. - СПб.: Европейский университет, 2020. - 328 с.

[1] Кабацков А.Н. Повседневная жизнь населения России в период революции и Гражданской войны (1917-1922 гг.). — М.: РОССПЭН, 2014. — 303 с.

[2] Борисенок Е.Ю. Крестьянство и власть: восприятие советской агитации в 1920–1930-е гг. – М.: РОССПЭН, 2018. – 280 с.

агитации, С.А. Кислицын и О.В. Матвеев [1] – работы по региональной специфике.

Работы по исследуемой теме можно распределить на несколько направлений: исследования послесоветского времени, формирующие теорию и методологию новейших подходов; изучение истории большевистской партии, направленное на особенности ее пропагандистской работы в разные периоды истории; труды, направленные на изучение идеологической деятельности государственных и партийных органов, включающей проведение праздничных мероприятий и других видов массовой агитационной и пропагандистской деятельности (митинги, дни и недели, посвященные определенной политической тематике, проведение политических собраний); работы, включающие в себя изучение агитационно-пропагандисткой деятельности среди различных категорий населения, например, женщин, молодежи, детей. Особняком стоит выделить работы, направленные на изучение агитационно-пропагандисткой деятельности по ликвидации безграмотности[2].

Так, Р.В. Ильязова изучала советскую пропаганду, образ врага в пропаганде, пропаганду в образовании. Исследования Р.Н. Ракова касались военной пропаганды, языка пропаганды. Труды Н.А. Краснощекова затрагивали пропаганду в СМИ, контрпропаганду[3].

---

[1] Кислицын С.А., Матвеев О.В. Кубань в эпоху советской модернизации (1920–1930-е годы). – Краснодар: Традиция, 2020. – 400 с.

[2] Глущенко И.В. Советский просветительский проект: ликвидация неграмотности среди взрослых в 1920–1930-е годы // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 256-282; Петрова Я.И. Организация обучения взрослых в процессе ликвидации неграмотности в СССР в 1920 - 1930-х гг.: дис... к.п.н. Самара, 2010.

[3] Ильязова Р.В. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918 – 1941 гг. (по материалам Симбирского-Ульяновского края): дисс…к.и.н. Саранск, 2021. Краснощеков Н.А. Пропаганда советской внешней политики в печатных средствах массовой информации по

Изучением радио в качество агитационно-пропагандистского средства занимались Т.М. Горяева, Ю. Мурашов.[1] Работы, принадлежавшие Т.М. Смирновой, С.Г. Новикову, Л.С. Цветлюк, М. Пилецкой, А.Ю. Рожкову, Н.Н. Билиму [2] посвящены идеологической работе среди молодежи. Эти

вопросам военно-политического противостояния с США (1956–1963 гг.): дисс…к.и.н. М., 2022.

[1] Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – 1930-х годах. Документированная история. М., 2009.; Мурашов Ю. Электрифицированное слово. Радио в Советской литературе и культуре 1920-30-х годов // Советская власть и медиа. СПб., 2006.; Цветлюк Л.С. Молодежь в преобразовании страны на коммунистических началах: методология, историография, исторические уроки 1917-1941 гг. М., 2006.

[2] Смирнова Т.М. Детские дома и трудколонии: жизнь «государственных детей» в Советской России в 1920-1930-е гг. // Вестник РУДН. Серия история России. М., 2012. С. 16-17; Пономарева М.А., Сароглиди, А. В. Создание агитационно-пропагандистских структур на Дону и Кубани в 20-30-е гг XX в // Вопросы истории. – 2021. – № 12-2. – С. 122-131.; Сароглиди, А. В. Агитационно-пропагандистская деятельность Красной Армии в периодической печати 1920-х годов (на примере Кубано-Черноморской области) / А. В. Сароглиди // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2025. – № 1(225). – С. 65-70.; Она же. Агитационно-пропагандистская деятельность на Дону в контексте современных реформ 1920-1930 гг // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 1(92). – С. 81-85.; Она же. Агитационно-пропагандистская деятельность Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Донской области в 1920-е годы и изменение уклада жизни молодежи // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2(194). – С. 71-75.; Она же. Донская вузовская интеллигенция и политические реформы 1980-начала 1990-х годов. // Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 20–21 октября 2016 года / Министерство образования и науки РФ; ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Институт истории и международных отношений; Российский гуманитарный научный фонд. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. – С. 406-412.; Она же. Кино и радио как средство агитационно-пропагандистской деятельности на Дону и

исследователи внесли значительный вклад в понимание того, как радио и идеологические кампании использовались для управления общественным сознанием, особенно в советский период. Их работы помогают проследить механизмы пропаганды и её влияние на разные социальные группы, включая молодежь.

Исследователи, изучавшие «женский вопрос» в СССР, выделяют несколько ключевых периодов, в рамках которых политика государства и реальное положение женщин существенно менялись, выделяют их характерные черты, общее и особенности. Таким образом, тема эволюционировала от официально-апологетических работ к комплексному изучению, включающему социальную историю, антропологию, гендерные

Кубани в 1920-1930 гг. // Наука и общество - 2021: Материалы международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 09 апреля 2021 года / Под редакцией Н.Б. Осипян, И.В. Макаровой, М.И. Жбанниковой. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2021. – С. 290-294.; Она же. Место пропаганды и агитации в экономических вопросах на Дону в 1920-1930 гг. // Наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : Материалы международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 28 июня 2018 года / Под редакцией Н.Б. Осипян, М.А. Дмитриевой, М.И. Жбанниковой. – Ростов-на-Дону: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2018. – С. 368-377.; Она же. Местная печать и роль в пропаганде среди молодежи 1920-1930 гг. (на примере Донской области). // Научная мысль. – 2017. – № 1. – С. 68-74.; Она же. Пропаганда в фольклоре Дона в 1920-1930-е годы. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9, № 4-2. – С. 82-88.; Она же. Формирование советского мировоззрения молодежи с помощью местной печати в 1920-1930 гг. (на примере Донской области). // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 2(90). – С. 68-71.; Новиков С.Г. Воспитание бытовой морали рабочей молодежи в условиях модернизации России 1920-1930–х годов // Историко-педагогический журнал. Екатеринбург, 2013.; Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014.; Билим Н.Н. Пропаганда как форма воспитания советской молодежи в 1920-1930-е годы (по материалам Дальневосточного края) // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2015.

исследования. Современные авторы делают акцент на человеческом измерении, локальных практиках и альтернативных интерпретациях[1].

Таким образом, период 2010-х гг. характеризуется визуальный поворотом в исследованиях, интересом к повседневному исполнению идеологии, более сложным моделям взаимодействия с пропагандой, компаративистским исследованиям, изучением аффективных измерений пропаганды. Эти изменения отражают общую эволюцию гуманитарного знания в сторону междисциплинарности и учета сложности исторического опыта.

Изучение экономического состояния Юга России и отношения населения к НЭПу можно разделить на несколько ключевых этапов, отражающих как саму историческую динамику 1920-х годов, так и последующее осмысление этого периода в исследованиях.

Период военного коммунизма (1918–1921) характеризуется сильными разрушениями Юга России: продразверстки, реквизиции, крестьянские восстания, упадок промышленности. Работы М.А. Холодного, [2] А.Г. Беспалова [3] показывают, как жесткая экономическая политика вызвала массовое недовольство, что позже заставило власти перейти к НЭПу. Период введения НЭПа (1921–1923) характеризуется заменой продразверстки продналогом (1921), легализацией частной торговли и мелкого

[1] Обрезкова Н.В. Донская горожанка: социальный портрет и повседневность 1920 – х.: автореф. дисс. … к.и.н. Новочеркасск, 2011.; Минаева О.Д. Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «Женского вопроса» в СССР в 1920-1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ. М., 2015.

[2] Холодный М.А. Экономический кризис раннесоветского периода: 1918–1921 гг. – М.: РОССПЭН, 2017. – 432 с.; Он же. Продразвёрстка и её последствия: анализ крестьянских восстаний 1920–1921 гг. // Отечественная история. – 2015. – № 4. - 56–78 с.

[3] Беспалов А.Г. Военный коммунизм как система: экономика и протестные движения. — СПб.: Нестор-История, 2019. — 368 с.; Он же. Экономические предпосылки перехода к НЭПу // Вопросы истории. — 2020. — № 3. — С. 34-52.; Беспалов А.Г., Холодный М.А. Кризис 1921 года: от военного коммунизма к НЭПу. — М.: ИРИ РАН, 2021. — 280 с.

предпринимательства. На Дону и Кубани это привело оживлению сельского хозяйства, восстановлению рынков в Ростове-на-Дону, Новороссийске, Ставрополе, а также возвращению части казаков, бежавших во время расказачивания. Т.Д. Засорин и Ю.Г. Тамбиянц [1] анализируют, как промышленность и торговля адаптировались к новым условиям. А Я.В. Ракачёва [2] отмечает, что казаки и крестьяне сначала восприняли НЭП позитивно, но оставались подозрительными к власти.

Период расцвет НЭПа (1924–1927) отмечается стабилизацией и противоречием. Так, наблюдается рост сельхозпроизводства, развитие кооперации, социальное расслоение. С.Л. Никольский [3] показывает, как национальные регионы по-разному включались в новую экономику. В то время как А.Г. Беспалов [4] отмечает, что налоговая политика вызывала протесты у маломощных хозяйств.

Период кризиса и свертывания НЭПа (1927–1929) характеризуется хлебозаготовительным кризисом, усилением административного давления: принудительные закупки, репрессии против «кулаков», окончательным отказом от НЭПа и переходом к коллективизации (с 1929). М.А. Холодный и Я.В. Ракачёва анализируют, как крестьянство Юга сопротивлялось

---

[1] Засорин Т.Д., Тамбиянц Ю.Г. Адаптация промышленности и торговли к новым экономическим условиям в период НЭПа // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. - М.: РОССПЭН, 2018. - Т. 5. - 480 с.

[2] Ракачёва Я.В. Отношение казачества и крестьянства к НЭПу в 1921-1924 гг. // Российская история. - 2019. - № 3. - 56-78 с.

[3] Никольский С.Л. Особенности интеграции национальных регионов (на примере горских народов) в экономическую систему периода НЭПа // Этноконфессиональные аспекты экономической модернизации России в 1920-е годы / под ред. М.К. Любарского. – М.: Институт этнологии РАН, 2017. – 360 с. – С. 112–145.

[4] Беспалов А.Г. Налоговая политика 1920-х годов и её восприятие крестьянскими хозяйствами // Крестьянский протест в Советской России: 1918–1929 / сост. В.П. Данилов. – М.: РОССПЭН, 2020. – 428 с. – С. 256–290.

принудительным мерам. Т.Д. Засорин пишет о сворачивании частного сектора в промышленности.

Таким образом, появилась необходимость специального исследования, дающего комплексное сравнительное представление о массовой идеологической работе в Донской и Кубано-Черноморской областях в 1920-1930-х гг.

Цель данной диссертационной работы заключается в детальном изучении агитационно-пропагандистской деятельности органов советской власти, а также сравнительном анализе особенностей форм и методов пропаганды в Донской и Кубано-Черноморской областях в 1920-30-е гг.

Данное диссертационное исследование предполагает решение следующих **задач:**

- изучить способы и методы деятельности агитационно-пропагандистских структур, выявить их функции и эффективность на территории Донской и Кубано-Черноморской областях в 1920-30-е гг.;

- провести сравнительный анализ способов и методов пропаганды и агитации на территории Донской и Кубано-Черноморской областях в 1920-30-е гг. «по горизонтали» (между регионами) и «по вертикали» (в хронологическом аспекте);

- рассмотреть характерные черты агитационно-пропагандисткой деятельности в Донской и Кубано-Черноморской областях в 1920-30-е гг., определить, насколько она оказалась эффективной на юге страны;

- выявить и проанализировать зависимость между агитационными мероприятиями, их формами, степенью массовости и целеполагнием, и условиями политической и экономической жизни Донской и Кубано-Черноморской областей в 1920-1930-е гг.;

- провести сравнительное исследование процесса развития агитационно-пропагандистской деятельности среди разных категорий населения (в частности, женщин, детей и молодежи);

- изучить агитационную деятельность, направленную на ликвидацию безграмотности, как фактор сохранения советской власти в регионе.

Методологическая база исследования. В качестве основы данного научного исследования определяются принципы *объективности, системности и историзма*. Применение *принципа объективности*, который является ключевым элементом научной состоятельности исследования, позволило по возможности максимально исключить субъективный подход и оценку автора, корректно сформулировать объект и предмет исследования, его цели и задачи, проанализировать историографию по изучаемой тематике, подобрать и использовать источниковую базу и методы, сформулировать выводы и теоретические положения работы, установить достоверные факты о структуре и функционировании пропагандистских органов в указанных регионах. Таким образом, позволяет выявить этапы становления аппарата агитации и пропаганды в указанный период, дает возможность сравнить организационные структуры в Донской и Кубано-Черноморской областях.

Принцип *историзма* позволяет рассмотреть процесс формирования агитационно-пропагандистского аппарата в контексте социально-политических и экономических условий 1920–1930-х гг., выявить региональные особенности его развития на Дону и Кубани.

Принцип *системности* позволил проанализировать агитационно-пропагандистскую деятельность на Дону и Кубани как составную и неотъемлемую часть общей государственной политики в стране в 1920-1930-е гг. Кроме того, агитационно-пропагандистская деятельность государственных органов рассматривается как единая система в разнообразии связей и структур.

В диссертационном исследовании были использованы следующие **подходы** и **методы:** *институциональный, историко-антропологический, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-описательный (идеографический)*, а также *системный* методы.

Проблемно-хронологический метод дает возможность изучить широкий спектр проблем с учётом их порядка во времени, и помимо этого описывать происходившее в соответствии с последовательностью и учетом взаимного влияния. В контексте нашей проблемы он позволил выявить основные периоды и этапы развития агитационно-пропагандистской деятельности на Дону и Кубани. В рамках каждого периода проанализировать методы, пути и формы внедрения новых идеологических установок, их корректировку, эффективность влияния на разные категории населения, выявить специфику воздействия власти на региональное сознание в разные годы.

Сравнительно-исторический метод позволяет провести сравнительный анализ пропагандистской деятельности в двух родственных, но имеющих культурные и социально-экономические различия регионах – Дону и Кубани. Сравнение позволяет выявить общие черты и различия в методах работы агитационного аппарата, скорости и степени восприимчивости населения к пропаганде, особенностях сопротивления советской власти.

Историко-описательный (идеографический) метод применяется с целью исследования документов, относящихся к работе различных государственных структур по вопросам описания их деятельности в сфере пропаганды и агитации. Были выявлены и проанализированы разнообразные источники, позволившие реконструировать исторических процесс: приказы и отчеты местных партийных комитетов и агитпунктов, тексты выступлений агитаторов, плакаты, листовки, материалы прессы, писем во власть.

Системный метод позволяет рассмотреть советскую агитационно-пропагандистскую деятельность на Дону и Кубани как целостную систему, состоящую из взаимосвязанных элементов: цели политики, выраженной в утверждении идеологической монополии и мобилизации населения; агитационной и пропагандистской структуры; различных функций; результата (степень изменения массового сознания). Анализ этих

компонентов и их взаимодействия помогает понять, как работал механизм советской пропаганды в целом.

Институциональный подход позволяет сконцентрироваться на изучении структур и организаций, которые осуществляли агитационно-пропагандистскую деятельность с учетом исторического, политического, экономического и культурного контекстов. Он позволяет проследить, как создавались, развивались и взаимодействовали институты власти, ответственные за идеологию в регионах. Исследование включает анализ таких структур, как Агитационно-пропагандистский отдел ЦК, политотделы в частях Красной Армии, учреждения культуры (избы-читальни, клубы). Изучение их уставов, инструкций, отчетности и внутренней иерархии помогает понять административно-командные механизмы внедрения идеологии. В контексте Дона и Кубани это также позволяет выявить, как общие директивы из центра адаптировались к специфике указанных регионов[1].

Историко-антропологический подход позволил перенести внимание с государственных структур на агентов пропаганды (агитаторов, комиссаров, журналистов), а также на обычных жителей Дона и Кубани, являвшихся ее объектами. Этот подход позволил реконструировать повседневные практики, мотивы, стратегии приспособления и сопротивления, эмоциональное восприятие пропаганды. призму человека, его мировоззрения, поведения, ценностей и повседневных практик. Он позволяет сконцентрироваться на человеческом измерении истории, показать, каким образом пропаганда и агитация изменяла общественное сознание людей, пути и способы

[1] Тоштендаль Р. Возвращение историзма? Нео-институционализм и «исторический поворот» в социальных науках //Диалог со временем. -2010. – № 30. – С. 14-25.; Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология. – 2011. Т. 2. № 4. – С. 28-55.

формирования советской идеологии через агитацию и пропаганду, каким образом формировались новые традиции и обрядовые практики[1].

Источниковая база исследования состоит из опубликованных и неопубликованных архивных материалов. Значительная группа источников представляет собой архивные документы, находящихся в фондах Центра документации новейшей истории Ростовской области Российской Федерации (ЦДНИРО), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Государственного архива Ростовской области (ГАРО), Центре документации новейшей истории Краснодарского края Российской Федерации (ЦДНИКК). Деление данных материалов на группы источников в целом сопадает с опубликованными материалами. Представленные документы позволяют в максимальной степени достоверно и многогранно изучить агитационно-пропагандистскую работу, проводимую партийными советскими органами власти в 1920-30-е годы в региональном аспекте. Многие документы введены в научный оборот впервые. Использованные источники можно разделить на несколько групп: документы государственных органов власти; документы и материалы политических партий и общественных организаций; произведения идеологов политических партий и общественных организаций; выступления и речи лидеров политических партий и государственных и общественных деятелей; периодическая печать; агитационно-пропагандистские материалы. Классификация групп источников совпадает с опубликованными материалами.

Из-за особенностей агитационной работы в таком многонациональном регионе, как Донская область, важное место занимают следующие фонды Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО): Ф. 1 (Рост. (с) обком КПСС), Ф. 4 (Донской обком РКП(б), Ф. 5 (Дон. окружком

[1] Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / Марк Блок; Пер. Е. М. Лысенко; Примеч. и ст. [с. 182-231] А. Я. Гуревича; [АН СССР.]. - 2-е изд., доп. - Москва : Наука, 1986. - 254,[2] с.; Февр, Л. Бои за историю. — М.: Наука, 1991. — 632 с.

ВКП(б), Ф.6 (1-й Донской окружком РКП(б), Ф. 7 (Северо-Кавказский крайком ВКП(б) [1] . Данный архив предоставил массу сведений об агитационно-пропагандисткой деятельности в деревне, среди детей и молодежи; указал на состояние сельского хозяйства и промышленности; предоставил информацию о средствах и методах политико-образовательной и воспитательной деятельности на Дону в 1920-1930-х годах. К используемым в диссертационном исследовании фондам Государственного архива Ростовской области (ГАРО) относятся фонды Ф.Р-88 (Издательство «Советский Юг»), Ф.Р-89 – это объединение издательств Советский Юг и Трудовой Дон и Ф.Р-1485 (Исполнительный комитет Азово-Черноморского краевого Совета [2] . В Государственном архиве Ростовской области самой важной стала местная пресса, являвшаяся одним из главных средств политической агитации: газеты «Ленинские внучата», «Большевистская смена», журналы «Голос труда, «Голос рабочего», «Зори», «Горн», «Лава».

[1] См. напр.: ЦДНИРО. Ф. 4 (Донской обком РКП(б). Оп. 1. Д. 61а. Протоколы Краевого объединенного совещания заведующих обл. и губ. Отделами по работе в деревне и отделами работниц. Совещания заведующих организационно-инструкторскими отделами областных и губернских комитетов РКП(б) Кавказа и Дона; ЦДНИРО. Ф. 6. 1-й Донской окружком РКП(б). Оп. 1. Д. 33. Протоколы расширенного заседания РКП(б). информационный доклад о работе ячеек, среди молодежи, тезисы о работе в деревне, о международном положении, едином сельхозналоге, образовании в первом Донском округе.; ЦДНИРО. Ф. 7. Северо-Кавказский крайком ВКП(б). Оп. 1. Д. 21. Протоколы заседаний бюро краевого комитета РКП(б) №39-44.; Д. 99. Протокол № 57 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). и др.

[2] ГАРО. Ф.Р-88. Издательство «Советский Юг»). Оп. 1. Д. 34. Издательство газеты «Советский Юг». Февраль 1922-август 1924 гг.; ГАРО. Ф.Р-89. Объединение издательств «Трудовой Дон» и «Советский Юг» Северо-Кавказского краевого акционерного общества издательского и печатного дела (Севкавиздат). Оп. 1.; ГАРО. Ф.Р-1485. Исполнительный комитет Азово-Черноморского краевого Совета депутатов трудящихся (Азчеркрайисполком). Оп. 1. Д. 34 (Справки и удостоверения членов и кандидатов в члены Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета, и др.

Немаловажную роль в диссертационном исследовании играют архивы Краснодарского края. В Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК) автор использует следующие хранилища: Ф.Р-143 – Кубано-Черноморский областной совет народного хозяйства; Ф.Р-411 – собрание документов, имеющих историческую значимость касаемо революции и гражданской войны; Ф.Р-59 - из Краснодарского отдельского земельного управления; Ф.Р-102 - из Кубано-Черноморского областного отдела управления; Ф.Р-1547 – собрание материалов, собранное краеведом П.В. Мироновым; Ф.Р-158 - из Кубано-Черноморского областного революционного комитета; Ф.Р-365 – из Кубано-Черноморского областного отдела народного образования; Ф.Р-1513 - из Коллекции документов композиторов Кубани; Ф.Р-890 – из исполнительного комитета Кубанского окружного отдела народного образования. В собраниях вышеуказанного архива были обнаружены воспоминания современников о В.И. Ленине, революции и гражданской войне, а также об агитационно-направленных праздниках и демонстрациях, агитационно-пропагандистских днях, неделях, месяцах на Кубани[1].

Целый ряд фондов был использован в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК): Ф. 1 - Кубано-Черноморский

[1] ГАКК. Ф. Р-411. Коллекция документов по истории революционного движения и гражданской войны на Кубани и Черноморье. Оп. 2. Д. 16 Протокол совещания старых членов партии большевиков об итогах работы Кубанского окружного истпарта, архивного бюро и музея Октябрьской революции. Переписка с гражданами о выдаче архивных справок.; ГАКК. Ф. Р-411. Коллекция документов по истории революционного движения и гражданской войны на Кубани и Черноморье. Оп. 2. Д. 165. Статьи, заметки, стихотворения, воспоминания о В.И. Ленине и революции 1905 года; ГАКК. Ф.Р-59. Краснодарское отдельское земельное управление исполнительного комитета Краснодарского отдельского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Оп. 1. Д. 456 Копии распоряжений, инструкций, протоколов заседаний Народного Комиссариата просвещения и Краевого отдела социального образования, и др.

областной комитет РКП (б), Ф. 8 - Кубанский окружной комитет ВКП(б), Ф. 1771 - Кавказский отдельский комитет РКП(б), Ф. 1992 - Кубано-Черноморский областной комитет РКСМ, Ф. 2816 - Майкопский окружной комитет ВКП(б) Республик Адыгея. Центр документации новейшей истории Краснодарского края предоставил возможность тщательно проанализировать газету «Красное знамя», получить сведения о методах агитационной работы среди детей и подростков, женщин, малограмотного населения Кубани в 1920-1930-х годах[1].

В указанных фондах имеются источники, дающие возможность в полной мере исследовать способы проведения мероприятий по агитации и пропаганде среди представителей разных национальностей, проживающих на территории Кубани и Дона. Получены возможности описать методы преодоления имевшихся трудностей при недостатке обученных агитаторов и методик работы, показать особенность работы среди женщин, детей, молодежи, указать на проблему безграмотности и способы ее решения, рассмотреть экономическую ситуацию страны и т.д.

Документы органов государственной власти включают в себя комплекс документов, регламентирующих реализацию агитационно-пропагандистской деятельности на Дону и Кубани. Их анализ позволяет выявить характер и основные этапы политической трансформации общества. Основополагающими представляются документы, раскрывающие условия культурного строительства на Дону и Кубани, такие как решения и постановления съездов Советов, а также особенности участия политико-

[1] ЦДНИКК. Ф. 8. Кубанский окружной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 325. Отчет о работе Кубокрсекции научных работников при союзе Рабпрос.; ЦДНИКК. Ф. 1992. Кубано-Черноморский областком РКСМ. Оп. 1. Д. 13. Директивные указания ЦК РКСМ и крайкома по вопросам работы среди призывников, работы клубов и участие комсомольцев в сельскохозяйственной кампании.; Ф. 1992. Кубано-Черноморский областком РКСМ. Оп. 1. Д. 14. Директивные указания бюро юго-востока, тезисы и планы работ по вопросам агитмассовой и политико-просветительской работы, и др.

просветительстких учреждений в реализации государственной политики, в частности, ликвидации безграмотности[1].

Документы и материалы политических партий и общественных организаций составляют самостоятельную группу источников, которая содержит важную информацию об идеологии и программных установках ВКП(б), в том числе по вопросам агитации и пропаганды[2]. В данной связи заслуживает внимания сборники, посвященные основным решениям и документам, принятым ВКП(б) конкретно по вопросам агитации и порпаганды[3]. Особенностью данной группы источников является то, что они сами по себе отличались пропагандистской риторикой, в частности, это наглядно показывают протоколы съездов и заседаний.

Большое значение для конкретизации позиции по рабочему вопросу имеют *произведения идеологов политических партий и общественных организаций.* В рамках данного исследования важное значение имеют работы исследователей 1920-1930-х годов по данной теме. Они представляют собой историографический факт, который позволяет проследить, каким образом сформировалось знание о формировании и развитии агитационно-

---

[1] См. напр.: Культурное строительство на Кубани (1918–1941 гг.): Сб. документов / Науч. ред. И.Я. Куценко. – Краснодар: Кубанское кн. изд-во, 1998. – 220 с.; Наркомпрос РСФСР. Об участии политико-просветительных учреждений в завершении ликвидации неграмотности и обучения малограмотных. – М.: Учпедгиз, 1941. – 24 с.; Съезды Советов в документах. 1917–1936. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1959. – 480 с.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Госполитиздат, 1953. – 620 с.; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 2. – 580 с.; Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). – М.: Госполитиздат, 1947. – 320 с.; Резолюция XI Донской окружной партконференции «По работе среди работниц, батрачек, крестьянок и казачек». – Ростов н/Д.: Изд-во СКК ВКП(б), 1928. – 36 с.

[3] Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). – М.: Госполитиздат, 1947. – 320 с.

пропагандистской деятельности непосредственно в момент происходящего события. В этих трудах не содержится точных инструкций и методик по проведению агитации и пропаганды на практике.Эти работы выполнены на базе мемуаров свидетелей происходившего в те годы, и нашли свое отражение в книгах, газетах и журналах. Несмотря на то, что эти публикации содержат описание событий, они обычно бывают относительно поверхностны, и отражают точку зрения, соответствующую генеральной линии партии.[1]

Большое значение при этом имеют работы В.И. Ленина, в которых имеются рекомендации специалистам в области агитации и занимающимся пропагандой.[2] В работах таких крупных большевистских идеологов, как Н.К. Крупская,[3] А.В. Луначарский,[4] М.И. Калинин,[1] было представлено и

---

[1] См. напр.: Адам И. Из опыта работы семинара пропагандистов // Пропагандист. 1936. № 20. С. 99-103; Борева М. Организация вечеров «вопросов и ответов» на предприятиях // Там же. С. 41-45; Липович И. Шире развернуть агитационно-массовую работу // Пропагандист и агитатор Рабочей Крестьянской Красной Армии (РККА). 1938. № 36. С. 17-21; Мальцев К. К постановке агитработы // Спутник агитатора. 1925. № 15. С. 33-38; Он же. Формы массовой агитации // Там же. 1925. № 16. С. 28-32; Он же. Групповая и индивидуальная агитация // Там же. 1925. № 11. С. 37-41; Маханов А. К вопросу об организации и содержании лекционной пропаганды // Пропагандист. 1943. № 5. С. 34-37; Морозов-Вронцов Н. Как ставить работу кружка агитаторов // Там же. С. 42-46; Гражданская война. 1918-1921. В 3 т. Т. 2. М., 1928; Херсонская Е. Наглядные пособия при докладах и речах // Там же. № 15. С. 38-42.

[2] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 41. – 640 с.

[3] Крупская Н.К. Педагогические сочинения в 10 т. – М.: АПН РСФСР, 1959. – Т. 7. – 520 с.; 1960. – Т. 8. – 540 с. Она же. Заметки о букваре // Крупская Н.К. Собр. соч. в 10 т. – М.: АПН РСФСР, 1959. – Т. 9. – 480 с.; Она же. О кружковой работе // Там же. – Т. 9. – 480 с. С. 653–656; Она же. Организация самообразования // Там же. С. 58–86; Она же. Основные вопросы самообразования // Там же. С. 22.

[4] Луначарский А.В. Агитация и искусство // Луначарский А.В. Полн. собр. соч. в 8 т. – М.: Художественная литература, 1997. – Т. 7. – 480 с. С. 356–358.

руководство к действию в отношении пропаганды и агитации. А.В. Луначарский, а так же М.И. Калинин акцентировали внимание на отдельных моментах, касающихся агитации и пропаганды. Их выводы заключались, например, в том, что требуется соответствовать чувствам и чаяниям народных масс.

В *выступлениях и речах лидеров политических партий и государственных и общественных деятелей* были определены средства и формы проведения идеологической работы. Полную итоговую оценку полученного опыта в области агитации и пропаганды, проведенной в различных районах при разных условиях, сделали Н.К. Крупская и В.И. Ленин [2] . В данных выступлениях заложены основы государственной политики по агитации и пропаганде.

Отдельную группу источников составила *периодическая печать*. Значительную часть информации предоставила издаваемая на Кубани газета «Красное знамя». Также для изучения агитационной и пропагандистской деятельности важное значение играют периодические издания «Крестьянка» и «Работница». Также важны для достижения задач исследования

---

[1] Калинин М.И. О некоторых вопросах агитации и пропаганды. – М.: Партиздат, 1938. – 96 с.

[2] См. напр.: Крупская Н.К. Еще раз о ликвидации неграмотности (выступление на Всесоюзном методическом совещании по ликвидации неграмотности и малограмотности) // Крупская Н.К. Собр. соч. в 10 т. – М.: АПН РСФСР, 1959. – Т. 9. – 480 с. С. 209–214; Она же. Место ликвидации безграмотности в политпросветработе (из доклада на II Всероссийском съезде по ликвидации безграмотности) // Там же. С. 138–141; Она же. Необходимо немедля браться за учебу (выступление на совещании ликвидаторов неграмотности) // Там же. С. 19–22.; Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 44. – 620 с. С. 174, 390.; Он же. К женщинам-работницам // Там же. – Т. 25. – 580 с. С. 41.; Он же. Речь на митинге в Народном доме в Петрограде. 13 марта 1919 г.: Газетный отчет // Там же. – Т. 38. – 580 с. С. 33–38.

периодические издания: «Советский Юг», «Известия Донкома Российской Коммунистической Партии (большевиков)», стенная газета «Куб-Чер-Рост», периодические журналы «Горн», «Зори», детская периодика «Пионерская правда» и «Ленинские внучата». Периодическая печать содержит официальные сообщения, пропагандистские материалы. Именно печать оказывала ключевое идеологическое и пропагандистско-агитационное воздействие на общество в 1920-1930-е гг[1].

Наконец, *агитационно-пропагандистские материалы* позволяют увидеть те изобразительные средства, которые явились воплощение поставленных партией и правительством задач, оценить степень и массовость идеологического воздействия на населения, определить наиболее яркие средства воздействия[2].

В целом, источниковую базу диссертационного исследования отличает репрезентативный характер, использование указанных групп источников позволило осуществить всесторонний анализ государственной политики в области агитации и пропаганды в 1920-1930-е годы на Дону и Кубани, показать ее роль и значение в общественно-политической повестке, раскрыть суть и содержание, проследить динамику реализации.

Научная новизна диссертационной работы:

[1] См. напр.: Красное знамя. 1921 г. № 226, 229, 271, 311, 344; Красное знамя 1922 г. № 560, 655, 667; Крестьянка. 1930. № 24.; Куб-Чер-Рост. 1921. № 10.; Лава. 1926. № 1, 2. Л. 6, 9, 34, 49.; Молот. 1929. № 2380, 2381, 2382.; Ленинские внучата. 1924. № 3.; Пионерская правда. 1928. № 186, и др.

[2] Агитмассовое искусство Советской России. Материалы и документы: Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918–1932. В 2 т. / Под ред. В.П. Толстого. – М.: Искусство, 2002. – Т. 1. – 320 с.; Т. 2. – 298 с.; В тисках идеологии. Антология литературно-политических документов (1917–1927). – М.: РОССПЭН, 1992. – 240 с.

1. Выявлена и обоснована специфика создания и деятельности организаций в Донской и Кубано-Черноморской областях в 1920-30-х годах XX в., специализирующихся на массовой агитации и пропаганде, провести сравнительный анализ реализации политики в данных регионах. Изучение законодательных и делопроизводственных документов показало, что непосредственно сразу после прихода большевиков на юг страны партийный комитет РКП(б) (а с 1925 года - ВКП(б) признавал чрезвычайно значимыми следующие направления: ликвидация политической и культурной безграмотности, привлечение женщин в ряды трудящихся, воспитание партийной молодежи. Повышенное внимание уделялось воспитанию нового советского человека среди бывшего казачества.

2. Доказано массовое воздействие большевиков на литературную, публицистическую и художественно-агитационную работу на территории Кубани и Дона в 1920-е и 1930-е годы. На основе изучения архивных документов сделано заключение о том, что государство определяло совокупность тем в прессе, репертуар театров, кинематографа, радиопередач.

3. Обосновано обращение агитационно-пропагандистского воздействия на такие категории населения, как женщины, дети и молодежь Дона и Кубани. Именно на женщин была возложена задача «поднятия» страны. Женщины привлекались для активной партийной и трудовой работы. Согласно архивным данным и данным периодической печати, молодое поколение представляло собой гигантский ресурс, и важнейшей задачей пропаганды и агитации стало воспитание нового коммунистического поколения.

4. Образование стало обязательным для всех без исключения. Основными направлениями стали изучение марксисткой теории и антирелигиозное воспитание. Отмечена связь между ликвидацией безграмотности, воспитанием детей и инструментом агитационно-пропагандистской деятельности.

Положения, выносимые на защиту:

1. В 1920-30-е гг. агитационно-пропагандистскую деятельность советской власти на Дону и Кубани можно разделить на два условных этапа: в 1920-е годы произошло становление как государственной политики в области агитации и пропаганды, так и структур, действующих на местах. Определились ее основные формы и методы. На Дону и Кубани данный этап характеризовался скрытым латентным сопротивлением государственной политике, что выражалось в латентном сопротивлении активности инструкторов и иных лиц, отвечающих за реализацию агитации и пропаганды. Вместе с тее, оформились основные социальные группы, на которые была направлена агитация и пропаганда: казачество, женщины, дети и подростки, безграмотные. массовая агитация и пропаганда являлись одним из важнейших методов укрепления власти большевиков. В 1930-е гг. партийные организации Дона и Кубани накопили достаточно опыта для самостоятельной работы. Делался упор на подготовленные на более раннем этапе кадры. Несмотря на то, что женщины и дети по-прежнему являлись объектом приложения усилий пропагандистов и агитаторов, тем не менее, значительно снизилось количество материалов, направленных на ликвидацию безграмотности (в связи с решением данного вопроса), а также на донское и кубанское казачество (которое практически перестало позиционировать себя как отдельную категорию населения после проведения политики коллективизации и расказачивания). Агитаторы Дона и Кубани усиливали политвоспительную работу путем привлечения в кружки, дисциплину и активность партийных ячеек, агитационной работы за станком, во время перерывов, на квартире, в личных беседах, в казармах, домах крестьянина.

2. Образование агитационно-пропагандистских органов на территории Кубани и Дона проходило одновременно с созданием самих партийных структур из-за того, что этом регионе советская власть окончательно

установилась достаточно поздно - в 1920-е годы. Причины были в специфике населения региона, в большой мере представленного казачеством, благоприятно относившегося к царской власти и православной вере, и противостоявшему большевикам. Но в 1928 году механизм государственной пропаганды стал всеобъемлющим и стал воздействовать на большинство жителей на территории Кубани и Дона.

3. На Дону и Кубани в 1920-е и 1930-е годы основное значение имели устная пропаганда и наглядная агитация по причине невысоких затрат на их проведение. На территории Кубани и Дона представители большевистской власти пользовались агитационным, художественно-агитационным и литературно-публицистическим видами работы. Одними из самых эффективных стали субботники, воскресники, пропагандистские дни, недели месяца, а также митинги, демонстрации и вечера воспоминаний.

4. Печатные издания являлись одним из основных средств пропаганды большевиками своей идеологии. При этом важнейшее значение получало создание мировоззрения у широких масс трудящихся, так как они представляли наиболее деятельную и отзывчивую часть жителей страны. На территории Кубани и Дона активно велась агитация и пропаганда в печати. Периодические издания, листовки, бюллетени печатались значительными тиражами, широко распространялись среди населения и были понятны всем слоям народа, в том числе малограмотным.

Теоретическая значимость исследования заключается в глубоком обосновании на основе широкого круга опубликованных и неопубликованных источников и достижений современной историографии вариантов решения вопроса об агитационно-пропагандистском направлении формирования среди населения одного из самых сложных регионов симпатии к советской власти в первые годы ее существования. Полученные выводы могут стать основанием для выработки концептуальных основ государственной молодежной политики в современной России, а также

механизмов деятельности по реализации основных направлений формирования общественного сознания, имеющих важное политическое значение для развития российского общества.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертационного исследования можно применять для разработки стратегии государственной социальной и культурной политики, а также развитии гражданской идентичности России среди молодежи. Полученные результаты являются основой для лекционных и практических материалов, справочников, учебных пособий, монографий историческому и краеведческому направлениям.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Проблематика и выводы диссертации соответствуют шифру научной специальности 5.6.1. Отечественная история, и, в частности, следующим областям исследования: п.4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п.7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; п.18 Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества; п.24. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Апробация исследования. Основные положения и выводы диссертации представлены автором в 7 опубликованных научных работах, в том числе в 4 статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации, 1 статье из списка журналов иностранных баз цитирования (в соавторстве), в 2 статьях из журналов, входящих в РИНЦ, а также в 3 тезисах научных докладов по итогам научных международных и всероссийских конференций общим объемом 6,8 п.л. Положения диссертационного исследования были

апробированы в докладах на 4 международных и всероссийских конференциях, в том числе: «Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности», Всероссийская научная конференция (Ростов-на-Дону, 20–21 октября 2016 года); «Sic Transit: революции в политической истории и социальной памяти», Всероссийская (с международным участием) научная конференция (Ростов-на-Дону, 28-29 июня 2017); «Наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации», Международная научная конференция (Ростов-на-Дону, 28 июня 2018 года); «Наука и общество - 2021», Международная научная конференция (Ростов-на-Дону, 09 апреля 2021 года).

Структура диссертационного исследования основана на проблемно-хронологическом принципе и обоснована спецификой объекта и предмета изучения, основными направлениями научного анализа и объемом поставленных исследовательских задач. Данная научная работа состоит из введения, двух глав, состоящих из трех параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

Глава I. Деятельность партийно-советских органов политической пропаганды и агитации на территории Дона и Кубани в 1920-1930-е гг.

1.1. Формирование и первые этапы деятельности агитационно-пропагандистских органов и учреждений на Дону и Кубани в 1920-1930-е гг.

Зарождение агитационно-пропагандистских органов и учреждений в советской России произошло еще в период Гражданской войны.[1]

По мнению Е.В. Ермоленко,[2] непосредственно система агитационно-пропагандистской деятельности, позволила советскому правительству в кратчайшие сроки устранить те политические и военные конфликты, которые были на пути укрепления общества и осуществить переход страны к следующему этапу социально-политического развития.

По мнению О.А. Антипиной,[3] важную роль в 1918-1920-х годах играла идеологическая работа среди населения. Именно она помогла одержать победу в Гражданской войне. Также, по мнению Н.В. Черновой,[4] ярким являлся полководческий образ И.В. Сталина в период гражданской войны.

Высшим органом власти и управления в это время на Северном Кавказе являлся Северо-Кавказский революционный комитет, деятельность которого

---

[1] См. подр.: Данилин А.Б., Евсеева Е.Н., Карпенко С.В. Гражданская война в России (1917-1922 гг.) // Новый исторический вестник. 2000. С. 98-158. С. 1-2.

[2] Ермоленко Е.В. Агитационно-пропагандистская работа РКП(б) в условиях Гражданской войны :1917-1920 гг.: автореф. дисс… к.и.н. М., 2006. С. 12.

[3] Антипина О.А. Агитационно-пропагандистская, политико-массовая работа большевиков среди трудящихся Терека в годы гражданской войны (июнь 1918 - март 1920 гг.): автореф. дисс… к.и.н. Орджоникидзе, 1984. С. 22.

[4] Чернова Н.В. Полководческий образ Сталина периода гражданской войны в трактовке советского художественного кинематографа второй половины 1930-х - начала 1950-х годов: автореф. дисс… к.и.н. Магнитогорск, 2007. С. 10.

охватывала Кубань, Черноморье, Ставропольскую губернию, Терскую область и Дагестан. Областные и губернские ревкомы создавали станичные и аульские, районные, окружные органы власти под непосредственным руководством Северо-Кавказского революционного комитета. Подрбно об их деятелности пишет в своих работах А.С. Бочкарева[1].

Основание революционных комитетов в населенных пунктах Кубани и Дона определялось целым рядом причин, одной из которых была тяжелая обстановка в Донской области, где фактически еще шла гражданская война. Требовалась сильная власть, которая могла бы эффективно решать на местах все вопросы в условиях военного времени. Созданные ревкомы должны были организовать выборы в формируемые Советы, и после этого возложить на руководство в полной мере.[2] На местах на них было возложено временное осуществление политической и административно-хозяйственной власти. Состав ревкомов всех уровней формировался из отделов, имеющих, в свою очередь, свои подотделы и секции. Так как военное положение в области было отменено лишь в 1922 году, свою работу ревкомы строили на основе политотделов воинских частей. [3] Партийные организации руководили ревкомами. Свои отчеты ревкомы направляли в губкомы и обкомы РКП(б). В

[1] Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 Краснодар, 2007.

[2] Волошко Т. Памятный двадцатый год. Борьба большевистских комитетов за советизацию Кубано-Черноморской области в 1920 году. Краснодар, 1964. С. 18.; Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 Краснодар, 2007.

[3] Щетнев В.Е. История Кубани с древнейших времён до конца XX века. Краснодар, 2004. С. 32.; Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в...

состав ревкомов входили члены губкомов и обкомов, а так же окружных комитетов РКП(б), а представители ревкомов входили в парткомитеты.[1]

В период марта - мая 1920 года было создано 320 волостных и станичных, 199 хуторских и аульских и 11 отдельских ревкомов.[2] Уже летом 1920 г. было создано около 700 ревкомов, охватывавших более 5 тысяч станиц, сел и аулов. Отдельские ревкомы, имеющие права и обязанности уездных исполкомов, располагались в Екатеринодаре, Майкопе, Ейске, Армавире, станицах Кавказской, и Баталпашинской (г. Черкесск)[3].

Екатеринодарский отдел был разделен на 9 районов; Ейский делился на 10. Новороссийский, Туапсинский, Сочинский окружные ревкомы были сформированы в Черноморье.[4] Отдел по работе в станицах был образован к 1 мая 1920 года. Революционные комитеты должны были завершить свое существование после проведения выборов в Советы и создания их исполкомов.

Однако в связи пробелами со снабжением продовольствием, недовольством зажиточного крестьянства в условиях политического противостояния, ревкомы сохранились и после выборов.[5] В некоторых

---

[1] Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. М., 1990. С. 73.; Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в...

[2] Кондаков А. Разгром десанта Врангеля на Кубани. Краснодар, 1960. С. 29.; Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в...

[3] См. Подр.: Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в...

[4] Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1976. С. 260.; Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в...

[5] Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. М., 1990. С. 226.

районах Северного Кавказа до 1926 г. происходили случаи возврата к ревкомам.[1]

25 марта 1920 г. был издан декрет СНК «О строительстве советской власти в казачьих областях»[2]. На основании этого декрета, формировались государственные органы. При этом воплощались в жизнь новая конституция и Положения ВЦИК «О сельских советах» и «О волостных исполнительных комитетах». На Дону и Кубани состоялись митинги на темы: «Чем побеждает Советская Россия», «Чего хотят коммунисты-большевики». В начале 1920-х годов митинги стали привычной частью жизни в регионе. Перечисленные распоряжения, постановления и приказы были чрезвычайно важны для становления новой власти, которая приступила к объединению некогда разделившихся частей одной страны, обеспечивая их существование в рамках единой системы.

Что касается Кубани, то 20 октября 1920 г. Кавказское бюро ЦК РКП(б) пришло к выводу о замене революционных комитетов Советами.[3] В январе 1921 г. состоялся областной съезд Советов Кубано-Черноморской области, на котором был избран областной исполнительный комитет. Главой комитета избрали Яна Полуяна. Однако ревкомы на Кубани просуществовали вплоть до 1926 года[4].

Стоит отметить, что выставленные задачи должны были осуществиться в стране с сильнейшим экономическим и политическим кризисом: голод, нищета, разруха. Секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) А.И. Микоян в своих мемуарах писал, что о Ростове складывалось очень печальным

---

[1]Там же. С. 228.

[2] Декрет Совета Народных Комиссаров. О строительстве Советской власти в казачьих областях. 25 марта 1920 г. // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1920. 3 апреля. № 73

[3] Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. М., 1990. С. 215.

[4] Там же. С. 227.

впечатление: дома разрушены, заметны следы от пуль и снарядов. Абсолютное большинство домов не ремонтировалось длительное время. На улицах не только грязь, но и попадаются трупы умерших. На них прохожие уже не обращали внимания, по-видимому, из-за привычности такой картины.[1]

В таких условиях именно на агитационно-пропагандистскую работу рассчитывали большевики, чтобы «поднять» экономику через энтузиазм масс. Архивные данные располагают циркулярами Донкома РКП – в соответствии с принятой 4-й Областной Партконференцией резолюцией по организационному вопросу Донским Комитетом разработан план деятельности Оргинотдела по 1 декабря 1921 года.[2]

Этот план охватил все стороны организационной работы, согласовав ее с принципа рабочей демократии, положенными X партсъездом в основу партийного строительства.

В целях широкого осведомления всех парторганизаций Донобласти о текущей работе Донкома и Окрпарткомов два раза в месяц Донской Комитет рассылает Окрпарткомам и Горрайкомам протоколы заседаний Донкома, его бюро и других важнейших заседаний; раз в месяц доклад о работе Донкома, обзор работы парторганизации Донобласти и другой отчетный материал, предоставляемый в ЦК.

Вместе с тем, Донком обязывает Окрпарткомы два раза в месяц, кроме предоставляемых ими протоколов, циркуляров и других материалов, необходимо было предоставить не менее 20 экземпляров все издания Комитета – газеты, листовки и т.д. для рассылки их Окр. и Райкомам.

В соответствие с отмеченной партконференцией необходимостью усиления связи, был введен обязательный обмен между Областными,

---

[1] Микоян А.И. Так было. Размышление о минувшем. М., 1999. С. 207.

[2] Известия Донкома Российской Коммунистической Партии (большевиков). 1921. № 5. Л. 33.

Окружными и Районными комитетами союза и партии всем информационным материалом – протоколами, отчетами, изданиями и т.д., представляемыми в высшие организации.

Наконец, информационными подотделом Донкома было установлено обязательное предоставление еженедельных сводок о ходе кампании по сбору налога, организации товарообмена, ликвидации безграмотности, работе среди женщин и молодежи и т.д.[1]

Опираясь на постановление Кубчеробласткома РКП от 4-го августа 1920 года по вопросу Секретариата Областкома[2], необходимо было провести в жизнь следующий план: наладить технический аппарат Областкома и Откомов, связь с местами и информацию о них, информацию Областкома с мест, регулярную отчетность с мест. Кроме того, провести точный количественный и качественный учет сил партии и очистить партию от нежелательных элементов, пополнить партию рабочих путем проведения партийной недели, обратить внимание на Обкомсомол, Обженотдел, женотделы, руководить партийной печатью и добиться идеальной работы Центропечати, «провести с максимальной энергией «Неделю борьбы с Врангелем». В дальнейшем вести эту работу неослабно, обращая внимание и на разложение бело-зеленых банд путем политически-разведывательной работы среди них. Станицы должны быть снабжены литературой, им должна быть оказана помощь путем устройства силами красноармейцев и рабочих специальных субботников, недель помощи»[3] и т.п.

Вышеуказанный план преследовал цель создания на Кубани сознательной организации, сплочение кубанского пролетариата в активные боевые

[1] Известия Донкома Российской Коммунистической Партии (большевиков). 1921. № 5. Л. 33.

[2] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

[3] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

организации, увеличение авторитета партии среди лояльной части казачества, а также ликвидация повстанческого движения.[1]

Согласно плану организационно-инструкторской работы Донкома РКП(б) на октябрь, ноябрь и декабрь 1921 г.[2], можно выделить следующие задачи организационного осуществления методов рабочей демократии: субботники один раз в месяц, городские районные собрания два раза в месяц, партийные собрания секретарей ячеек Ростово-Нахичеванской организации по районам три раза в месяц, один раз в месяц общегородские собрания секретарей комячеек и бюро фракции Совпрофа, собрания фракций профсоюзов отделов один раз в месяц, пленум окркомов совместно с райсекретарями один раз в месяц, собрания городских, хуторских и сельских ячеек устраивать раз в неделю; заседания Донкома совместно с секретарями окркомов и райкомов раз в месяц.

Как мы видим, на Дону агитационная работа носила более формализованный характер и не включала конкретных мер агитации и пропаганды в регионе.

Порядок созыва общегородских собраний в окружных станицах и городах Новочеркасске, Азове и Миллерово устанавливался соответствующим окрпарткомом. На ежемесячные заседания Донкома РКП совместно с секретарями приглашались в полном составе Донком РКСМ и члены бюро фракции Совпрофа, предоставляя им право совещательного голоса.

Для последовательного проведения идеологической деятельности в этом регионе требовалось создание необходимых организаций. Областная партийная конференция имела руководящее положение в партийной организации. Во время между проведением конференций эту роль выполняли пленумы обкома РКП(б).

---

[1] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

[2] Известия Донкома Российской Коммунистической Партии (большевиков). 1921. № 5. Л. 30.

Агитация и пропаганда были средствами доведения идеологии до широких слоев граждан. С целью обеспечения ее работы была сформирована целая система особых ведомств и механизмов, которые должны были сформулировать методы исполнения поставленных задач.

Помощь центра играла значительную роль. Обученные в центральных органах власти агитаторы и пропагандисты на Кубани и Дону пользовались приобретёнными навыками устной пропаганды и наглядной агитации[1]

1 октября 1920 года были законодательно расширены полномочия подразделений, занятых пропагандой и агитацией на Дону. Областной комитет РКП(б) постановил, что по решению Второй Всероссийской партийной конференции требуется увеличить полномочия подразделений, занимающихся агитационной и пропагандистской деятельностью в областных и партийных комитетах.[2]

Требовалось сконцентрировать под общим управлением все виды деятельности, направленной на просвещение и пропаганду среди широких масс населения. Данные функции были возложены на комсомол, Росиздательство, Центропечать, Внешкольный подотдел и другие организации. Это было сделано в основном для того, чтобы исключить столкновения интересов среди разных подразделений. В результате повышалась продуктивность деятельности в области агитации и пропаганды.

В декабре 1921 г. - январе 1922 года завершалось формирование центров, занимающихся в регионе Политпросветом. Изначально предполагалось организовать следующие структуры: организационный, агитации, пропаганды, управления делами и информационно-статистический отделы.[3]

---

[1] Надирашвили Ш. А. Психология пропаганды. Тбилиси, 1998. С. 88.

[2] Малюхов А. Пропагандистские группы для работ среди женщин // Политическое самообразование. 1991. № 2. С. 53-54.

[3] Шарапов Ю.П. Из истории идеологической борьбы при переходе к нэпу: Мелкобуржуазный революционаризм - опасность «слева». 1920-1923. М., 1990. С. 40.

Решение XIII партийного съезда стало руководством по ведению агитационной деятельности: необходимо чтобы все вопросы были сопряжены с актуальными потребностями всех присутствовавших[1].

В 1920-1930-е годы в области агитации стоят следующие задачи: «... регулярное освещение важнейших международных и внутренних политических событий, освещение важнейших мероприятий советской власти, освещение важнейших вопросов местной жизни, постановка индивидуальной и групповой агитации, использование для агитационной работы газет, клубной сети, изб-читален, красных уголков, постановка агитационной работы за станком, во время перерывов, на квартире, в личных беседах, в казармах, домах крестьянина»[2] и т.д.

Агитпропорганизаторы, выделенные по ячейкам в Ростове, а также в некоторых районах (Черкасский, Константиновкий), требовали постоянного руководства, изучения опыта их работы и внимательного их выбора. В Ростове по районам были созданы организации агитпропколлективов при агитпропах райкомов из агитпропорганизаторов и активных агитаторов и пропагандистов.[3] Согласно протоколу №16 заседания Агитпропа Областкома от 28 апреля 1922 года, агитация имеет большой успех и достигает наибольших результатов.[4]

Как писала в своей работе А.С. Бочкарева, в 1923 году были образованы волостные комитеты РКП(б) (волкомы)[5]. Действительно, в региональных архивах содержатся подтверждение данного факта. Так, из документов ясно, что волкомы организовали в волостях на Кубани с самыми большими

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 10а.

[2] Там же.

[3] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 10б.

[4] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 11.

[5] Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в...

коммунистическими объединениями для их поддержки и ведения партийной деятельности на местах.[1]

С начала 1924 года округа делились на районы, а не на волости. Волкомы после этого были расформированы. Положение высшего органа окружной партийной организации теперь получили окружные партийные конференции.

С целью работы по основным общественным проблемам и для воплощения в жизнь постановлений, принятых на пленумах, сформировали Бюро окружного комитета. Действующий аппарат Бюро окружного комитета работал непрерывно.[2]

Состав Окркомов, Райкомов и Агитационно-пропагандистских отделов проходил утверждение в Крайкоме. Он имел такую же организацию, как краевой Агитационно-пропагандистский отдел.[3]

Совещания Агитационно-пропагандистских отделов в крае проводилось на регулярной основе, [4] а его постановления становились планами для ведения агитационно-пропагандисткой деятельности.

Основным звеном в агитационно-пропагандисткой работе являлась ячейка. Каждая ячейка выполняла ряд агитационно-пропагандистских функций, таких как еженедельные собеседования на политические темы, выписка партийной газеты, обучение грамоте безграмотных членов партии, ведение агитации среди трудящихся, борется с хамством, пьянством, следить за выполнением всех коммунистических работ (субботников, воскресников) и т.д.[5]

---

[1]Справочник. ЦДНИКК. Вып. 1. Фонды партийных комитетов и комиссий. 1920-1930. Краснодар, 1996. С. 51.

[2] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 99. Л. 26-29.

[3] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 21. Л. 95.

[4] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 236. Л. 45.

[5] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

Уже к 1926 году ячейка характеризовалась более системным и полным руководством советскими ячейками со стороны райкомов и Донкома, усилением работы среди беспартийных, проведя борьбу против пренебрежительного отношения к этой работы со стороны многих членов советских ячеек. Учитывая рост активности среди беспартийных сотрудников, тягу их в партию, ячейки принимают меры по вовлечению их в практическую работу существующих общественных организаций, комиссии и т.д.[1]

Помимо вышеуказанных пунктов, обращалось внимание в особенности на поднятие дисциплины и активности среди членов ячейки путем правильного распределения обязанностей между всеми членами ячейки и строгого учета выполнения партобязанностей, была усилена партвоспитательная работа, привлекая в кружки в первую очередь политически малограмотных людей[2].

Советские ячейки также характеризовались содействием районным комитетам партии и работе по выдвижению рабочих на ответственные посты, обеспечению выдвиженцам внимательного отношения к их практической деятельности.

Однако несмотря на явное развитие советских ячеек, их проверка обнаружила ряд недостатков, основными из которых нужно считать: недооценку роли и значения советских ячеек, отрыв от партработы многих членов советских ячеек, отсутствие работы среди беспартийных, громоздкость советских ячеек и т.д. Итоги конференции сводятся к необходимости обращения внимания на работу советских ячеек, устранив недостатки, выявленные проверкой.[3]

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 17.

[2] Помелов В.Б. Программно-методическая работа Наркомпроса РСФСР в первые годы советской власти // Вестник Вятского государственного университета. № 4. 2018. С. 95-104.

[3] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 17.

Также, отмечая недостаточное участие советских ячеек к практической работе по улучшению советского аппарата, конференция считает необходимым усиление этой работы. Ячейки при советских учреждениях должны содействовать борьбе с волокитой, бюрократизмом и злоупотреблениями в аппарате советских учреждений, тем самым помогая их улучшению и сближению с рабоче-крестьянским населением.[1]

Основным же направлением агитационно-пропагандисткой работы 1920-1930 гг. является массовая работа, условно разделенная на массовую работу в городе и в деревне.

Массовая работа в городе усиливалась путем оживления деятельности низовых профорганизаций на основе широкой самодеятельности рабочих, освежения и пополнения их состава за счет привлечения нового слоя профсоюзного актива, внедрения в их работу элементов непосредственно связанных с жизнью предприятий и интересами рабочих, усиления связи руководящего состава работников профорганизаций с широкими массами членов союзов и решительного отказа от излишней мелко-канцелярской работы и бумажного бюрократического руководства.[2]

Идеологическая работа в городе также предполагает всемерное содействие рабкоровскому движению и обеспечение нормальных условий для этого вида массовой работы.

Являясь широкой формой участия рабочих в общественной жизни, рабкоровское движение должно пользоваться самой широкой поддержкой со стороны парторганизации. Ячейки всемерно должны содействовать выявлению рабкоров на предприятиях и в учреждениях и группированию их вокруг стенных газет, одновременно стремясь улучшить постановку работы

[1] Там же. Л. 18.

[2] Там же. Л. 10.

рабкоров, руководство ею, превращая этот вид работы в орудие по воспитанию рабочих масс.[1]

Стремясь к наиболее полному и масштабному осуществлению внутрипартийной и рабочей демократии, было необходимо усиление партийного руководство сверху донизу, притом важно исключить возможность ослабления партийного руководства за счет развязывания стихийных настроений и неумения направить растущую активность и самодеятельность рабочих масс в правильное русло.[2]

Отмечая достижения деятельности сельских организаций за последний год, было выявлено наличие ряда недостатков, препятствующих нормальной работе сельских ячеек[3]. В деле улучшения партийного руководства в деревне должны быть осуществлены следующие мероприятия: «... дальнейшая решительная борьба против оставшихся пережитков администрирования отдельных сельячеек и членов партии. Эта борьба должна идти не только по линии осуждения недостатков, установленных в той или иной ячейке, но вместе с тем руководящие парторганизации должны помогать членам партии осознать значение этих ошибок и содействовать их устранению» [4] . Руководство хозяйственным процессами, овладение активностью основной массы населения станиц в условиях сложившийся обстановки требовало «ясного понимания политики партии в деревне, используя избы-читальни, стенные газеты, школы-передвижки»[5] и т.д. Прдполагалось для №всемерного обеспечения оживления деятельности сельсоветов» широкое участие беспартийного крестьянского и казачьего актива. Особое внимание

[1] См. подр.: Пономарева М.А., Сароглиди А.В. Создание агитационно-пропагандистских структур на Дону и Кубани в 20–30-е гг. XX в. // Вопросы истории. 2021. № 12-2. С. 122-131.

[2] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.

[3] Там же. Л. 12.

[4] Там же.

[5] Там же.

предлагалось уделить усилению работы секций при сельсоветах, как одной из форм активного участия в них беспартийных крестьян и казаков. Первоочередное внимание было направлено на более решительное и системное выдвижение беспартийных крестьян и казаков на работу в сельские, районные, окружные и выше стоящие учреждения. Учитывая специфические условия Донского округа, где в станицах со смешанным населением бедняцкие слои состояли преимущественно из иногородних, а середняки из казаков – при организации собраний бедноты необходимо было «избежать возможного обострения отношений между казачеством и иногородними».[1]

Вопросы агитации и пропаганды в деревне отражались и в средствах массовой информации. Так, в газете «Советский Юг» появляется статья «Пропаганда на первом плане». М. Виноградов пишет о том, что в настоящее время агитатор-пропагандист как никогда раньше, должен стать массовиком, и в деревне это наиболее важно. Партийная организация именно агитатору-пропагандисту обязана доверить установление контактов с населением.[2]

По мнению И.Е. Абрамовой,[3] рассматриваемый период можно сравнить с попыткой ведения диалога большевиком с крестьянским и рабочим миром.

Таким образом, массовая работа среди городского населения и на территории сельской местности охватывала все основные аспекты и носила действительно масштабный характер.

Стоит добавить, что наличие на Дону и Кубани значительного количества нацменьшинств выдвигает особые задачи перед парторганизацией. Линия организации была направлена на всемерное сближение с этими слоями

---

[1] Там же. Л. 13.

[2] Советский Юг. 1925. № 1483 С.2.

[3]Абрамова И.Е. Социально-экономическое развитие донской деревни в условиях новой экономической политики:1921-1927 гг.: автореф. дисс… к.и.н. Зерноград, 2000. С. 11.

общества, поднятие их культурного уровня и вовлечение их в хозяйственную, советскую и общественную работу.[1]

На Кубани был сформирован отдел, занимающийся проблемами национальных меньшинств. [2] В апреле 1920 года в составе Нацмена находились горское, армянское, венгерское и эстонское подразделения.

Уже 1921 году в отдел Нацмена были добавлены украинское, польское, греческое, немецкое, [3] тюрко-татарское, чехословацкое, латышское и туркогорское подразделения.[4] Через шесть месяцев было признано, что отдел Нацмена утратил свою необходимость. Все его обязанности предоставили агитационно-пропагандистскому отделу.

Согласно резолюции XI Донской Окружной Партконференции, необходимо усиление внимания парторганизации к работе среди национальных меньшинств и выдвижение следующих задач: оформить и усилить работу секций нацмен при Донкоме, обратив особое внимание на привлечение к этой работе активных членов РКП соответствующих национальностей; углубить работу партийных ячеек среди нацменьшинств, обратив особое внимание на изучение и постановление местных нацменовских вопросов и укрепление связи с национальным населением.[5]

Что касается состава организаций, то к концу рассматриваемого периода в партию вовлекалась лучшая часть рабочих. Наблюдается обеспечение действительного приобщения кандидатов к практической партийной деятельности, с устранением механичности; установление внимательного отношения к кандидатам со стороны членов партии и ячеек, с изгнанием

---

[1] Там же. Л. 13.

[2] ЦДНИКК. Справочник. Вып.1. Фонды партийных комитетов и комиссий. 1920-1930. Краснодар, 1996. С. 39.

[3] Игнатова М.Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20-40 гг. XX века. дисс...канд. ист. наук. Краснодар, 2005. С. 88.

[4] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 51, 79.

[5] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 13.

случаев игнорирования и недоверия по отношению к кандидатам; установление внимательного отношения со стороны парторганизации по вопросам своевременного перевода в действительные члены партии кандидатов, прошедших стаж и отвечающих требованиям перевода.[1]

Рост хозяйства, активность масс, оживление работы Советов, кооперации, профессиональных союзов и других общественных организаций, с одной стороны, молодость организаций, с другой – с особой остротой стоял вопрос о подборе партийного аппарата от ячейки до Донкома включительно и о большевистском воспитании партийного актива.

Основным опасением было ослабление партийного руководства. Организация должна была идти впереди масс, направить по правильному руслу ее активность, руководить сложной работой во всех отраслях. Эти задачи не могли быть выполнены без опытного, выдержанного, прошедшего большую школу аппарата и актива, без большевистского воспитания актива и без расширения партийного актива, повышения самодеятельности при проведении общих директив отдельных фракций.

В соответствующих инструкциях партийным комитетам предписывалось «отказаться от закрытости, им нужно понять понять, что в сложившемся положении управлять полностью всей работой невозможно непосредственно. Показать направления для работы каждой фракции, превратить актив в крепкий объединенный вокруг комитетов центр организации, передавать опыт сотрудников партийного комитета всему активу организации – это наиважнейшая в сложившихся условиях цель».[2]

Агитационное влияние коснулось и содержания с методами работы. Практическое проведение и углубление принципов внутри партийной демократии, действительное приобщение широких партийных масс к обсуждению и критике достижений, недостатков и задач в работе партии

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 14.

[2] Там же.

было провозглашено основой воспитания, поднятия самодеятельности и расширения актива партийной организации.

Регулярные созывы совещаний актива вокруг партийных комитетов и бюро ячеек, наибольшее втягивание в работу этих совещаний активных членов и кандидатов партии также должны были стать одной из важнейших задач партийных комитетов и бюро ячеек по большевистскому воспитанию партийных масс.[1]

Значительный рост партийной организации поставил задачи улучшения и учета методов распределения. В связи с этим, отмечалось, что потребуется «... неукоснительное избавление от бывшей ранее в работе механичности в подборе кадров, частой их замены и переводов, мешавших ведению устойчивого руководства и часто подрывавших уважение к партийной организации. Нужно поставить цель повышение качества учета активных работников».[2]

1) Работа по выдвижению партийного и беспартийного актива проводилась с учетом обеспечения «... действительного выдвижения беспартийных рабочих, крестьян, казаков и батраков... с помощью «более совершенных форм участия широких слоев рабочих и крестьян в выдвижении и связь выдвиженцев с выдвинувшими их организациями».[3] Кроме того, регионам предписывалось установить постепенность масштаба работы для выдвиженцев; проводить выдвижение не в порядке компании, а систематически и постоянно; устранить волокиту в партийных, советских, хозяйственных аппаратах в работе по выдвижению с тем, чтобы обеспечить своевременное продвижение выдвиженцев на работу; приблизить профсоюзы

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.

[2] Там же.

[3] Там же.

к работе по выдвижению беспартийных рабочих и обеспечить реальное выдвижение на ответственную работу женщин-работниц.[1]

Таким образом, советские организации утратили хаотичный порядок, значительно улучшили кадровый состав, разительно увеличили производительность.

По мнению А.С. Бочкаревой, к 1928 г. в системе агитационно-пропагандистской работы Кубанского округа были полностью сформированы агитпропорганизаторы (агитационно-пропагандистские организаторы) и агитпропкомиссии (агитационно-пропагандистские комиссии)[2]. Под их управление попала агитационная деятельность, а также культурно-массовые мероприятия на производстве, в городах и поселках.[3]

В систему этих организаций на исходе 1928 года входило большинство сельских жителей и значительная доля трудящихся в городах. С ними активно работали коммунистические агитаторы и пропагандисты. [4] Агитационно-пропагандистские организаторы, а также агитационно-пропагандистские комиссии на Кубани имели большое значение в идеологическом просвещении рабочих и крестьян и в поддержании партийной дисциплины.

Однако стоит упомянуть, что общее представление о последствиях политики не будет полным без воспоминаний современников.

Так, интересны воспоминания руководителя сельской ячейки села Богородицкое: «Знакомлюсь с комсомольской ячейкой, и вместе с Герасимовым устраиваем «заговор» вступить в Комсомол. 3 июня 1923 года я с ним принят. Собственно говоря, я родился одновременно и комсомольцем

---

[1] Там же.

[2] Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е XX в.: дисс… к.и.н. Краснодар, 2007. С. 60.

[3] ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 359. Л. 1.

[4] Там же.

и человеком. Это обстоятельство мне много наделало вреда и пользы впоследствии. Ретивость, наивность, неопытность, честность – вот мои качества первых нескольких лет. Затем борьба с местными властями и в исходе ее я уехал из Богородицкого в Ростов. Это в 1925 г. после 2-х лет секретарствований в комсомольской ячейке, после 2-х лет беспримерной активности молодого комсомольца»[1]. Мы видим у «молодого комсомольца» оценки местного руководства, далеко расходящиеся с теми установками, которые спускало сверху партийное и государственное начальство. Можно было бы утверждать, что такая ситуация была характерна для сельской местности, с маленьким количеством населения, в котором местные порядки довлели над контролем центрального руководства. Тем не менее, у того же автора читаем: «1-ое Ноября 1925 года. Ростов. Начинаются мытарства, но борьбу не покидаю, поддерживая с друзьями связь. Полуголодное существование. Жалкий заработок в Донплодовинсоюзе. 5-го Января 1926 г. Назначение Зав. АПО и Предрайдетбюро РК КСМ в Дубовке. 39 руб. зарплата. Первые шаги Комсомольской работы общественного масштаба. 15 Мая 2-х месячные краевые курсы райпартработников: Высокие надежды и перспективы. Заявление в НКП /б/. Переброска секретарем РК ССХЛР. Затем в Раброс. Апрель 1929 г. Безработица. Май и работа в Избе Читальне. Подготовительные курсы в Техникум. Работа в Пятигорске. Техникум. Активность. Ходатайство организации перед Москвой о приеме на курсы сценариев. Безуспешная поездка. Снова Техникум. Испытания при Окроно. Поездка во Владикавказ в Пединститут. Возвращение. Окрком КСМ»[2]. Мытарства комсомольского работника 1920-х годов наглядно показывают, что региональные органы власти на всех уровнях, как минимум, слабо оценивали эффективность агитационной работы, а по большому счету, считали необходимым осуществлять пропагандистскую деятельность «по

[1] ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 16. Л. 104-106.

[2] ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 16. Л. 104-106.

старинке», через директивные меры. Недаром выше мы представили план реализации пропаганды и агитации на Дону, в котором прописаны исключительно совещания и заседания по разработке соответствующих мер.

Однако, только ли для Дона была характерна подобная ситуация? В тех же воспоминаниях автор пишет: «Я принят на литературно – обществоведческое отделение Педвуза Краснодара. Видимо большую роль сыграла дипломатически составленная автобиография. 31 августа. Краснодар. Первый раз я в жизни в нем. Он лучше, чем я его себе представлял. Работу найти можно, но плохо обстоит дело с общежитием. Школы расширяются – столовых нет. Учащиеся получают в день ¾ хлеба. Всего в Краснодаре 2 студенческие столовые. Очередь неимоверная. В магазинах ничего нет. 23 сентября. Чего я только не насмотрелся и не наслушался за это время... Если бы я был верующий, то видимо закричал бы «боже, дай мне силы спокойно прожить пятилетку». Может быть в 1933 году хоть чуть будет легче, если партия сумеет вывести страну из этого тупика, в который она ее завела»[1]. Таким образом, ситуация была похожа и на Кубани, в региональном центре, а негативные явления носили системный характер. Показателен вывод автора: «Что, если бы картины теперешней жизни раскрылись передо мною 4-года назад. Тогда, будучи менее подготовленным политически, я несомненно не занял бы лагерь контрреволюции... Не легкое дело – строительство социализма в аграрной и культурно – отсталой стране, не имея опыта строительства в других странах».[2]

Таким образом, система агитационно-пропагандистских органов власти получила свое активное развитие в 1920-1930-е годы, в виду того, что необходимо было укрепление и поддержка авторитета власти советов на Дону и Кубани. Экономические и общественные факторы, такие как разруха, голод, безработица, бандитизм приводили к необходимости усиления

[1] Там же. Л. 104-106.

[2] Там же. Л. 107.

деятельности идеологических структур, однако одновременно способствовали их малоэффективности.[1]

К концу 1930-х годов агитационно-пропагандистская деятельность Дона и Кубани начинает носить более системный и универсальный характер, а также вовлекает все сферы деятельности человека.

1.2. Экономические особенности и их отражение в агитационной деятельности Дона и Кубани 1920-1930 гг.

В 1920-1930-е гг. Дон и Кубань столкнулись с целым рядом политических, социальных и экономических проблем[2]. Это было связано с переходом от прежней социально-экономической и политической модели к новой, уникальной, не имеющей аналогов. [3] Как справедливо отмечает Т.Д. Засорина,[4] и сельскохозяйственный, и промышленный секторы экономики пребывали в кризисе. К основным характеристикам данного периода можно отнести: значительное сокращение посевных площадей; отсутствие урегулированности земельных отношений; простой промышленных заводов; массовую безработицу; критическое состояние транспорта.

---

[1] Сароглиди А.В. Донская вузовская интеллигенция и политические реформы 1980-начала 1990-х годов // Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности. Ростов-н/Д, 2016.

[2] Корчагина С.И., Черепухина В.С., Чернявская Е.Н. Социально-экономическое развитие СССР в 1920-1930 годы XX века // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. № 9. 2021. С. 55-64.

[3] Холодный М.А. Изменение отношения к собственности у населения РСФСР в условиях новой экономической политики (1921-1928 гг.): автореф. дисс… к.и.н. М., 2009. С. 22.

[4] Засорина Т.Д. Новая экономическая политика: отношение населения Кубани:1921-1929 гг.: дисс… к.и.н. Майкоп, 2003. С. 109.

Уровень жизни на территории региона резко ухудшился, что привело к конфликтам между населением большевиками. Жители Кубани, например, с самого начала реагировали неоднозначно на новую экономику.[1]

Об отрицательном отношении к советской власти указывают массовые повстанческие движения, захлестнувшие всю Кубано-Черноморскую область, фактически являвшиеся продолжением Гражданской войны. Эсеры и меньшевики получили благоприятную почву для агитационно-пропагандисткой деятельности в городах и станицах области всего юга на Кубани.

В начале 1922 года население продолжало расплачиваться миллионами: в стране денежное обращение все еще испытывало на себе последствия разрухи и военных действий.[2] Так, в Краснодарском отдельском земельном управлении была введена плата за телефонные разговоры для посторонних: для «лиц других учреждений» - 25000 рублей за пять минут, за переговоры «частные лиц, не имеющие отношения к советским учреждениям» платили 100000 рублей.[3]

В 1920-1921-х годах агитационную политику направили на поддержание чувства долга, максимальной экономии по всем продуктам, из которых в советском государстве производились ценности. На производственных предприятиях пропаганду направили на уменьшение штатов, снижение затрат материалов, избавление от дополнительных издержек на производственные нужды.

Основываясь на изданных декретах, агитаторы в выступлениях делали упор не на чувство патриотизма, а подчеркивали собственные интересы пролетариата. При этом пропаганда, направленная на широкие массы, в экономической области формировала постоянное ощущение страха,

[1] Там же. С. 110.

[2] Екатеринодар-Краснодар. Краснодар, 1993. С. 471.

[3] ГАКК. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 120. Л. 22.

растерянность среди рабочих и крестьян. Каждого трудящегося в результате нужно было убедить в том, что все, относящееся к предпринимательству, является опасными буржуазными пережитками, и поэтому считается вредной для советского строя.[1]

В газете «Красное знамя» А. Димант пишет агитационно-пропагандистскую статью, посвященную продовольственному месячнику, в которой отмечает, что первый съезд Советов поставил важнейшую боевую задачу перед хлеборобами Кубано-Черноморской области – требуется во что бы ты ни стало выполнить полностью государственную хлебную разверстку. Объявленная точность исполнения этой задачи обусловлена несоклькими причинами: «... для победы на трудовом фронте сначала требуется обеспечить продовольствием рабочих. Хлебный фонд служит основной и самой надежной гарантией того, что фабрики и заводы будут работать на полную мощность.... Перед хлеборобами Кубани стоит важнейшая задача - выполнить работу по засеву полей. По постановлению первого областной съезда Советов требуется, чтобы посевная площадь была увеличена до тех же размеров, что и в 1917 году - для этого нужно засеять весной два миллиона десятин земли»[2]. Указанные причины должны быть четко и ясно указать «всем трудовым казакам, крестьянам и горцам, что затягивать с хлебной разверсткой недопустимо; что в их же интересах скорее ее закончить и заняться своим хозяйством».[3]

В газете «Красное знамя» также появляется агитационная статья М. Эпштейн «На боевом посту», посвященная трудностям послевоенного

[1] Сароглиди А. В. Место пропаганды и агитации в экономических вопросах на Дону в 1920-1930 гг // Наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : Материалы международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 28 июня 2018 года / Под редакцией Н.Б. Осипян, М.А. Дмитриевой, М.И. Жбанниковой. – Ростов-на-Дону: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2018. – С. 368-377. .

[2] Красное знамя. № 226. 1921. С. 1

[3] Там же.

времени. В ней говорится о том, что Республика трудящихся снова оказалась в тяжелом положении. Последствия гражданской и империалистической войн начинают проявляться все более остро. В тяжелом кризисе оказалось сельское хозяйство. Не менее трудное положение складывается в промышленности – большинство наших фабричных труб перестали дымить, рабочие поселки опустели. Ситуация ухудшается в городах - не хватает продовольствия, из-за прекращения строительных работ обострился жилищный кризис, а из-за всеобщего истощения от голода и холода возникает опасность эпидемических заболеваний: «Но недопустимо опускать руки! Только многолетней упорной и кровавой борьбой можно добиться лучшей доли для народа! Неизмеримо великие задачи встали сейчас перед страной. Нужно запустить работу крупной индустрии, возродить сельское хозяйство, обогреть и накормить рабочих. В предстоящие месяцы необходимо добиться радикальных преобразований, только нужна большая вера в свои силы, активная инициатива. «Мы продолжаем оставаться солдатами революции на своих боевых постах – примемся бодрей и дружней за работу».[1]

Методами агитации и пропаганды советское правительство демонстрировало уступки крестьянству регионов. По результатам областной конференции РКП (б), состоявшейся в июне 1920 около четырех миллионов десятин земельных наделов, которые в прошлом принадлежали состоятельной части крестьянства и казакам, было отдано беднейшей части населения.

Однако, подобного рода экономические меры не обеспечили поддержки советской власти в регионе. Для этого на Дон, в частности, была целиком передислоцирована Первая Конная армия. Были укреплены местные силовые структуры. Мятежникам, сложившим оружие, пообещали амнистию. После чего в сентябре 1920 года началась военная операция, в результате которой,

[1] Красное знамя. 1921. № 365. С. 1.

как считают донские исследователи, вооруженное сопротивление казаков было полностью прекращено.[1]

В тяжелом положении при разрушенном хозяйстве, нехватке продовольствия и сырья для производства важнейшее значение получила поддержка массового проявления воодушевления и предприимчивости со стороны управленцев и трудящихся на местах.

В марте 1921 года на десятом съезде правящей коммунистической партии было принято решение о введении НЭП - новой экономической политики. Это привело к значительным преобразованиям в экономических условиях существования всей страны. Учитывая новую ситуацию, потребовалось приступить к преобразованию образа мысли всего советского населения и повысить его уважение к советской власти.

В газете «Красное знамя» появляются агитационные лозунги: «Жизнь наладим, хозяйство восстановим, благосостояние завоюем», а также агитационные статьи о замене разверстки натуральным налогом и резолюция по докладу В.И. Ленина.[2]

По мнению Я.В. Ракачевой,[3] с наступлением периода нэпа экономические условия существования и задачи аграрной кооперации существенно поменялись. В эпоху «военного коммунизма» кооперация рассматривалось как почти государственное объединение, ее назначение сводились к исполнению указаний, сделанных экономическими органами власти. Но законы, принятые при новой экономической политике, принципиально поменяли значение и функции кооперации.

Зафиксирован расцвет торговли, связанной с работой аграрных кооперативов. Произошел значительный рост индивидуальных торговых и

---

[1] Дулимов Е.И., Кислицын С.А. Государство и донское казачество. М., 2000. С 102.

[2] Красное знамя. 1921. № 271. С. 1.

[3] Ракачева Я. В. Сельскохозяйственная кооперация Кубани в период новой экономической политики (1921 - 1927 гг.): автореф. дисс… к.и.н. Краснодар, 2000. С. 15.

кредитных сделок, направленных на удовлетворение экономических потребностей отдельных крестьян. В дальнейшем с усилением советской власти появилась реальная угроза деформирования кооперативного движения.

23 июня 1921 г. Политуправление Северо-Кавказского военного округа издало указ и направило его во все библиотеки. Требовалось немедленно ликвидировать публикации, относящиеся к производству продуктов сельского хозяйства, напечатанные до марта 1921 года. Они теперь противоречили новому направлению государственной политики. Но, в итоге, материалы, предназначенные для проведения продразверстки, были изъяты и ликвидированы не в указанные сроки. Прошло 3 месяца после знаменитого выступления В.И. Ленина о прекращении практики продразверстки и введения натурального налога. Вероятно, что местные руководящие работники не торопилось исполнять новые инструкции по ряду оснований. До начала сбора урожая еще оставалось много времени, а также, причиной сопротивления на местах могло служить то, что убежденные коммунисты осознанно игнорировали новые постановления, надеясь на отказ от отступления от большевистских принципов к ожесточенно осуждаемой в РКП (б) новой экономической политике.[1]

При этом, даже при сопротивлении местных коммунистических руководителей, фактом является то, что налоговая нагрузка на крестьян и казаков в регионе при новой экономической политике была в пять раз легче, чем раньше, при продразверстке. Это наконец дало возможность трудящимся пользоваться результатами своей работы и стало действенной материальной мотивацией для быстрого увеличения объемов сельскохозяйственной продукции.

[1] См. подр.: Тамбиянц Ю.Г. Роль идеологии в период НЭПа. Краснодар, 2001. С. 251-253.

Проделанные мероприятия в области агитации и пропаганды показали значительные экономические успехи. К 1 сентября 1921 года было передано в аренду 57 производственных предприятий. Процент розничной торговли в 1924 г на Дону составил 64 %. В результате проведённых мероприятий удалось увеличить площадь посевов более чем в три раза на протяжении за два года, а урожайность возросла более чем в пять раз, по сравнению с 1920 годом. При этом нужно отметить, что возрождение аграрного производства происходило экстенсивно на старой технической и технологической базе. Трактор впервые появился на Дону только в 1923 году[1].

К осени 1922 года НЭП заметно оживил торговую жизнь и в Краснодаре. Только к октябрю здесь было открыто 755 торговых предприятий. В сравнении с 1921 годом торговля хлебом велась в городе в 141 торговой точке против 16; мясом и рыбой – в 39 против 8; бакалеей – в 82 против 45, мануфактурой – в 44 против 10; обувью в 38 против 2; мебелью – в 17 против 4 и т.д. Даже количество часовых и ювелирных мастерских увеличилось: их стало 14 (против 7 в 1921 году)[2]. Краснодар пестрил торговыми вывесками: пекарни «Россия», «Хлебопек», «Свой труд», «Работник»; пивоварня «Новая Бавария»; гастрономические товарищества «Кахетия», «Восход», «Единство»; мануфактуры «Станичник», «Труженик» и др.[3]

Достичь показателей 1913 года по объемам и соотношению производства удалось по большинству показателей в 1924 - 1925 годах. Это ознаменовало окончание периода возрождения экономики.

По специфике народного хозяйства Дон был сельскохозяйственным регионом. Количество трудящихся на государственных индустриальных предприятиях в 1927 году было равно лишь примерно 1 % от численности жителей.

---

[1] Там же.

[2] Екатеринодар-Краснодар. Краснодар, 1993. С. 480.

[3] ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 370. Л. 32, 74; ГАКК. Ф. Р-143. Оп. 3. Д. 361. Л. 1-5.

Как один из способов возрождения промышленности в 1921 г. в Краснодаре получила распространение передача малых производственных предприятий в аренду товариществам и частным лицам. Например, в ноябре 1921 года ранее принадлежавший товариществу Тризно и Васильева кирпично-черепичный завод был сдан на четыре года в аренду частному лицу А.Н. Тризно. В заключенном договоре была зафиксирована минимальная производительность в сезонные месяцы (50 000 штук кирпича и 25 000 штук черепицы), размер арендной платы, составивший 10 %, имелись требования к качеству продукции.[1]

В аренду товариществу «Богатырь» был передан Государственный винокуренный завод «Первенец Кубанский» на 3 года. Условием было основание в нем технико-химического процесса сухой перегонки дерева для производства скипидара, уксусной кислоты и др. Была установлена арендная плата в размере 3 % от продуктов сухой перегонки и скипидара, 5 % - от производства мыла, 10 % - от колесной мази.[2]

Пропагандистская работа на заводах была, в том числе, ориентирована на пропаганду НЭП ее предназначения, а также на выпуск все большей продукции для восстановления довоенного уровня. Мелкие и часть средних предприятий в целях их быстрейшего восстановления передавались в аренду кооперативам и частным лицам. На Дону к 1 сентября 1921 г. таких предприятий было 57, а к концу года их число возросло до 209. Агитаторы широко проводили работу среди населения и предприятий, донося информация о достижениях в экономике, благодаря советскому правительству. В этот период частным лицам было можно открывать свои производства с количеством трудящихся, не превышающим 20 работников, но впоследствии это число увеличили.

[1] Екатеринодар-Краснодар. Краснодар, 1993. С. 469.

[2] ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 348. Л. 120-121.

Из-за недостатка сырья и обученных рабочих возрождение больших промышленных предприятий шло долго. Работа некоторых заводов была временно приостановлена, например, Таганрогского и Сулинского.

Лишь часть предприятий продолжила благополучно функционировать. Например, главные железнодорожные мастерские в Ростове-на-Дону. В 1923 г. их деятельность изучала комиссия НКПС. По итогам обследования было установлено, что у них имеется современное промышленное оборудование в хорошем техническом состоянии. В результате Ростовские Главные железнодорожные мастерские им. В.И. Ленина были награждены орденом.[1]

В городе Краснодарв рассматриваемый период находилось более 40 относительно крупных предприятий и мастерских.[2] Завод имени Седина («Кубаноль») был самым большим предприятием в городе и округе. Этот завод имел специализацию по обслуживанию нефтяной промышленности, он обеспечивал ремонт силовых установок, вышек и других машин. На нем работали 450 рабочих.

Одним из наиболее известных предприятий химического производства не только на Северном Кавказе, но и в Европе был Гидрогенизационный завод (бывший «Саломас»). На заводе работали 238 рабочих, было хорошее оборудование. Наиболее крупным кожевенным производством в Краснодаре являлся кожзавод крайсоюза, на котором работали до 100 человек.

Также в городе оживилась торговля, ее сеть состояла из 7387 торговых точек, из них к госторговле относились 179, кооперации - 774, частной торговле – 6434 (87 %). Для снижения цен были приняты меры, например,

[1] Беспалов А.Г. Наш край. Из истории советского Дона. Документы октябрь 1917-1965. Ростов н/Д, 1968. С. 142.

[2] Екатеринодар-Краснодар. Краснодар, 1993. С. 501-502.

частным торговцам была запрещена покупка продуктов на рынке у крестьян до 11 часов утра.[1]

Казачество в указанный период потеряло свою принадлежность, перешло в крестьянство. В этом качестве они одобряли введение новой экономической политики. Однако их отношение к новой власти значительно изменилось только в 1923 году. В это время в их поселениях уже стали проявляться основные последствия введения НЭПа.[2]

Согласно тезисам доклада т. Соколова на XII партконференции Донокруга, были выделены задачи его хозяйственного строительства.[3] В частности, было отмечено, что решения XV-й партконференции о хозяйственном положении страны «указывают на необходимость сосредоточения всех сил парторганизации и советского аппарата на вопросах хозяйственного строительства. Сложные условия в экономике Донского округа, заключающиеся в разнохарактерности типов промышленности и сельского хозяйства и разнообразии форм организации и управления промышленностью, обязывают в руководстве хозяйственной жизнью округа исходить из своеобразия экономики с тем, чтобы обеспечить при воздействии госаппарата развитие тех областей хозяйства, которые наиболее отвечают линии партии, роли и особенностям округа и Ростова»[4]. Основной предпосылкой промышленного строительства являлось всемерное укрепление таковой и направление в сторону преобразования отсталых слоев землепользования в сельском хозяйстве. Мероприятия парторганизации в деревне должны были быть направлены на поднятие экономического

[1] Кубань и Черноморье: Путеводитель. Краснодар, 2001. С. 39-59; ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 47. Л. 215об.

[2] Кислицын, С.А., Кислицына, И.Г. История Ростовской области. Ростов н/Д, 2012. С. 234.

[3] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

[4] Там же.

благосостояния бедняцких и середняцких хозяйств округа путем, усиливающим воздействие социалистических элементов на крестьянскую экономику. Усиление роли сельско-хозяйственной кооперации, развитие коллективных хозяйств и увеличение их было обвялено важнейшей задачей парторганизации.

Что касается сельского хозяйства, то его восстановительный процесс в основном носил экстенсивный характер. Площадь, занятая посевом по Донскому округу (67% от всей пахотной земли, 82% от площади посева 1913 г.) значительно отставала от общесоюзных и краевых результатов (почти полное использование довоенной площади по Союзу и 85% по краю). Внутри округа по районам наблюдалось «чрезвычайно пестрое использование площади» (от полного использования площади по Ейскому и Староминскому району, 65% по Аксайскому и Азовскому районам, до 37% по Семикаракорскому району)[1].

В связи с этим перед местным партийным руководством были поставлены следующие задачи: усилить мероприятия по интенсификации сельского хозяйства, «продвигаясь в дальнейшем более быстрым темпом в проведении межселенного и особенно внутриселенного землеустройства»[2], в связи «со значительным количеством (45,7%) хозяйств, не имевших основного инвентаря... обратить особенное внимание на более правильное распределение инвентаря и кредита, принять такие же меры к более полному машиноснабжению округа». А также считать необходимым «дальнейшее развитие коллективных форм в сельском хозяйстве, что до его времени проявляется в крайне незначительных размерах».[3]

Промышленность в донском округе, особенно в Ростове, находилась в более благоприятных условиях. Это было обусловлено двумя следующими

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 91. Л. 2.

[2] Там же.

[3] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.

обстоятельствами: наличием в состоянии сельского хозяйства округа и края всех данных к развитию промышленности и наличием реальных перспектив широкого строительства водных и железнодорожных путей (Волго-Донской канал, Ростовский порт и переустройство Ростовского железнодорожного узла), которые «усиливают Ростов, как притягательный для промышленности центр». [1] Действительно, состояние промышленности, расположенной на территории Донского округа и Ростова, характеризовалось крупным строительством новых предприятий (Новстройсельмаш, Жесть-Вестен, Артем-строй, Хлебозавод, Обувная фабрика и т.д.), увеличением валовой выработки предприятий местной промышленности на 40%по сравнению с 1925 годом увеличение, улучшением материального положения рабочих, выразившихся в повышении зарплаты, улучшений условий труда, проведении рабочего жилстроительства, улучшением технического состояния предприятий и, как результат этого, - рост производительности труда рабочего.[2]

Что касается Кубани и Краснодара, то промышленность здесь тоже была достаточно развита. Так, в сентябре 1928 года был сдан в эксплуатацию Краснодарский мясокомбинат. «Комбинат-гигант» (так называли его современники) имел электрическое освещение и электроподъемники, конвейеры, холодильный цех и другие новинки техники своего времени. Преодолев трудности первых лет работы, связанные с перебоями в поставках скота и отсутствием обученных кадров, к середине 1930-х годов он уже вдвое перекрыл проектную мощность.[3]

Наряду с этим в деятельности промышленности находят место отрицательные моменты, такие как несовершенство организационного построения местной промышленности, недостаточная планомерность в

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 91. Л. 4.

[2] Там же.

[3] ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 56. Л. 82.

деятельности и развитии промышленности в смысле недостаточной увязки этого развития с сырьевыми возможностями и рынками сбыта, совершенная недостаточность оборотных капиталов промышленности, низкие результаты в деле снижения себестоимости продукции и отпускных цен.

Данные о состоянии торговли свидетельствовали о том, что Донокругу принадлежала решающая роль в товарообороте всего края (45%), а также росла роль обобщественного сектора торговли, как в городе, так и в деревне, снизившего роль частного капитала в деревне в оборотах 1925-1926 года до 38,7% и, наоборот, повысившего роль кооперации до 56,9%. В отношении города растущая роль обобщественного сектора подчеркивалась фактом снижения роли частника в розничном обороте до 41%.[1]

Однако несмотря на значительный рост занятых в промышленности округа рабочих, безработица, наоборот, усиливалась. Происходит это за счет урбанизации - значительного притока населения в город из сельской местности, пополнения кадров безработных подростками, кадровых сокращения в ряде учреждений и предприятий.[2]

Что касается бюджета, то в 1926-1927 году, он составил 26.283.124 рублей, дал рост доходов на 29,5% по отношению с предшествующим годом. В основу построения бюджета на 1926-1927 год были положены начала, в основе сводившиеся к сокращению административных расходов, усилению расходов на развитие хозяйства округа, к направлению всех доходов от промышленности и коммунального хозяйства на нужды этих отраслей.[3]

Таким образом, итог экономического развития округа в основном заключался в значительном усилении общественных социалистических частей хозяйства и оттеснения частно-капиталистических, как в производстве, так и в торговле. Задача Донской организации заключалась в

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 91. Л. 6.

[2] Там же. Л. 9.

[3] Там же. Л. 10.

том, чтобы в «дальнейшем закрепить командные пролетарские высоты в экономике округа».[1]

В резолюции о директивах по составлению перспективного пятилетнего плана развития народного хозяйства Донского округа отмечается, что в области промышленности «намечаемые в пятилетие крупные капитальные вложения в промышленность предполагают рост ее основного капитала на 80,7%, при параллельном росте валовой продукции на 80,2% и рост рабочей силы на 34%». [2] Пятилетний перспективный план включал увеличение основного капитала сельского хозяйства на 34% при росте продукции сельского хозяйства на 46,4%, а в области труда рост занятой в хозяйстве рабочей силы, что должно было составить в результате пятилетней программы строительства увеличение на 24% (в промышленности на 34% и в строительстве на 132%)[3]. Было намечено повышение норм жилплощади для рабочих, дальнейшее снижение роли частника в городе и на селе, в частности усиление роли обобществлённого сектора в сырьевых заготовках, полное устранение частника от хлебозаготовительного дела.

К окончанию 1920-х годов в стране возникло много серьезных экономических трудностей. Среди них: низкая производительность труда в сельскохозяйственном производстве; отсутствие налаженного взаимодействия между сельских хозяйством и сферой перерабатывающей промышленности, малое количество городского населения и другие. Отмечалось, что лучшим средством преодоления имеющихся трудностей в сложившемся положении будет проведение массовой коллективизации в крестьянских хозяйствах. В селах на базе соединения единоличных крестьян в колхозы таким образом образовывалась достаточно значительный источник массового производства сельскохозяйственных товаров. На исходе НЭПа

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 91. Л. 11.

[2] Там же. Л. 17.

[3] Там же. Л. 18.

единственным вариантом для улучшения экономического положения считались колхозы, но их в это время насчитывалось относительно немного. Колхозы были несвободны в выходе рынок сельскохозяйственной продукции. Излишки их продукта покупали заготовительные конторы.

Как отмечал в одном из выступлений т. Коваль, «... одной из основных работ партии в деревне в настоящее время является организация сельского хозяйства. Она осуществляется на культурных началах, стимулирующих укрепление крестьянского хозяйства настолько, чтобы оно перестало производить только для себя, перестало производить продукты сельского хозяйства только для своего потребления, но для рынка. Для реализации этого плана, партия предвидит целый ряд мероприятий, которые будут стимулировать поднятие, восстановление сельского хозяйства: агрономические мероприятия (правильный севооборот, своевременная обработка почвы, машинизация сельского хозяйства), организация скотоводства, коневодства»[1]

С изданием земельного кодекса земля была объявлена государственным достоянием, государственной собственностью и ею мог быть наделен любой желающий, кто желал выращивать на ней продукты сельского хозяйства, т.е. земля выедлялась в трудовое пользование: «Через земельный кодекс красной нитью проходит мысль о создании коллективной обработки земли, о создании труда в сельском хозяйстве»[2]. Были предоставлены льготы тому, кто так или иначе «подходил к этой коллективизации, коллективной мысли при обработке земли, стремится механизировать свой труд»[3].

XIII-й съезд принял постановление о помощи любым, в том числе и малым видам объединений в области скупки промышленных товаров, а также в продаже сельскохозяйственной продукции. Это касалось и

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 11.

[2] Там же. Л. 12.

[3] Там же.

коллективного сельскохозяйственного производства. Кроме этого, была обещана поддержка элементарных способов коллективной работы, совместного возделывания земли, организованной уборки урожая и, по крайней мере, коллективным использованием животных для работы на полях.[1] Здесь, как мы видим, как самые простейшие формы кооперации поощряются партией для того, чтобы возбудить интерес крестьянской массы к этой коллективной мысли для того, чтобы возродить крестьянское хозяйство на новых идеологических и экономических началах.[2]

На Кубани ситуация с экономикой так же значительно влияла на проведение агитации и пропаганды, структурировала темы и задачи этой деятельности. Так, инструктор инструкторского отдела Окружного Кубанского Союза Сельскохозяйственных и Кредитных Кооперативов Михаил Павлович Петров пишет о В.И. Ленине и кооперации: «Кооперация - одно из мощных сил народного движения»[3]. В.И. Ленин пишет в своих статьях, что кооперировать население страны при политике нэпа - это все, что необходимо. Дальше В.И. Ленин высказывается еще конкретнее: «на данный момент этот общественный строй кооперативный»[4]. Практически эта поддержка должна выразиться «в ряде привилегий экономических, финансовых и банковских…»[5]. Для установления социализма, по мнению В.И. Ленина, было необходимо, чтобы все население поголовно вступило в кооперацию, чтобы участие его в кооперации было совершенно сознательно и чтобы кооперация могла повести свою хозяйственную работу по

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 12.

[2] Там же. Л. 13.

[3] ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 165. Л. 22.

[4] Там же.

[5] Там же.

европейски-культурно: «Строй цивилизованных кооперативов при классовой победе пролетариата над буржуазией и есть строй социализма»[1].

М.П. Петров пишет, что мысль Ленина – есть мысль всех трудящихся в кооперативном производстве: «спустя год после его смерти, мы должны закрепить в своем сознании возлагаемое на кооператоров обязанности и принять все зависящие от нас меры к скорейшему осуществлению его надежд на кооперацию, как верны путь к социализму».[2]

В реальности, в колхозы были объединены примерно 21 % от общего количества личных крестьян к ноябрю 1929 года. При этом необходимо отметить, что применение принудительных мер при возникновении трудностей с заготовкой хлеба на Дону к исходу 1920-х годов вынудило основную часть сельских жителей вступить в колхозы и использовать предоставляемые льготы. Крестьяне из числа бедноты считали, что вступление в колхоз — это лучший способ улучшить свое материальное положение. Однако значительная часть жителей села, в том числе зажиточных, абсолютно не хотели добровольно вступать в колхозы.

27 ноября 1929 г. Северо-Кавказский крайком ВКП (б) издал указ о переходе к сплошной коллективизации. Донецкий, Сальский, Шахтинский и другие окружные комитеты партии сделали это уже к декабрю того же года. «Сплошная» коллективизация на Дону должна была завершиться к лету 1931 г. 5 января 1930 года ЦК ВКП (б) принял постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству».

Для исполнения указа на Северном Кавказе, который являлся одним из основных районов по производству зерна, требовалось к осени 1930 года закончить процесс коллективизации.

В указе было дано руководство по проведению коллективизации. Сначала проводилась пропаганда. Агитаторы занимались тем, что демонстрировали

[1] Там же.

[2] ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 165. Л. 23.

широким массам лучшие стороны внедряемого способа организации сельскохозяйственного производства. Опора делалась на представителей неимущих слоев населения, которые наиболее активно готовы были поддержать преобразования. Потом происходило устрашение состоятельных крестьян угрозой раскулачивания. В итоге провоцировалась изъятие имущества у кулаков с использованием вознаграждения информаторов, сообщившим о запасах продовольствия в соседских деревенских дворах.

Широкое использование насильственных средств, раскулачивание зажиточной части населения и неорганизованность в руководстве, царившая в спешно образованных коллективных хозяйствах, провоцировали сельских жителей на решительное противодействие процессу коллективизации.

Уже в конце 1930 года отмечены протесты с многочисленным участием сельских тружеников. В результате крестьяне и казаки стали во множестве покидать колхозы. Для противодействия такому процессу были выделены льготы по налогам, а в отношении крестьян-единоличников одновременно ужесточили репрессивные методы. Зимой в конце 1930 - начале 1931 года наступила следующая стадия массовой коллективизации. Как отмечает А.С. Левакин,[1] колхозы выполняли функцию не только сельскохозяйственного предприятия, но и являлись низовыми звеньями командно-административной системы, а определенными способами организации социальной жизни деревни непосредственно в том виде, в котором она была необходима «социалистическому городу».[2]

Говорить завершении сплошной коллективизации стало возможно к весне 1931 года. К этому времени в колхозах состояло 80,5 % крестьянских

---

[1] Левакин А.С. Формирование и деятельность административно-хозяйственного аппарата колхозов в 1930-е гг.: на материалах Дона, Кубани и Ставрополья: автореф. дисс… к.и.н. Новочеркасск, 2009. С. 11.

[2] Никольский С.Л. Аграрная экономика, сельская общность и проблема социально-экономических укладов // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 20.

хозяйств на Дону. Уже к лету 1931 г. на Дону оставалось всего 57 000 действующих индивидуальных хозяйств, в распоряжении которых находилось 500 000 гектаров пашни.[1]

Пропаганду активно использовали, убеждая сельское население из числа колхозников в преимуществах совместной работы, рассказывая о экономических преимуществах, о современной технике для работы на полях, и т.д. Это делалось с целью предотвратить новый исход работников из колхозов.

Не смотря на агитационные лозунги, в большинстве коллективных хозяйств применялись такие же инструменты и технологии, как и в частных хозяйствах. При этом государство пыталось снабдить колхозы новой техникой. Перед партией стояла следующая задача: с учетом всех имеющихся трудностей и множества вариантов сподвигнуть многие миллионы крестьян к коллективному социалистическому земледелию максимально развить самостоятельность и инициативу народных масс в строительстве колхозов под усиленном руководством этим движением со стороны партии и развития новых форм взаимодействия и поддержки рабочего класса основным массам деревни в процессе преобразования сельского хозяйства.[2]

При этом в условиях политического принуждения в коллективных хозяйствах в крестьянах уничтожалось желание к труду, развитию и предприимчивости, ограничивая возможность достижения высокой производительности труда.[3]

На предприятиях во второй половине 1920-х годов базой для ведения агитации и пропаганды являлись фабричные ячейки.

---

[1] ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

[2] Советский Юг. 1929. № 2813. С. 2.

[3] ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

В начале и в конце любого проводимого собрания, касающегося общественно-политической деятельности, в это время пояснялось роль происходящих событий в социалистическом строительстве, их важности и необходимость. Все проводившиеся на заводах политмероприятия, становились частью единой кампании, целью которой являлось объяснение массам трудящимся задач, поставленных в партийном центре.[1]

В итоге, можно отметить, что целью пропагандистской деятельности, ведущийся на Дону и Кубани в 1920-е году, являлось повышение авторитета установившейся советской власти среди народных масс.

Результаты можно отметить по значительному повышению объемов сдачи зерна за пять лет. Это произошло в том числе за счет проводившейся пропаганде в поддержку новой экономической политики и включения достаточного количества жителей области в экономические отношения.

В процессе коллективизации в 1929 и 1930 годах, изменились подходы правительства к работникам сельского хозяйства. Позиция принуждения для вступления в колхоз, с начала практиковавшаяся руководством спровоцировала среди жителей села враждебное отношение к правительству и уход крестьян из колхозов. В ответ была задействована широкая и активная агитация на объединение крестьянских хозяйств в колхозы.

Агитпропорганизаторы и агитпропкомиссии имели важное значение в укреплении исполнительской и партийной дисциплины. Но также важно было их значение и в идейном просвещении населения на Дону и Кубани, способствующем повышению производства.

[1] ЦДНИРО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 33. Л. 79.

1.3. Основные средства агитационно-пропагандистской деятельности на Дону и Кубани в 1920-1930 гг.

Советская власть в 1920-1930-е гг. использовала в качестве агитации и пропаганды массовые мероприятия, наглядную агитацию, фольклор, средства массовой информации, театр, радио и кино[1].

Как утверждает И.Л. Гаврилюк, периодическая печать 1920-1930-х гг. становится средством массовой информации, доступным широким слоям городского и сельского населения. Этот период характеризуется несравненно быстрыми по отношению к дореволюционным темпами развития местной периодической печати.[2] Также вопросами пропаганды посредством печати занимались такие исследователи как Н.И. Гребенникова,[3] занимающаяся пропагандой периодической печати в 1965-1980-х годах, Н.Н. Клепиков,[4] рассматривающий цензуру, в том числе и в периодической печати, И.В. Груздев,[5] исследующий роль периодической печати в агитации и пропаганде

[1] Коробов А.А., Серебряков С.А. Документальное кино как средство политической пропаганды: классические и инновационные подходы в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. № 2. 2019. С. 214-217.

[2] Гаврилюк И. Л. Развитие периодической печати в Нижнем Поволжье в 1920-1930-е гг.: автореф. дисс… к.и.н. Волгоград, 2008. С. 17.

[3] Гребенникова Н. И. Пропаганда в периодической печати в 1965 —начале 1980-х годов (на материалах Новгородской области): автореф. дисс… к.и.н. СПб., 2010.

[4] Клепиков Н. Н. Политическая цензура на Европейском Севере РСФСР/СССР в 1920-1930-е гг.: автореф. дисс. … к.и.н. Архангельск, 2005.

[5] Груздев И. В. Роль периодической печати в агитации и пропаганде среди различных слоев населения в годы гражданской войны // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2014. С. 32.

среди различных слоев населения в годы гражданской войны, А.В. Метель – создание и развитие антирелигиозной периодической печати в 1919-1941.[1]

Действительно, В.И. Ленин отмечал, что газета «имеет исключительное значение, как первоначальная ячейка, вокруг которой зарождалось мощное движение».[2]

Первые газеты «Искра», «Пролетарий» и «Вперед» были изданиями - агитаторами и пропагандистами. В.И. Ленин принимал самое активное участие в их организации[3]. Таким образом, как справедливо отмечает В.А. Гафнер, можно смело утверждать, что результатом непрерывных усилий, направленных на развитие периодической печати и совершенствование способов управления ею, стало создание мощной и эффективной системы влияния на общественное сознание. Большевики получили средство, использовавшиеся для дальнейшего укрепления власти.[4]

В 1920-е годы началось издание газеты «Красная Кубань», печатный орган Кубанского исполкома в Екатеринодаре. Издание просуществовало до 25 апреля 1920 г. В дальнейшем на его основе, а также издания «Красноармейц» выпустили новую газету «Красное знамя». Первый номер вышел 27 апреля, редактором являлся А. Димант.[5]

Кубанский сельско-хозяйственный институт разработал проект издания сельско-хозяйственного журнала со специально кубанским содержанием.

---

[1] Метель А.В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР в 1919-1941 гг. // Вестник Омского университета. Омск, 2013. С. 43-47.

[2] ГАКК. Ф. Р-411. Оп .2. Д. 165. Л. 5.

[3] Там же.

[4] Гафнер В.А. Партийно-советская печать как инструмент политической борьбы в советском обществе 1920-х годов: автореф. дисс… к.и.н. М., 2000. С. 16.

[5] Хронология событий на Кубани с 17 марта по 31 декабря 1920 г. Краснодар, 1921. С. 3, 5; Городецкий Б.М. периодика Кубанско-Черноморского края. Краснодар, 2010. С. 17.

Окрпланом было поручено сельско-хозяйственному институту разработать программу и смету журнала. Весной 1926 года журнал вышел в свет.[1]

Согласно резолюции о печати, принятой вторым Областным политпросвещением при КЧСК РКСМ, совещание признало необходимым расширение подписки и усиление корреспондирования в газету «Кубанский комсомолец».[2]

На совещании также установили регулярный выход страничек в отдельских газетах следующих отделов: Славянская, Армавир, Новороссийск, Майкоп. Притом странички носили массовый характер, а содержание приспособлено к деревне.

На Дону вся работа периодического отдела печати была сконцентрирована в двух направлениях: усиление партийных библиотек, издание журнала «Коммунист». Данный журнал был издан в размере 15000 экземпляров, из которых 500 экземпляров было распределено по Донской области.[3]

Помимо журнала «Коммунист» в Ростове-на-Дону и области издавались: газеты «Трудовой Дон», «Молот»,[4] «Донской пахарь», «Красный студент», «Большевистская смена»,[5] «Донская молодежь», журналы «Лава»,[6] «Голос рабочего», [7] «Голос труда», [8] «Донской работник», «Приазовский пролетарий»,[9] «Красное Приазовье».[10]

---

[1] Советский Юг. 1926. № 1615. С. 3.

[2] ЦДНИКК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 240. Л. 11.

[3] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 171. Л. 50.

[4] Молот. 1929. № 2380; № 2381; № 2382; № 2483.

[5] Большевистская смена. 1926. № 37.

[6] Лава. 1926. № 1, 2.

[7] Голос рабочего. 1924. № 1.

[8] Голос труда. 1918. № 1.

[9] Приазовский пролетарий. 1936. № 152.

[10] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 171. Л. 51.

Газета «Трудовой Дон» была выпущена в количестве 30000 экземпляров, «Донской пахарь» был выпущен в количестве 5000 экземпляров, «Красный студент» включал три экземпляра в месяц, «Красная молодежь» распространен в 13000 экземпляров и выходит как платное приложение «Трудового Дона».[1]

Однако, согласно постановлениям и письмам партийных органов, не обходилось без трудностей. На заседании 22 ноября т. Носов констатирует, что газета, издающаяся во Владикавказе, не отвечает своему назначению, язык не удовлетворителен, отсутствует местная информация, недостаточно освещаются поднимаемые вопросы, газеты недостаточно попадают в деревню: «... в печати нужен сдвиг. Насколько нужно печатное слово деревне, видно из того, что там часто возникают провокационные нелепые слухи, которые порождают волнения»[2]. По мнению автора, необходимо издавать «хорошую газету. Затем надо позаботиться о широком распространении газеты, для чего нужно организовать киоски, витрины, красные повозки, читальни и агитационные пункты»[3]. На этом же заседании принимается резолюция о печати, в которой ей отводится доминирующая роль в смысле пропаганды и воспитания широких масс. В связи с этим, планируется предложить комитетам «призвать редакторов газет к тому, чтобы сделать местную печать более популярной, рассчитанной на психологию деревенского читателя»[4]. Предлагалось также по возможности в каждой области издавать газету для землеробов при непосредственном участии в редакции отделов деревенских работниц: «где не хватает бумаги, необходимо сократить издание, выпускать регулярно «страничку»

[1] Там же. Л. 52.

[2] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 61а. Л. 11и.

[3] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 61а. Л. 11к.

[4] Там же.

землеробов и работниц...» [1]. Обращают на себя внимание рекомендации центро-печати для усиления пропагандистского эффекта. В частности, было высказано пожелание регулярно рассылать деревенские газеты, главным образом, на места, в избы-читальни, коммуны, артели, совхозы и т.д. Для связи с местами при партийных ячейках, совхозах, артелях, агит-пунктах организовать группы корреспондентов для сотрудничества в газете и обязать комячейки на местах выявить ответственных постоянных корреспондентов для связи с редакцией. Ввести в коллегию центро-печати от отдела деревни и работниц своих представителей, т.к. «кавказская печать вообще обслуживает главным образом деревню»[2]. Было рекомендовано центро-печати «открыть везде и всюду» агенства, киоски, красные повозки, распространить советские пластинки, завести систематическую расклейку газет на местах в селах, станицах и т.д.[3]

По мнению секретаря комитета Катенева, литература представляла «огромную ценность, которую нужно держать строго в сохранности». [4] Причина этой ценности состояла в ограниченности получаемой литературы. Газеты и журналы заключали в себе один-единственный материал, которым комячейкам приходилось руководствоваться для выполнения задач, исходящих из агитпропа[5]. В связи с этим, предлагалось вести каталоги, чтобы всегда была возможность узнать наличие литературы и ее сохранности путем проверки. Отмечалось, в целом, что «периодическая печать – могучее орудие агитации, но, не смотря на ее значение, дело распространения газет и журналов находится в скверном положении... газета до читателя не доходит в

[1] Там же.

[2] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 61а. Л. 11л.

[3] Там же.

[4] ЦДНИКК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 117. Л. 50.

[5] Харченко Л.Н. Агитпропы как инструмент формирования идеологии советского государства (1920-1930-е гг.) // Манускрипт. № 4. 2020. С. 36-40.

связи с отсутствием надложенного аппарата, отсутствия лиц, заинтересованных в деле правильного распространения литературы на местах».[1]

Согласно протоколу заседаний агитпропколлеги, наиболее сложными для разрешения было несколько аспектов развития печатной пропаганды: связь печати с широкими массами; освещение в газетах вопросов указанных XIII партийным съездом; популярность газетного языка; полит-воспитательная работа среди рабкоров; учет и руководство стенными газетами и библиотечной работой; эффективность работы библиотечного коллектора; комплектование передвижек и изб-читален[2]. Для того, чтобы разрешить сложившуюся ситуацию, было предложено ознакомиться с состоянием работ библиотек, учесть читательские интересы и разработать вопрос об организации при всех библиотеках столово-справок. Кроме того, для усиления политвоспитательной работы среди рабкоров и крестьков организовать специальные политкружки, в программу которых должны были войти вопросы газетной практики, провести ряд конференций рабкресткоров с выставкой стенных газет. Предлагалось усилить наблюдение с руководство работой различных издательств, при этом, особое внимание уделить политической и хозяйственной необходимости выпуска тех или иных книг. Продолжить разработку вопросов о возможности снижения цен на книги, имея ввиду массового читателя, для этого практиковать процентные скидки при коллективных закупках и установить широкий рабочий кредит на книги.[3]

Для улучшения качества работы, газете «Пахарь» было предложено следующее: выпустить специальный номер, посвященный вопросам просвещения; проводить районные конференции селькоров и выделить райорганизаторов; организовать в районах кружки селькоров и кружков

[1] ЦДНИКК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 216. Л. 4.

[2] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34. Л. 15а.

[3] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34. Л. 15б.

редакции выпускать на гикторграфе журнал «Спутник селькоров»; в отношении агрономической пропаганды в ближайшее время главное внимание обратить на конкурс «Лучшее крестьянское хозяйство»; при редакции организовать крестьянскую коллегию; проводить обследование местных стенных газет и инструктировать редколлегии стенных газет.

Стенная газета считалась необходимой принадлежностью каждой комсомольской ячейки. Одной из таких газет была стенная газета Куб-Чер-Роста с яркими коммунистическими заголовками: «Дружными, общими усилиями на трудовом фронте трудящиеся создают все необходимое для жизни и хорошего хозяйства! С новой энергией, с непоколебимой верой в торжество пролетарского дела, за работу!».[1]

В Ростове одной из стенных газет была газета «Слово от станка». Первоначально это было примитивное рукописное издание. Не было иллюстраций и какой-либо грамотной редакции. Но, спустя менее двух лет на ее основе родилась крупная двухнедельная газету с множеством рисунков и с весьма интересным содержанием и подзаголовками: «Слово от станка» идет рука об руку с производством, «Слово от станка» совместно с рабочим поднимает производительность и искореняет недочеты. [2] Помимо этой стенной газеты на улицах города можно было встретить такие стенные газеты как «Дон-Кав-Роста» и «Агит-Дон-Кав-Роста», выпускаемые с 1920 года.[3]

Для улучшения работы газеты «Молот» предлагалось провести окружную конференцию рабкоров и отметить выпуск 1000 номера газеты; ежемесячно проводить кампанию по вовлечению новых кадров читателей газеты «Молот»; открыть газетные курсы рабкоров как Донского округа, так и Юго-

[1] Куб-Чер-Рост. 1921.№ 10.

[2] Советский Юг. 1925. № 1372. С. 4.

[3] Попова А. История Ростовской писательской организации. 20-е годы // Донской писатель. № 3. 2013. С. 6.

Востока (при этом большинство мест предоставляется рабкорам Донского Округа, а длительность курсов составляет три месяца); открыть Краевой клуб рабкоров, в котором сосредоточить воспитательную работу среди рабкоров.[1]

Н.В. Ламосова[2] отмечает, что переход к политике нэпа ознаменовал возникновение кооперативных издательств. Например, в 1922 г. в Ростове-на-Дону открылось краевое кооперативное издательство «Прибой», выпускающее партийную литературу. Позже, в 1925 г. в Ростове-на-Дону появилось Северо-Кавказское партийное издательство «Буревестник», а в 1931 году – издательство «Северный Кавказ».

Следует отметить самое мобильное, доступное и распространенное агитационное средство – плакат. Е.Е. Лежень[3] в своем исследовании отмечает, что плакат был доступен для понимания широким массам, его образы ясны и понятны, а короткий запоминающийся лозунг, сопровождаемый изображением, запоминался и призывал малограмотные массы к действию.[4]

Как подчёркивает А.С. Ильясова, в 1920–1930-х гг. в СССР экспозиционным центром плаката становится идеология негативного воздействия религии на общество. Стоит обратить внимание на то, как при помощи плакатного искусства выстраивался образ нового типа советского человека: сильный рабочий, отличающийся устремлённым взглядом в

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34. Л. 16.

[2] Ламосова Н.В. Становление издательского дела на Дону и Кубани в 1920-х - начале 1930-х годов : диссертация ... кандидата педагогических наук.- Краснодар, 2011. - 234 с.; Она же. Общественно-политические и литературно-художественные журналы Дона и Кубани 1920-х – начала 1930-х годов: типология изданий // Культурная жизнь Юга. 2010. № 2. С. 48-49.

[3] Лежень Е.Е. Плакат как средство политической агитации в 1917-1930-е годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Саратов, 2013. С. 122.

[4] Полонский В.П. Русский революционный плакат. М., 1925. С. 8-10.

будущее, как в символ готовности к строительству нового общества, в котором нет места ни классовому неравенству, ни религиозным предрассудкам.[1]

Первые революционные плакаты были нарисованы известными людьми: В.Н. Дени, М.М. Черемных, В.В. Маяковский, Д.С. Моор. Последний писал, что плакат является действенным оружием, нацеленным на противников советской власти. Плакат поднимает народ на борьбу, и поэтому имеет огромное значение.[2] Плакаты использовались для решения тех же задач, как и пресса, с лозунгами: «Товарищ Ленин очищает землю от нечисти», «Каждый удар молота – удар по врагу».[3]

Особое значение в агитационной работе приобретали массовые мероприятия, такие как праздники, субботники и воскресники, митинги, конференции, вечера воспоминаний и т.д.[4] Уже к концу 1920-х гг. советские праздники уже окончательно были утверждены и сформированы на Дону и Кубани.[5] В издании «Известия ВЦИК» 5 декабря 1918 г. был опубликован список советских праздников, в котором обязательными являлись: Новый год (1 января), День 9 января 1905 года (22 января), День Низвержения Самодержавия (12 марта), День Парижской Коммуны (18 марта), День I

[1] Ильясова А.С. Плакатное искусство в системе антирелигиозной пропаганды в 20-30-х гг СССР // Наука. Искусство. Культура. Белгород, 2022. С. 197-198.

[2] Толстая Т. Русский плакат: книга-альбом. М., 2006. С. 52.

[3] Полонский В.П. Русский революционный плакат. М., 1925. С. 15-17.

[4] Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX: дисс… к.и.н. Краснодар, 2007.; Табунщикова Л.В. «Красная обрядность» на территории Донобласти в 1923 - 1924 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015.№. 6 (67). С. 85 - 94.; Она же. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в...

[5] Там же.

Интернационала (1 мая), День Пролетарской Революции (7 ноября) [1] . Политическое значение всех этих праздников подчеркивалось местными партийными органами. На основе того, что писали свидетели этих событий, к мероприятиям активно готовились. Так, перед празднованием Первомая активно и массово готовились: жители занимались уборкой зданий, улиц.

В частности, в 1926 году первомайский праздник в кубанских станицах прошел очень успешно. Когда наступило 12 часов дня, организации «... дружными рядами в количестве до 2,5 тысяч человек направились к центральной площади, где с присутствующими гражданами станицы всех возрастов было до 3 тысяч человек. Со станции Сосыка прибыли организации спустя полчаса. После заслушания докладов им было вручено знамя от крестьян станицы Павловской, а в знак лозунга «Лицом к деревне» знамя пионерам вручил Районный Павловский К.С.М. В мероприятии помимо местных организаций со своим трактором-карнавалом участвовали дети из коммуны «Школа Труда». В конце демонстрации запустили ракеты. В итоге, для всего населения станицы день прошел с большим энтузиазмом». [2] В городе Приморско-Ахтарск «... к 10 часам утра все профорганизации и предприятия стройными рядами со знаменами, с веселыми лицами собирались на Красную площадь, где их встретил духовой оркестр». [3] Гражданин станицы Черноморской В.А. Снисаревский писал: «Мы, собравшиеся в день Первого мая, ставим перед собой непосредственную задачу укрепления пока единственной в мире страны, где пролетарская революция победила. Первого мая, в день сплочения рабочего класса под знаменами революционной борьбы, общим во всем мире

[1] ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 104. Л. 21

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 23.

лозунгами рабочих и крестьян будет клич: «Да здравствует революционная борьба пролетариата за свержение буржуазии!».[1]

В газете «Красное знамя» появлялись статьи, посвященные празднику. В одной из них описано, как город готовился к празднику, приняв торжественный и праздничный вид еще накануне. Улицу Красную украсили гирлянды, знамена, плакаты, ковры и портреты предводителей Революции. Первого мая уже ранним утром по улицам города двинулись колонны рабочих, профессиональных и военных организаций. Зазвучали боевые марши, которые затем сменило пение революционных гимнов. Тов. Толмачев, член ВЦИК, председатель Областного Исполкома произнес торжественную речь жителям Краснодара.[2]

В газете «Красное знамя» появляются и заметки, посвященные Дню Парижской Коммуны. В них восславлялись представители трудового класса, создавшие Парижскую Коммуну: «Они стали знаменитыми предвестниками созданного социалистического государства. Память об их подвиге будет хранится в сердце трудового народа. «Слава бессмертной Парижской Коммуне!», - пишет П. Китайгородский.[3]

Появляются и творческие произведения: «Коммуна Парижа – рабочих песен перезвон…», - пишет М. Герасимов; «Коммуна, Коммуна, Коммуна, Могу ли тебе я не петь! Тебе – осиянной и юной – Над миром, как мак пролететь», - пишет А. Дорогойченко в память о мучениках Парижской Коммуны.[4]

Также активно пропагандировалось празднование 8 марта. Так, в газете появляется статья, посвященная международному дню работниц, в которой сообщается, что эта дата, как обычно является днем, когда демонстрируются

[1] ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 104. Л. 25.

[2] Красное знамя. 1923. № 900. С. 4.

[3] Красное знамя. 1923. № 867. С. 1.

[4] Там же.

организованные силы тружениц, крестьянок и работниц. Праздник 8 марта в 1925 г. стал массовым широким мероприятием. Прояснение важного международного значения празднования 8 марта нужно было увязать с международной ситуацией вокруг Советской республики и проблемами трудящихся масс и рабочего класса в капиталистических странах, подчеркивая, что «...в день 8 марта крестьянки и работницы из Советской России подают пример тем работницам, которые находятся под господством капитала и заявляют, что всегда готовы оказать им помощь в революционной борьбе».[1]

В связи с тем, что большевики вели активную антирелигиозную политику, в стране была развернута масштабная антирелигиозная пропаганда, представляющая собой идеологическое воздействие на население с целью устранения у него религиозных установок и выработки новых, атеистических взглядов. [2] Соответственно и все религиозные праздники носили советский характер. Например, церковный праздник Рождество стало «Комсомольским Рождеством». Согласно материалам пленума 27-29 января, «Комсомольское Рождество» прошло в виде демонстраций Обком не разрешил, и его на Кубани не праздновали. В Краснодаре и в Новороссийске устраивались субботники. Отмечается, что результаты достаточно хорошие. «Комсомольскую Пасху» позже провели с демонстрациями.[3]

Общий характер «Комсомольской Пасхи» [4] носил внутри-клубное проведение. Только в Сочи, куда материалы Областкома запоздали, был проведен анти-религиозный карнавал. В остальных же организациях

[1] Советский Юг. 1925. № 1330. Л. 2, 3.

[2] Шмаков А.А., Абидулин А.М. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1920-1930-х гг. Основный формы и методы // Вестник Чувашского университета. Чебоксары, 2024. С. 244.

[3] ЦДНИКК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 42. Л. 154.

[4] ЦДНИКК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 42. Л. 88.

праздник заключался в проведении на территории Кубани анти-религиозных докладов, постановок спектаклей и анти-религиозных вечеров.

Непосредственно в Краснодаре было проведено 15 лекций партийцами-анти-религиозниками в рабочих клубах. Лекции были посвящены языческому происхождению праздника, религии и науке, рабоче-крестьянским праздникам и т.д. Доклады охватили около 4000 человек. Кроме того, в 6 клубах были организованы «безбожные вечера», охватившие около 2000 человек.

В Армавире были «проведены 2 лекции по мирозданию, 2 доклада на анти-религиозные темы и поставлены анти-религиозные спектакли. Обслужено 88 человек... В Майкопе «Комсомольская Пасха» сопровождалась докладом по ячейкам и на общегородском собрании и на собрании допризывников» [1] . Таким образом, советские праздники носили ярко выраженный анти-религиозный характер.

Необходимо добавить, что всю большую популярность набирали так называемые вечера воспоминаний, где обсуждалась гражданская война, суровая жизнь дореволюционной России т.д. Так, 28 сентября 1925 года на Кубани состоялся первый вечер воспоминаний, на котором докладчики «вспоминают ужасы войны и чтят память погибших бойцов».[2] Первым таким докладчиком стал «боец Кубани за октябрьские дни» Бушко-Жук. [3] На вечерах воспоминаний также главной темой являлось ленинское наследие. Один из докладчиков вспоминал, как о встрели Ленина, описывал его внешность: человек с маленькой бородой, одетый в чёрное пальто. Ленин В.И. поинтересовался положением на войне и ушел, похлопав по плечу. Докладчик был очень удивлен, что такой выдающийся деятель приятельски

[1] Там же.

[2] ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 179. Л. 13а, 13б, 13в, 20а, 20б, 28а, 28б, 35а, 35б, 35в, 35г, 35д, 35е, 35ж.

[3] ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 165. Л. 46.

поговорил с ним и пожал руку. Он восхитился, как тепло и просто Ильич относится к простым людям. Автор сказал о том, что не раз видел вождя во время субботников и воскресников, в которых тот своим трудом показывал пример остальным. [1] Таким образом, вечера воспоминаний выполняли агитационно-пропагандистскую функцию, используя память и чувства выступающих.

К числу массовых агитационных мероприятий можно также отнести «недели» на различную проводимую тематику. К «неделям» можно отнести массовые мероприятия коммунистической направленности, имеющие ряд подготовительных мер, таких как письменная, устная или наглядная агитация с целью участия населения. [2] Данные «недели» активно использовались в 1920-1930-е гг. в качестве инструмента идеологического воздействия. Так, т. Инкарев предлагает развить широкую агитацию к «Неделе помощи Красной Армии» и утверждает, что необходимо приблизить Красную Армию к населению: открыть газетную кампанию, издать специальный плакат.[3]

Так, в 1920 году с 3 по 10 мая проходила Неделя транспорта; Неделя трудового фронта отмечалась с 15 по 22 июня; в 1922 году с 15 по 23 января проходила Неделя ребенка.[4] На Кубани и Дону в 1920-1930-х годах самыми значимыми среди проходивших агитационно-пропагандистских кампаний считались следующие: «Партийная неделя», «Ленинская неделя»,[5] «Неделя хлебороба», «Неделя больного и раненого красноармейца», «Неделя профессионального движения», «Неделя крестьянина и трудового казака»,

[1] ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 165. Л. 25.

[2] Сароглиди А.В. Праздники и массовые мероприятия в пропагандистских кампаниях РКП(б) в Донской области в 1920-30-е гг. // Sic Transit: революции в политической истории и социальной памяти. Всероссийская (с международным участием) научная конференция. Ростов-на-Дону, 28-29 июня 2017.

[3] ЦДНИРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

[4] Екатеринодар-Краснодар. Краснодар, 1993. С. 448, 449, 471.

[5] ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 165. Л. 21.

«Неделя красного пахаря», «Неделя женщины-работницы», «Неделя добровольной явки дезертиров», «Неделя добровольной явки трудовых дезертиров». [1] Наиболее продолжительной в 1920 году была неделя, посвященная войне с бароном Врангелем[2].

Это мероприятие масштабно проводилось в больших городах и малых селах, например в Лабинском районе на них присутствовало 11700 человек; по Николаевскому району выступило 11 ораторов, посетило 7500 человек; по Григориепольскому району – 7 митингов, выступило 10 человек, присутствовало 5800 человек; по Михайловскому району устроено 12 митингов [3] , выступило 15 человек и 7000 присутствовало; по Прочноокопскому району – 6 митингов, 8 ораторов, присутствовало 6000; по другим отделам проведено 16 митингов, выступило 22 товарища, посетило 9000 человек.[4]

«Неделя Врангелевского фронта» сопровождалась статьями в местные печатные издания: «Хитрая и злая рука немецкого барона Врангеля раскинула сети на Кубань, начала образовывать бело-зеленые шайки. Трудовые казаки, крестьяне и горцы, гоните от себя Врангелевских агентов! Да здравствует одна трудовая семья рабочих казаков и крестьян!».[5]

Согласно протоколу общего собрания ст. Прогноокопской 19 августа 1920 года, на мероприятии присутствовала 1000 участников.

---

[1] ГАРО. Ф.4. Оп.1. Д. 144. Л.184.; Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в...

[2] Кожевников А.Ю. Идеи «красного патриотизма» в годы Гражданской войны (1918-1920 гг.) // Сервис в России и за рубежом. М., 2013. С. 191.

[3] См. напр.: Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в...

[4] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.

[5] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.

Присутствующие решили оказывать полное содействие власти в войне с классовыми врагами и белыми войсками.[1]

К «Неделе борьбы с Врангелем» были подготовлены листовки, призывы, объявления следующего характера: «Бело-зеленые банды своими налетами мешают наладить хозяйство Кубани. Борьба с бандитами должна стать делом всех трудящихся».[2]

По итогам «Недели борьбы с Врангелем» местными органами отмечалось, что она прошла очень успешно и показала, что «крестьяне встали на сторону советской власти... рабочие и часть интеллигенции преданы делу революции».[3]

Субботники и воскресники являлись одним из важнейших массовых мероприятий коммунистической направленности. В начале апреля 1920 года в Екатеринодаре прошли первые субботники. В Екатеринодарском комитете РКП(б) для их подготовки было образовано «апрельско-городское бюро субботников и воскресников».[4] Всекубанский субботник был организован 10 мая 1920 года с призывом: «Трудящиеся Кубани! За топор и лопату, чтобы коммунистическим трудом залечить кровавые раны гражданской войны. Все к труду! Все за работу»[5]. В честь субботника все предприятия работали дольше на 2-3 часа, а всю выручку передавали отделу соцобеспечения.[6] Проводимым субботникам посвящали статьи и стихи.[7]

---

[1] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 30.

[2] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 14.

[3] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

[4] Хронология событий на Кубани с 17 марта по 31 декабря 1920 г. Краснодар, 1921. С. 3, 5; Городецкий Б.М. периодика Кубанско-Черноморского края. Краснодар, 2010. С. 4; ЦДНИКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 95. Л. 2-4.

[5] Хронология событий на Кубани с 17 марта по 31 декабря 1920 г. Краснодар, 1921. С. 3, 5.

[6] Там же.

[7] Красное знамя. № 900. 1923. С. 1.

Стоит добавить, что немалое значение отводилось митингам. Так, 15 апреля 1920 года состоялся митинг бывших военнослужащих и чиновников, оставшихся в Екатеринодаре после прихода большевиков к власти. В тот же день была принята резолюция: выразить благодарность за доброе отношение советской власти к ним, было обещано принимать активное участие в общественной работе.[1]

Значительное количество митингов проходило 1 мая. Этот день был выходным, праздничным. Митинги сопровождались коммунистическими лозунгами: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», «Владыкой мира будет труд!».[2] 22 января, в день годовщины расстрела царским правительством безоружных рабочих в Петрограде в 1905 году, проводились митинги в массовых пунктах: центральный коммунистический клуб, клуб им. Калинина, клуб работников народной связи, зал областной партийной школы и другие.[3]

В качестве агитационно-пропагандистского средства большевики использовали и кино. Однако кино должно быть использовано в качестве аппарата воспитания масс с одной стороны, и как проводник задач и мероприятий советской власти с другой. Помимо того, организованные походы в кино, активно освещаемые в СМИ усиливали агитационное воздействие на массы.[4]

---

[1] Хронология событий на Кубани с 17 марта по 31 декабря 1920 г. Краснодар, 1921. С. 3, 5.

[2] Там же.

[3] Красное знамя. 1921. № 229. С. 1.

[4] Ханжов С.В. Кино и властный дискурс в СССР 20-х – первой половины 30-х годов XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2. С. 65-70.

По мнению А.С. Бочкаревой,[1] главной задачей кинематографии должно было стать производство советских фильмов и замена ими «буржуазно – гнилого и детективного, морально-разлагающего зрителей репертуара».[2]

Так, например, появляются фильмы «Земля в плену», «Катька “Бумажный ранет”», «Трактористы», «Богатая невеста», «Женщина» и другие, провозглашающие новый облик советской женщины. Героинями фильмов становятся женщины активистки, труженицы, стахановки. Таким образом, авторы фильмов агитировали женщин к коллективизации и индустриализации.[3]

При Агитпропе Крайкома в 1924 году была создана постоянно работающая кинокомиссия из представителей Агитпропа Крайкома, Крайисполкома, Оргпросвета, Крайсовпрофа, Политпросвета, Госкино, Комсомола, Крайвнешторга [4] . На них было возложено управление хозяйственной и идеологической работой в области кинематографа. В результате работы комиссии было зафиксировано, что кинотеатры края имели в прокате откровенно вредоносные картины и при наличии своих мощностей не было снято отечественных кинокартин. [5] Как отмечалось,

[1] Бочкарева А. С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX: дисс… к.и.н. Краснодар, 2007. С. 72.

[2] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Л. 97.

[3] Смагина С.А. Образ «новой женщины» в советском кинематографе 1930-х гг. (на примере фильмов «Земля в плену» и «Женщина») // Манускрипт. № 9. 2017. С. 169-172; Хлопонина О.О. Трансформация женской образности в советском кинематографе 1920-1930-х гг. // Знание. Понимание. Умение. № 2. 2017. С. 141-149; Она же. Архетипические модели художественной репрезентации женских типов в русской массовой культуре 1920-х годов // Вопросы культурологии. № 9. 2016. С. 30-34.

[4] См. напр.: Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е XX в.: дисс… к.и.н. Краснодар, 2007.

[5] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Л. 98.

необходимо было обратить серьезное внимание на репертуар кино и провести планомерное обслуживание деревень-передвижек.[1]

Сложившееся положение дел с кино было осложнено тяжелой ситуацией с этой отраслью в стране. Было выпущено крайне незначительное количество кинолент.[2] Стоит подчеркнуть, что до рассматриваемого периода кино не выполняло этой задачи. Деревня не обслуживалась кинематографом, рабочие клуба и театры обслуживались «совершенно невыдержанным с идеологической точки зрения репертуаром».[3]

1920-1930-е годы характеризуются мощным развитием в области радиовещания. По мнению Т.М. Горяевой, радио представляло собой пропагандистский канал.[4] Ю. Мурашов считает, что радио – это инструмент, который позволял устранить противоречия и разрешить актуальные идеологические, политические и социальные конфликты. [5] Массовое радиовещание вещание было начато в 1924 году. А к 1925 году на радио выходили утвержденные постоянные рубрики о новостях в стране, заграницей, о науке и технике, театре и кино, спорте. Однако позже количество информационных передач было сокращено, и радио стало носить исключительно пропагандистскую функцию.[6]

В начале сентября 1926 года начала свою работу Краснодарская широковещательная радиостанция. По воскресеньям можно было послушать радиогазету «Новости радио», также концерты, проводимые местными

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34. Л. 20а.

[2] ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Л. 99.

[3] Володина Н.А. Становление и развитие советской системы политического контроля в 1917-1953 гг.: автореф. дисс… к.и.н. М., 2010. С. 14.

[4] Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х – 1930-х годах. Документированная история. М., 2009. С. 90-96.

[5] Мурашов Ю. Электрифицированное слово. Радио в Советской литературе и культуре 1920-30-х годов // Советская власть и медиа. СПб., 2006. С.18.

[6] Гуревич П.С., Ружников В.Н. Советское радиовещание. М. 1976. С. 22-29.

любителями и клубами. К осени 1927 года у горожан насчитывалось около девятисот приемников.[1]

На Дону радио также пользовалось немалым спросом. Посредствам радиостанции транслировались декреты, циркуляры, распоряжения учреждений советской власти, в первую очередь, Наркоматов. Значительное количество времени занимал прием и распространение «Радиовестников РОСТА». Кроме этого, радиостанция передавала бюллетени «ДонкавРоста» — актуальные местные новости, которые затем размножали другие радиостанции Юго-Востока и местные печатные издевательства. В 1924 году радиостанции было присвоено имя В. И. Ленина.[2]

Некоторые новости, передаваемые по радио, также были дублированы в печатные издания. Так, в газете Советский Юг отмечается рубрика «Радио-уголок», в которой можно узнать о съездах, активных организациях, новостях за рубежом.[3]

Как ни странно, художественная политика в сфере агитации также служила средством идеологического влияния. Идеологический фронт требовал к себе большого внимания партии, в частности, по линии искусства и литературы. Власти усилили работу репертуарной комиссии по городу и районам, не допускали халтурных постановок и выступлений гастролеров и сомнительным репертуаром, а также усилили в этом направлении работу Донлита.

А.С. Бочкарева считала, что целью переходного периода в театре является как формирование нового театра - пролетарского, так и применение

---

[1] Сароглиди А.В. Кино и радио как средство агитационно-пропагандистской деятельности на Дону и Кубани в 1920-1930 гг. // Наука и общество - 2021: Материалы международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 09 апреля 2021 года. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2021. – С. 290-294.

[2] Малаховский Е.И. Нахичеванские храмы // Донской временник. 1999. С. 101.

[3] Советский Юг. 1926. № 1604. С. 3.

потенциала старого театра с агитационными, просветительными и культурными задачами благодаря тому, что в острых театральных формах формировалось новое содержание. Требовалось демонстрировать черты, в наибольшей степени показывающие духовное разложение буржуазии, и, напротив, показывать величие пролетариата.[1]

Большевики также считали необходимым оказывать поддержку пролетарских писателей, следить за их работой, считая, что она должна проходить по двум направлениям: марксистское освещение старой литературы и создание новой. В этом контексте самым ярким событием можно считать издание самого масштабного романа о жизни донских казаков М.А. Шолохова «Тихий Дон», в котором во всем многообразии было показано гражданское противостояние на юге России, роль казачества и отношение к формированию новой власти местного населения[2].

Поддержка была оказана и комсомольскому театру и его отделениям по предприятиям; был создан рабочий театр при использовании сил драматических кружков и клубов.[3] В Екатеринодаре в помещении Зимнего театра был утвержден Советский драматический театр, получивший название «Первый советский драматический театр им. Луначерского».[4] В феврале 1921 года был открыт Театр революционной сатиры, организованный областным политико-просветительным комитетом. Вскоре были созданы студии Пролеткульта, участники которых выступали в театре им. А.В. Луначерского.[5]

---

[1] Бочкарева А. С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX: дисс… к.и.н. Краснодар, 2007.

[2] Шолохов М.А. Тихий Дон. - М.: Эксмо, 2024. в 2 т.

[3] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34. Л. 20б.

[4] ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 6. Л. 124.

[5] Красное знамя. 1921. № 311. С. 9.

Р.А. Шипилова [1] ярко осветила театральную жизнь Дона в своем исследовании, острую идеологическую борьбу в Ростове в начале 1920-х гг. смогла раскрыть Н.М. Гордеева,[2] театральная жизнь Донского края также освещалась Б. Перлиным, [3] а Третьяков В.Ф. описывает историю Таганрогского театра.[4] На территории Дона начали создаваться подлинно рабочие театры: рабочий и комсомольский, которым было предоставлено здание нахичеванского театра лишь в середине 1920-х годов.[5]

Также произошло создание системы контроля над художественным творчеством. В сентябре 1922 года на Дону был образован Донлит, а в 1924 году сформирован Облрепертком.

Изучаемый период в СССР характеризуется творческим подъемом масс: «Везде заметны творческие таланты народа... Рабочие и крестьяне демонстрируют творческий труд, созидающего народное счастье, великую славу и неоспоримое могущество социалистического отечества».[6]

Пропаганда и агитация носила массовый характер и выражалась в форме фольклора. Значимую роль фольклор играл на Дону и Кубани[7]. Как известно, Дон и Кубань являлись сельскохозяйственными и промышленными

[1] Шипилова Р.А. Деятельность коммунистической партии в области театрального искусства в 20-е годы: дисс… к.и.н. Ростов н/Д, 1970.

[2] Гордеева Н.М. Литературный Ростов 20-х годов. Ростов н/Д, 1967.

[3] Перлин Б. Далекое – близкое. (Хроника театральной жизни). Ростов н/Д, 1963.

[4] Третьяков В.Ф. Очерки истории Таганрогского театра с 1827 по 1927 год. Таганрог. 2000.

[5] Баева О.В. Культурная жизнь Донского края в 1920-е годы: автореф. дисс… к.и.н. Ростов/н/Д, 2007. С. 30.

[6] Агитмассовое искусство Советской России. Материалы и документы: Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918–1932. В 2 т. / Под ред. В.П. Толстого. – М.: Искусство, 2002. – Т. 1. – 320 с. С. 7, 101, 110; Т. 2. – 298 с. С. 45–52.

[7] Сароглиди, А. В. Пропаганда в фольклоре Дона в 1920-1930-е годы / А. В. Сароглиди // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9, № 4-2. – С. 82-88. С. 83.

регионами юга России, которые испытали все последствия гражданской войны. Так как народное творчество - это умонастроения, чувства и эмоции миллионов человек, то, по мнению пропагандистов и агитаторов, оно должно было ярко и глубоко отображать разницу между прежней жизнью народа и изменением в его положении после октябрьской революции 1917 года. М. Кивинен, писал, что прежний, дореволюционный народный фольклор отражал трудное, тяжелое, и беспросветное существование угнетенных жителей России. Устное народное творчество имело важное значение в творчестве народных масс, и, помимо этого, демонстрировало «существование народа до победы октябрьской революции и то, на сколько все изменилось к лучшему».[1]

Представители донского казачества, воспринимавшегося как один из главных объектов агитации и пропаганды, использовали в быту разнообразные формы фольклора: пословицы, поговорки, частушки, песни, сказки и др. Эти рычаги воздействия на жителей были использованы агитационно-пропагандистскими структурами, отвечавшими за агитацию на территории Дона и Кубани.

Основными темами в фольклоре были В.И. Ленин, советский строй, рабочий и крестьянский класс.[2] Так, уже в 1921-24 годах на Дону в его честь появились песни, частушки и стихи: «… светит месяц, светит дальний и мерцает, как свеча. Я в читальне прочитала про родного Ильича. Дорогой товарищ Ленин нам широкий путь открыл: то, о чем отцы мечтали, он на деле претворил. Власть Советскую, родную, буду век благодарить: при

[1] Народная устная поэзия Дона //Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18-23 декабря 1961 г. Издательство Ростовского университета. Ростов н /Д. 1963. С. 77.

[2] Сароглиди А.В. Пропаганда в фольклоре Дона... С. 85.

советской власти только стала я счастливо жить».[1] Также вызывает интерес в этом плане зафиксированный в изучаемый период в сказ «О могучем вожде-великане Владимире Ильиче Ленине».[2]

В изучаемый период времени в качестве способа ведения пропаганды использовались такие формы устного народного творчества как частушки. В них теперь описывалась веселая, вольная и безбедная жизнь в современной деревне. В частушках восхвалялись колхозные труженики, представления о комсомоле, непобедимой Красной Армии, чудесной советской технике, дружбе и любви.[3]

Таким образом, можно смело утверждать о появлении на Дону и Кубани в 1920-1930-е годы совершенно нового типа пропаганды и агитации через советский фольклор. Прославленная в нем колхозная жизнь имела свою задачу в том, чтобы создать новые взаимоотношения между людьми, сформировать в колхозниках любовь и преданность социализму, «делу партии Ленина-Сталина». В фольклоре колхоз выступал в качестве единственно допустимого хозяйства, способного обеспечить зажиточную и счастливую жизнь. В новом фольклоре воспевалось, как твердо и самоотверженно казачество вставало под красные флаги социализма и с этими флагами, вместе со всем колхозным крестьянством и рабочими стали строить социалистическое общество.[4]

В 1920-1930 годах на Дону и Кубани главной задачей органов пропаганды и агитации являлось укрепление партийной и исполнительской дисциплины масс. Из вышеуказанных архивных данных, а также данных местной

[1] Фольклор Дона и Кубани // Под ред. А.И. Бусыгина. Ростовское областное книгоиздательство. Ростов н/Д, 1938. С. 120.

[2] Фольклор Дона и Кубани // Под ред. А.И. Бусыгина. Ростовское областное книгоиздательство. Ростов н/Д, 1938. С. 125.

[3] ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 34. Л. 171.

[4] Наш край. Из истории советского Дона. Документы 1917-1965 // Под ред. А.Г. Беспалова. Ростов н/Д, 1968. С. 10-13.

периодической печати можно смело утверждать, что были предприняты все попытки для достижения этой задачи.

Таким образом, период 1920-1930-х годов на Дону и Кубани характеризуется активной агитационно-пропагандисткой деятельностью большевиков. Советская власть пришла к выводу, что для эффективной идеологической работы необходимо создание правительственных органов, выполняющих данную функцию. Так, в структуре ЦК РКП(б)в 1920-х годах появляется агитационно-пропагандистский отдел, подразделяющийся на множество подотделов.

Идеологическая работа на Дону и Кубани формировалась и развивалась в условиях многоаспектности. В регионе преобладало казачество, наряду с крестьянством и рабочими. Население было многонациональным. Значительную территорию занимала сельская местность. Задача большевиков сводилась к получению поддержки от вышеуказанных слоев населения, ликвидации конфликтов и охвате всей территории региона.

Для выполнения этой задачи власти наладили технический аппарат Областкома и Откомов, установили вязь с местами, очистить партию от некачественных сотрудников, пополнили партию рабочих путем проведения партийной недели, уделяли внимание женотделам, полностью контролировали печать, устраивали воскресники и субботники.

В начале 1920-х гг. партийные организации Москвы и Петрограда отправляли опытных специалистов для реализации идеологической работы. Однако к концу 1930-х гг. партийные организации Дона и Кубани накопили достаточно опыта для самостоятельной работы.

Агитаторы Дона и Кубани усиливали политвоспительную работу путем привлечения в кружки, дисциплину и активность партийных ячеек, агитационной работы за станком, во время перерывов, на квартире, в личных беседах, в казармах, домах крестьянина. К концу рассматриваемого периода

партия привлекала по большей части опытных работников, приобщенных к практической партийной деятельности.

Говоря об экономическом состоянии Дона и Кубани, можно условно выделить два периода: послевоенный, характеризующийся сельскохозяйственным и промышленным кризисом, и период активного восстановления экономики. К концу рассматриваемого периода отмечается рост промышленности, сельского хозяйства, торговли, что изменяет целеполагание агитации и пропаганды и усиливает массовость участия населения в мероприятиях.

В агитационно-пропагандистской работе использовались всевозможные средства: устная и наглядная агитация, театр, радио, кино, фольклор, пресса, массовые мероприятия, включающие в себя праздники, годовщины, субботники, воскресники, митинги и недели.

Самым доступным и простым средством выступала устная агитация, включающая в себя доклады, выступления, конференции.

Ярким представителем наглядной агитации является советский плакат, содержащий запоминающееся изображение и краткий лозунг. Такая форма была доступна для любого человека, в том числе и малограмотного.

Массовые мероприятия сопровождались оркестрами, демонстрациями и выступлениями, чтобы воздействовать на эмоциональную сферу человека.

Самыми популярными газетами Дона и Кубани были «Красное знамя», «Трудовой Дон», «Донской пахарь», «Красный студент», «Донская молодежь» и др. В прессе отображались политические события страны, области, агитационные материалы о работе женщин, ликвидации безграмотности, заметки о деревне и т.д.

Советская идеология пробралась и в творчество жителей. Фольклор Дона и Кубани гласил о подвигах В.И. Ленина, пользе революции, тяжкой дореволюционной жизни, белогвардейских злодеяниях.

В рассматриваемый происходит развитие радио и кино. Уже к концу 1930-х годов многие горожане могли послушать пропагандистскую передачу по радио у себя дома, что усилило массовость ее воздействия на население. Изменился на революционный и репертуар театра и кино. Учитывая послевоенное положение в стране, в агитационно-пропагандистской сфере возникали следующие трудности: нехватка финансирования, нехватка кадрового состава, нехватка накопленных знаний. Тем не менее, к концу 1930-х годов агитационно-пропагандистская деятельность охватила все стороны жизни Дона и Кубани.

Глава II. Агитационно-пропагандистская деятельность органов советской власти на территории Дона и Кубани в 1920-1930-е гг.

2.1. Агитационно-пропагандистская деятельность среди детей и молодежи Дона и Кубани в 1920-1930-х гг.

Важнейшее значение в сложившейся структуре приоритетов в СССР имела работа с детьми и молодежью. Обеспечивались такие условия, при которых молодое поколение получало всестороннее образование. Уделялось внимание как развитию личности, так и освоению социальных и культурных правил.[1]

Т.М. Смирнова считала, что воспитание детей и юношества в этот период – это был обширный вопрос, включающий совокупность проблем: методы общественного воспитания детей до школы, обучение в заведениях школьного и дополнительного образования; работа с детьми в октябрятской и всесоюзной пионерской организациях; семейное воспитание; работа про предотвращению подростковой преступности и социальных отклонений.[2]

С Т.М. Смирновой можно согласиться и отметить, что значительные усилия советского правительства и партии большевиков в области пропаганды в 1920-1930-е годы были нацелены на создание новой идеологии, и на ее внедрение в сознание молодежи и детей. При том, что воздействие агитации и пропаганды было направлено на охват всего населения страны, дети и молодежь были в приоритете из-за большей активности и

[1] Смирнова Т. М. Детские дома и трудколонии: жизнь «государственных детей» в Советской России в 1920-1930-е гг. // Вестник РУДН. Серия история России. 2012. №3. С. 16-38. С. 16.

[2] Там же. С. 17.

восприимчивости, поэтому прежде всего именно на нее были нацелены разнообразные методы воздействия.[1]

Стоит поддержать мнение С.Г. Новикова о том, что в партии большевиков считали здоровый досуг молодежи важнейшим условием увеличения производительности труда и успехов в модернизации и индустриализации страны.[2]

Большевики придерживались мнения В.И. Ленина в том, что нравственные правила надежно прививаются лишь в тех условиях, когда они приживаются и в культуре и в традициях и в образе жизни.[3] Развил эту идею А.В. Луначарский. Он заявлял, что политика — это инструмент проведения хозяйственного преобразования для перестраивания обыденной жизни всех людей.[4]

Заявляя цели индустриального преображения стране, большевики провозглашали, что с пережитками безнравственности и вседозволенности, сохранившимися от старого строя, обязательно будут бескомпромиссно сражаться представители рабочей молодежи.[5]

В изучаемый период 1920-х и 1930-х годов во главе партии, а, соответственно и государства, находился И.В. Сталин. Как справедливо отмечает Л.С. Цветлюк, И.В. Сталин, уже в силу этого положения оказывал влияние на жизнедеятельность молодежи и молодежных организаций. Как

---

[1] Сароглиди А.В. Формирование советского мировоззрения молодежи с помощью местной печати в 1920-1930 гг. (на примере Донской области) // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 2(90). – С. 68-71. С. 68.

[2] Новиков С.Г. Воспитание бытовой морали рабочей молодежи в условиях модернизации России 1920-1930 –х годов // Историко-педагогический журнал. Екатеринбург, 2013. С. 175.

[3] Ленин В.И. Полное избрание сочинений. М., 1970. С. 390.

[4] Луначарский А.В. О быте. – М.: Госиздат, 1926. – 80 с. С. 6.

[5] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). М., 1984. С. 466.

руководитель коммунистической партии он уделял внимание проблемам молодежи и молодежного движения, подчеркивая их место и роль в жизни общества, признавая их важное значение.[1] На XII съезде партии он сказал: «не требует доказательств та огромная важность союза молодежи и в целом юношества в процессе становления коммунизма».[2] В печати в это время описывалась и пропагандировалась забота И.В. Сталина о молодежи, подчеркивалось, что он повседневно уделял свое внимание молодому поколению.

В апреле 1923 г. на XII съезде РКП (б), еще при жизни В.И. Ленина, Сталин именовал комсомол «приводным ремнем к партии».[3] Он показал свое представление о коммунистическом союзе молодежи как вспомогательной организации для партии, цель существование которой – выполнять партийные указания.

Согласно тезисам к VIII областной конференции РКП(б) «О работе среди молодежи», в целях успешного и постоянно правильного руководства борьбой рабочего класса партия должна, как одно из непременных условий, иметь всегда новые, свежие кадры, приходящие в ее ряды. Таким кадром, резервом, постоянно пополняющим партию, является РКСМ, основной работой которого среди союзных масс сводится к созданию революционной преемственности между старыми кадрами большевиков и молодым поколением, восприятию союзом опыта классовой борьбы, усвоение во всей полноте задач союза и воспитанию из комсомольца коммуниста-ленинца.[4] «Наше юношество должно быть воспитано в духе социализма. В нем нужно

[1] Цветлюк Л.С. Молодежь в преобразовании страны на коммунистических началах: методология, историография, исторические уроки 1917-1941 гг. М., 2006. С. 47.

[2] Сталин И.В. Соч. Т. 5. М., 1947. С. 201.

[3] Там же. С. 202.

[4] ЦДНИКК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 298. Л .1.

взращивать чувство долга по отношению к обществу», – считает М. Пилецкая.[1]

Считалось, что с задачей подготовки и воспитания партийной смены комсомол успешно справится только тогда, как он будет непосредственно втянут в советское строительство, в работу и борьбу рабочего класса. Как выразился В.И. Ленин, «Коммунистический строй молодежи только тогда оправдает свое название... если... он является содружеством нового коммунистического поколения, при том, что он все этапы собственного формирования и развития согласует с непримиримой классовой борьбой».[2]

Пути и способы конкретного выполнения стоящей перед РКСМ цели, не могут быть рассматриваемы и намечаемы без учета положения союза и без оценки влияния на молодежь обстановки НЭПа, в которой ему приходилось работать и развиваться. В настоящих условиях комсомол имел возможность сравнительно к быстрому как политическому, так и культурному развитию по сравнению с условиями и возможностями бывшими для поколений борцов дореволюционной эпохи. Но наряду с этим, Коммунистический союз молодежи (КСМ) только получал опыт классовой борьбы, «не впитав истории и боевых традиций большевизма... перед молодежью встает определенная опасность – потеря революционной перспективы».[3] Как мы увидели в предыдущей главе, когда рассматривали воспоминания начинающего комсомольского работника, утверждения подобного рода имели довольно основательную базу.

Стоит отметить, что большевики получили от Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) значительную поддержку в агитационно-

---

[1] Пилецкая М. Социал-демократия и рабочая молодежь // Молодежное движение в России. 1917-1929 гг. Документы и материалы. Ч.1. М., 1993. С. 69

[2] ЦДНИКК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 298. Л. 1.

[3] Там же.

пропагандистской деятельности.[1] В связи с этим А.Ю. Рожков заявлял, что ополчение превратится в настоящие вооруженные силы при условии абсолютной дисциплины и деятельной пропаганды. Надо отметить, что в этом большевики преуспели.[2] В.И. Ленин заявлял, что благодаря именно грамотно проведенной пропагандистской кампании в войсках удалось овладеть территорией Дона.[3] Весной 1920-го года Донская область перешла полностью под власть большевиков. По мнению Л.А. Булавки, в вышеуказанный период, перед каждым стоял строгий выбор: красные или белые?[4] Н. Козлова пишет о том, что введением в политику явилась массовая ликвидация неграмотности.[5] Действительно, на протяжении 1920-х годов политическое руководство страны все еще формировало специфические структуры политических образов. Как пишет А.Н. Бочкарева, она образовывалась из сочетания творчества и науки.[6]

Можно отметить тот факт, что агитационно-пропагандистский процесс запустился непосредственно после прихода к власти в регионе большевиков. Там, где ранее находилась Область Войска Донского 23 марта 1918 года была сформирована Донская советская республика. Закономерно в новом регионе

---

[1] Сароглиди А. В. Агитационно-пропагандистская деятельность Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Донской области в 1920-е годы и изменение уклада жизни молодежи / А. В. Сароглиди // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2(194). – С. 71-75. С. 30.

[2] Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. С. 640.

[3] Ленин В.И. Речь на митинге в Народном доме в Петрограде. 13 марта 1919 г.: Газетный отчет // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 38. – 580 с. С. 33–38.

[4] Булавка Л.А. Феномен советской культуры. М., 2008. С. 288.

[5] Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 544.

[6] Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX века: автореф. дисс… к.и.н. Краснодар, 2007. С. 29.

разгорелось общественное противостояние, повторив процессы, происходившие во всей стране. Возник конфликт между имевшими достаточное количество земли для обработки представителями местного казачества и приезжими, необеспеченными землей. Противоречивые устремления разных партий, Казачьего Войского круга, различных общественных слоев стали причиной столкновений с применением оружия.[1]

С.А Кислицын и И.Г. Кислицына отмечали, что большинство представителей казачества на Дону не встали ни на одну из сторон конфликта, после свержения Временного правительства. Так, люди недавно вернувшиеся с полей сражений, поддерживали призывы большевиков к миру, однако испытывали недоверие к отмене частной собственности.[2] На Дону в 1920-1930-х гг. существовали очень разносторонние в своем проявлении и трудные в решении противоречия отношений новой власти с молодежью. Для этого было несколько оснований.

Первое: виды таких отношений затруднительно точно определить. С самого начала новая власть использовала для пропагандистской работы людей, не являющихся специалистами. У них не было задач по разрушению идеологической базы врагов коммунизма и по предотвращению их воздействия на народные массы. На все проявления общественной жизни оказывала влияние агитационная деятельность новой власти.

Л. Троцкий в своих воспоминаниях пишет, что различные направления искусства способствовали ведению военной кампании: «Ни один злодей белогвардеец не ушел от резвых скакунов…».[3] Для успешного ведения войны

[1] Сароглиди А.В. Агитационно-пропагандистская деятельность рабоче-крестьянской красной армии в Донской области в 1920-е годы и изменение уклада жизни молодежи // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д., 2017. С. 30.

[2] Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Ростовской области (От Земли Войска Донского до наших дней). Ростов н/Д., 2007. С. 328.

[3] Цит. По: Скрипиль Мих., Цехновицер Орест. Ленин в поэзии рабочих. Ленинград, 1925. С. 32.

требовались творческие неординарные подходы и для этого активно использовали поезда. Л. Троцкий пишет о бронепоездах, направляемых в отдельные районы, и используемые как библиотеки, электростанции, и другие важные объекты инфраструктуры. Это способствовало улучшению условий жизни местного населения, пусть и не на долго.

Вторая причина заключалась в желании нового поколения работать с государственными организациями и представителями. Это заставляло выбирать виды взаимодействия, способные соответствовать потребностям юношества: постановки в театре, в которых высмеивались пережитки прошлого или демонстрировалось буржуазным воздействие, вызывавшее нравственное падение поддавшихся ему молодых людей. Детей и юношество старались широко заинтересовывать искусством и творчеством, но и давать им возможность становиться участниками. Все, кто хотел, мог записываться в театральные школы. Множеству представителей юного поколения в разных регионах игра в театре давала возможность показывать ключевые проблемы, касающиеся создававшейся новой жизни, и находить ответы на них. Об этом пишет в своей работе Л.А. Булавка.[1]

Третьей причиной являлась проблема поиска своего призвания в обществе среди молодого поколения, так как этот поиск происходил одновременно с определением своей стороны в гражданской войне. Это было также невероятно тяжело для всех поколений во всех регионах. Нужно отметить то, что в 20-30-е годы XX века политизация во всех проявлениях общественной деятельности достигала максимального проявления. Произошедшая революция вынуждала практически все население, даже не участвующее непосредственно в политических событиях, все равно находить свое место в новых условиях.

[1] Булавка Л.А. Феномен советской культуры. М.: Культурная революция, 2008. С. 41-42, 69.

В итоге, именно у молодых людей, в основной массе необразованных, но, под влиянием РККА вовлеченных в революционный процесс благодаря действиям агитации и пропаганды, начали появляться культурно-просветительские потребности.

В докладе о работе ударной ячейки при Донгостабфабрике им. Розы Люксембург за декабрь 1923 года, работа РКСМ оценивается положительно: общее состояние ячейки удовлетворительное, воспитательная работа ведется, комсомольцы учатся в разных кружках и политшколах. [1]

Особую распространенность получили так называемые «красные уголки». Они обычно были расположены удобно, их всегда было легко найти и к ним всегда был обеспечен доступ. Перед началом рабочей смены, сразу после нее или во время перерыва на работе, можно было ознакомиться с информацией о происходящих в стране и за границей событиях, получить свежие газеты. Красные уголки, располагавшиеся на предприятиях, в различных учреждениях и школах по мнению Н.Н. Билим, являлись одним из наиболее действенных средств в идейно-политической работе с молодежью в довоенное время. [2] Работа красных уголков в основном поддерживалась членами РКСМ.

1) Так, в 1924 году состояние Кубано-Черноморской организации РКСМ характеризуется количественным ростом союза, объясняющимся улучшением материального положения рабочей молодежи, батрачество, усилением политической активности, ростом культурных запросов; увеличением количества юношества в организации. Так, в декабре 1923 года среди комсомольцев было на 20% подростков 14-18 лет больше, с 18 до 23 лет – на 80%. Можно констатировать увеличение пролетарского ядра и уменьшение

[1] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 171. Л. 25.

[2] Билим Н.Н. Пропаганда как форма воспитания советской молодежи в 1920-1930-е годы (по материалам Дальневосточного края) // Теория и практика общественного развития. Scientific journal. 2015. №8. С. 141-143. С. 142.

крестьянской части комсомольской организации: на 1 января 1923 г. приходилось 1462 человека рабочей молодежи, 1 марта 1924 г. – 5170 человек.[1] Тем не менее отмечался низкий политический уровень комсомола. По данным осенней политпроверки в комсомоле состояло 77% молодых людей I категории, т.е. совершенно политически безграмотных, 17% - II категории, т.е. имеющие знания «в объеме книги Коваленко» и 6% - III категории, т.е. имеющие знания «в объеме книги Богданова и Истмата Бухарина». [2] В связи с этим, роль союза как резерва и проводника политического влияния РКП на массы молодежи была недостаточно высокой. В регулировании роста Областной Организации должна быть взята определенная линия, направленная к постоянной работе по вовлечению в союз масс рабочей молодежи в городах, а в станицах для расширения сферы влияния и укрепления базы в работе, вовлечения батрацких и полубатрацких элементов, не ставя в тоже время особых препятствий к приему в союз средняцкой революционной настроенной крестьянской молодежи.[3] Утверждалось, что «... каждый комсомолец-партиец должен принимать живое участие в парторганизации, союзная работа не может, да и не должна быть мотивом слабому участию в партработе. Он должен рассматривать свое присутствие в работу в союзе с точки зрения партии в работе среди молодежи». [4]

Согласно докладу о перспективах Агитпропработы в Донском округе на зимний период 1924-1925 гг., одной и из немаловажных задач являлась работа с пионерами. Основной же для этого должна была стать воспитательная работа, проводимая в клубах: необходимо было принять меры в организации пионерских клубов, назначая туда партийных

[1] ЦДНИКК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 298. Л. 1.

[2] Там же. Л. 2.

[3] Там же.

[4] Там же. Л. 3.

руководителей.[1] Большое значение придавалось единому плану бесед по районам с пионерами, утвержденному методбюро при ДК РКП (б). Районные комитеты ячейки должны были выделять партийных товарищей пропагандистов для ведения бесед, требующих партийного подхода и освещения. В бюро юных пионеров должны были входить представители партийных организаций.

Утверждалось, что организация пионерского движения в деревне является задачей, стоящей в порядке дня пионерского движения: «вопрос о воспитании в пионерском духе детей крестьянского населения является серьезнейшим политическим вопросом. Однако организация пионерского движения в деревне упирается в разрешении вопроса о средствах и руководителях. Необходимо добиться, чтобы расходы по пионерскому движению включались как в окружной, так и районные бюджеты»[2]. В зимний период было необходимо вести планомерную подготовку новых кадров руководителей, учитывая стремительный рост пионерского движения.[3]

В вышеизложенном докладе также немаловажная роль отводится и работе в школах первой и второй ступени. В частности, отмечалось, что необходимо выработать единую программу по обществознанию (для школ второй ступени) и по политграмоте применительно к беседам с пионерами (для школ обеих ступеней). При этом учесть необходимость подготовки кадров партийного студенчества для обеспечения школ Соцвоса необходимым преподавательским составом по обществоведению и политграмоте[4]. Особое внимание уделялось сельским школам. В частности, нужно было усилить внимание к работе школьных комсодов в деле помощи детям беднейшего

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 14.

[2] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 14а.

[3] Там же.

[4] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 14б.

населения. Провести работу по реорганизации школ второй ступени в деревне в школе крестьянской молодежи. Совместно с ДК РЛКСМ и Донбюро юных пионеров разработать смеху комсомольских и пионерских ячеек в школах обеих ступеней, а также организовать кружковую политвоспитательную работу среди учащихся.[1]

Целью большевиков было максимальное привлечение молодежи в ряды комсомола. Так, в Отчете Новочерскасского Окрома за ноябрь приведены следующие данные: студенчество демонстрирует небывалый для Новочеркасской молодежи интерес к политической сфере жизни, активно участвуя в собраниях, где делаются доклады по политическим вопросам.[2] В докладе «Об ознаменовании 25-летия партии в организациях РКСМ» речь идет об «укреплении авторитета и любви к партии, создании партийной романтики, широком ознакомлении молодежи с историей партии».[3]

Для привлечения большего числа молодежи было необходимо указывать на ее преданность РКП(б), в частности, на примере борьбы до 1917 г. (начиная от стачек 1880 г. и участия в них подростков) и первых юношеских организаций (Южно-русский социал-демократический союз молодежи), а также еще ярче на примере 1917 г. и 1918 г., когда «все юношеские организации целиком и безоговорочно признали руководство партии – показывают, как стойко все годы боролась рабочая молодежь, будучи активной помощницей и первой поддержкой партии»[4].

Помимо этого, особое внимание уделяли красочным моментам из истории партийного подполья. Особенно важным было привлечение местных

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 14б.

[2] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 40.

[3] ЦДНИКК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

[4] Там же.

«стариков» рабочих и партийцев для того, чтобы их воспоминания о прошлом содействовали укреплению психики молодой гвардии. [1]

Одним из самых масштабных мероприятий по агитационно-пропагандистской деятельности, направленной на детей, была международная детская неделя: «Гулянье это устраивается не ради того, чтобы «убить» время, а с тем, чтобы рабочая молодежь, которую мы зовем на празднование, получила и удовольствие, и знание. Пусть не будет ни одного члена РКСМ или беспартийного подростка, равнодушно смотрящего на праздник!».[2]

Основными лозунгами этой кампании в СССР являлись: укрепление интернационального воспитания; борьба с национальной рознью, в частности, с обостряющимся антисемитизмом усиление работы по воспитанию коллективистических и общественных навыков у детей; участие в укреплении и обороне СССР, широкое вовлечение в ряды пионерорганизации.[3]

Исполком Коммунистического Интернационала молодежи с 24 по 30 июля 1923 года объявил о Международной детской неделе, имеющей целью широкую пропаганду детского движения, ознакомление с ним трудящихся масс; вовлечение детей в пролетарское движение; затем ознакомление и установление пионерских детских организаций России с детскими коммунистическими группами Запада. [4] Неделя сопровождалась лекциями, беседами и демонстрациями: «В эту неделю / Все к одной цели! / Каждый из ребят / В мировой отряд!/ МДН на всем свете, /Где пролетарские дети!»[5]

---

[1] ЦДНИКК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

[2] Красное знамя. 1923. № 705. С. 2.

[3] Девятая международная детская неделя. М., 1929. С. 5.

[4] ЦДНИКК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 42. Л. 148.

[5] Девятая международная детская неделя. М., 1929. С. 44.

Большинству трудящихся на Кубани в указанное время не были знакомы такие общественные явления, как детское движение, коммунистические детские группы, юные пионеры. В связи с этим был подготовлен агитационный доклад, посвященный детскому движению в России и на Западе. В одном из отчетов утверждалось: «Дети, как новый боевой отряд пролетариата, присоединился к многочисленному политическому движению пролетариата в составе пролетарских юношеских организаций, профсоюзов и коммунистической партии». [1] Действительно, архивные документы подтверждают широкий размах пропагандистского движения в области создания международных детских (пролетарских) отрядов. Так, в одном из отчетов отмечалось, что «... к трем миллионам III-го Комминтерна прибавился международный отряд пролетарских детей в количестве 127 тысяч.... Широко развернулось детское движение в СССР, где пионерские отряды к 1923 году составляли 50-70 тысяч детей. Из них более 500 детей приходится на 11 пионерских отрядов, организованных на Кубани Комсомолом».[2]

Стоит добавить, что такие массовые мероприятия - праздники активно использовались для привлечения молодежи[3].

Согласно отчету «О проведении мартовских и апрельских кампаний по КубЧерОбласти», основными кампаниями, особенно сильно захватившими комсомольскую массу были: 14 марта (день 25-летия РКП(б)), 28 марта (день

---

[1] Цит. по: Кравченко Г.В. Политические процессы и общественные организации на Дону, Кубани и Ставрополье в первой половине 20-х гг.: автореф. дисс… к.и.н. Ростов н/Д., 2002. С. 4-5.

[2] ЦДНИКК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 42. Л. 149.

[3] См. подр.: Шаповалов С.Н. Пасха и Первомай: борьба старого и нового быта на Кубани в 1920-1930-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2014. №3. С. 24-27. С. 24.

трехлетия Кубанской организации Комсомола), 7-8 апреля (Комсомольская Пасха).[1] Аналогичные мероприятия проходили и на Дону[2].

День 25-летия РКП(б) включал в себя участие беспартийной молодежи в митингах и демонстрациях, проведение вечеров, на которых делились воспоминаниями старые партийцы, на собрания ячеек и других готовил доклады.

В г. Краснодар на общих собраниях ячеек РКП(б) и РКСМ делали доклады, была охвачена вся Красгорорганизация в составе 1300 человек. Во всех рабочих клубах было организовано проведение вечеров – воспоминаний, в которых участвовало около тысячи человек из числа молодежи. В организованной под влиянием комсомола демонстрации принимали участие около 3 тысяч комсомольцев, рабочей молодежи, а также взрослых рабочих.[3] В Майкопе вечером была организована в честь партии демонстрация молодежи с факелами.[4]

День трехлетия Кубанской организации комсомола во всех ячейках были устроены открытые собрания комсомольских ячеек и проведены торжественные заседания городских организаций, на которых присутствовала беспартийная молодежь. Были прочитаны доклады об истории РКСМ и истории Кубано-Черноморской организации. По всем городским организациям были проведены демонстрации молодежи в честь комсомола. В Краснодарской демонстрации приняли участие более 3000 человек молодежи.[5]

---

[1] ЦДНИКК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 240. Л. 87.

[2] См. подр.: Табунщикова Л.В. Модернизация быта 1920-х гг.: «красные свадьбы», «красные крестины», «коммунистические похороны». // Исторические и социальные аспекты модернизации России в XIX - начале XXI в. - Ростов-на-Дону, 2015. С. 228 - 239.

[3] Там же.

[4] ЦДНИКК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 240. Л. 88.

[5] Там же.

Молодежь была активным участником и празднования советского Рождества. Подготовительная работа к празднику заключалась в прочтении цикла лекций (антирелигиозного характера) с 20-го по 25 декабря 1923 года. По всем ячейкам Донецка помимо лекций были проведены беседы, шла подготовка к постановкам двух пьес и двух концертов 24 и 25 декабря.[1]

В эти дни клуб был украшен плакатами, лозунгами и носил антирелигиозный вид: «несмотря на ураган, зал и фойе были полны молодежи».[2]

Празднование годовщины революции пролетариата впервые прошло на Кубани и Черноморье в 1920 г. Основное внимание при организации этого мероприятия концентрировалось на вовлечение широких масс. При этом участвовали трудовые казаки, крестьяне, фабрично-заводские и сельскохозяйственные рабочие, рабочая, казаче-крестьянская, городская и станичная молодежь и дети.[3] Мероприятия включали в себя торжественные заседания, беседы, лекции, собрания, митинги, массовые развлечения во всех формах.

К числу советских праздников можно отнести и Международный юношеский день. В 1920 году празднование сопровождалось широкими конференциями для молодежи, в которых освещались основные задачи в области труда, быта и образования рабочей молодежи, а также массовыми демонстрациями.[4]

В 1923 году девятый юношеский день носил более массовый и насыщенный характер. Основный лозунг Международного дня молодежи стал следующим: «Долой обнищание, долой фашизм, долой угрозу

[1] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 192. Л. 29.

[2] Там же.

[3] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

[4] ЦДНИКК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 13. Л. 104.

империалистической войны! Да здравствует единый фронт пролетариата».[1] По отношению к западным организациям было предположено придать этому дню характер грандиозной вербовки. К основным задачам проведения праздника относились: «использовать этот день в целях закрепления международной солидарности рабочего класса и молодежи для интернационального воспитания, подчеркнуть разницу между положением рабочей молодежи сейчас на Западе в условиях политического наступления капитала и молодежью России, провести день как праздник освобожденного труда рабочей и крестьянской молодежи, тесно скрепить в этот день союз рабочей и крестьянской молодежи советского союза»[2].

Соответственно этому ЦК предложил в этот день провести массовые демонстрации рабочей молодежи, лозунгом к которым сделать следующее воззвание: «Рабоче-крестьянская молодежь Советского союза – надежный оплот Комминтерна молодежи»[3]. Демонстрации таким образом должны были носить политический характер в знак солидарности рабочей молодежи на Западе и верности Комминтерну.

Для выполнения поставленных задач во время подготовки к празднику во всех ячейках и собраниях, молодое поколение было ознакомлено с положением молодежи и рабочего класса на Западе. Особенно подробно инструкторы остановились на капитале и его последствиях для рабочей молодежи, угрозе войны, разгроме революционных организаций молодежи. Одновременно участников ознакомили с борьбой пролетариата, постепенным ростом коммунистического влияния.[4]

Собрания также прошли и в деревенских ячейках, на заседаниях которых молодежи рассказали об истории западного движения, развитии Юношеского

[1] Там же. Д. 42. Л. 60.

[2] ЦДНИКК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 42. Л. 60.

[3] Там же.

[4] Там же.

дня и положении движения в настоящее время. Для подготовки к празднику были привлечены партийный и профсоюзные организации, а также пионеры. Агитационно-пропагандистская подготовка кампании началась за месяц до мероприятия. Чтобы подчеркнуть связь рабочей молодежи с партией, праздничный день закончился факельным шествием к губернскому партийному комитету.[1]

Баранцевич вспоминает: «Празднование международного праздника трудящихся – первое мая - в этом году прошло у нас с особой торжественностью... Не смотря на будничный день, в праздновании приняло участие большинство станичной молодежи и даже старики хлеборобы. Центр празднества – рыночная площадь. Здесь докладчики рассказали о значении дня первого мая у нас в СССР и заграницей, как празднуют его у нас и у «них»[2].

В Московский центральный комитет коммунистической партии, руководящий РКП (б), была отправлена телеграмма с приветствием. В телеграмме сообщалось, что участники акции прошли от братской могилы погибших красноармейцев к церковной площади в центре города, где у памятника Ленину был проведен митинг: «Все мероприятие было сфотографировано. Был проведен карнавал, который вызвал живой интерес. Отмечалось, что праздник прошел успешно».[3]

С особым размахом праздновали День Труда. Как писала об этих событиях Е.И. Жигулина, на протяжении нескольких суток до начала первомайских праздников проходили вечерние встречи на окраинах. Участники мероприятий тренировались маршировать, петь хором. В это же время готовили транспаранты и флаги. И с началом праздника множество

[1] Там же.

[2] ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 104. Л. 32.

[3] Там же.

молодых участников в колоннах с транспарантами выдвигались к центру мероприятия.[1]

В честь праздника Первого мая в газете «Красное знамя» В. Мутных опубликовал результаты полугодовой работы. В статье «Первое мая и Красная Армия» он отмечал, что с наступлением осени сельские юноши и девушки «дружно направились в казармы, с интересом наполнили клубы и библиотеки. Осваивали устройство оружия, изучали жизнь в казарме. Условия в казармах были тяжелыми – отсутствовали постельные принадлежности, посуда, литература и т.д. Но молодое поколение окрепло. Неумелый, необученный юный красноармеец почувствовал уверенность в себе, освоился в казарме, овладел грамотой».[2]

Нужно отметить тот факт, что агитационно-пропагандистская деятельность, направленная на молодое поколение, получила немалое распространение и в печатных изданиях. В 1922 году начала печататься «Рабочая газета». Это была массовая газета, издававшаяся по всей стране. Редакция опиралась на контакт со своей аудиторией. Стремились получать и применять в своих публикациях максимальное количество корреспонденции, присланной от читателей. В качестве приложений стали выходить многие журналы, в т.ч. «Работница», «Крокодил», иллюстрированный журнал «Экран», «Листок рабкора», научно-популярный журнал «Хочу все знать». Их печатали для самой широкой читательской аудитории. В итоге средства пропаганды охватывали практически все население. [3] На национальных языках печаталось множество различных изданий. Были созданы специальные средства массовой информации, ориентировавшиеся на разные

[1] ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 41. Л. 2.

[2] Красное знамя. 1923. № 900. С. 1.

[3] Сароглиди А. В. Формирование советского мировоззрения молодежи с помощью местной печати в 1920-1930 гг. (на примере Донской области) // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 2(90). – С. 68-71. С. 69.

профессиональные и возрастные группы жителей. Общее количество издававшихся в стране газет в 1925 году составило около шестисот[1].

После оценки состояния красных уголков были сделаны выводы о недостаточной результативности деятельности комсомольцев, в первую очередь по причине того, что не было целенаправленно занятых этой деятельностью активистов.[2] Вместе с этими закрепленными работниками печатные издательства начали энергично проводить общественные чтения различных публикаций, и после этого по теме осуществлялись дискуссии, семинары по актуальным вопросам.

В середине 1928 г., понимая значительное влияние на идеологическую работу с молодежью, оказываемое региональной прессой, ЦК ВКП (б) утвердил мероприятия по совершенствованию изданий, предназначенных для молодежи. В этом постановлении говорилось о повышении числа изданий для молодежной аудитории. Главной задачей этих изданий являлось коммунистическое воспитание молодого поколения, партийная пропаганда одновременно с ростом просветительской работой.[3] С такой целью руководство планировало повысить финансирование книг и журналов для молодежи, пропагандировать ощущение международной солидарности и братства.[4]

ВКП(б) целенаправленно популяризировала проект коллективизации в юношеских изданиях. Тогда были созданы печатные издания, предназначенные на читателей подросткового возраста. В этих журналах и газетах публиковали много статей, описывающих деятельность В.И. Ленина,

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35. Л. 40.

[2] Зори. 1920. № 1. Л. 3.

[3] Сароглиди А. В. Формирование советского мировоззрения молодежи с помощью местной печати в 1920-1930 гг. (на примере Донской области) // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 2(90). – С. 68-71.

[4] Зори. 1920. № 1. Л. 10.

как вождя революции. Предлагались различные развлечения, связанные с идеологическим воспитанием. Пропагандировалось творчество на тематику большевизма, вступления в пионеры, воспитания.[1]

В это время появляются канонические пропагандистские тексты, на долгие десятилетия определившие идеологический вектор развития страны. Так, в произведении «Лагерь» Евгений Безбородов написал знаменитое: «Мы пионеры – дети рабочих».[2] Бастилий в газете «Ленинские внучата» написал о том, что коммунистическая партия и молодежные организации начали внимательно и заботливо работать с юношеством: «Юные пионеры надеются, что их старшие братья – комсомольцы приложат еще больше усилий для укрепления деткомгрупп. Мы рождены под песней машин!».[3] В. Бух написал стихотворение «Ленинские внучата» : «Нас полки, нас легионы юных Ленинских внучат…К солнцу счастия, к Коммуне…Направляем смело в путь…Мы не сделаем уклона от заветов Ильича».[4]

Как отмечают Я.П. Кривко и М.А. Гончаров, пионерская периодическая печать также носила яркий антирелигиозный характер. Например, январские номера газет и журналов, как правило, были посвящены не столько праздникам, сколько так называемым «Ленинским дням», которые проводили в память о В. И. Ленине, скончавшемся в январе 1924 г. Так, для рождественской тематики не оставалось места на их страницах. Вдобавок, акцентировалось внимание на необходимости проведения траурных мероприятий вместе с детьми, посвящая их памяти В. И. Ленина. Таким образом, пионерская организация с первых дней своего существования взяла курс на атеизм в русле государственной политики. Атеистическая пропаганда стала задачей пионерии в целом, и на страницах пионерской печати массово

[1] Горн. 1926. № 1. Л. 8, 9.

[2] Там же. Л. 7.

[3] Ленинские внучата. 1924. № 3. Л. 1.

[4] Там же. Л. 3.

продвигалась работа по объяснению пионерам важности атеистической работы.[1]

На заседании, проведенном в бюро Донского окружкома ВЛКСМ в феврале 1928 года была определена повестка: «О читательских интересах молодежи».[2] Из средств, направленных для расширения фондов читален на Дону, предлагалось направлять часть на покупку беллетристики для молодежи и других книг, напечатанных в «Молодой Гвардии».

В. Молотов был типичным представителем литераторов, издававших множество материалов, описывающих тему комсомола. В газете «Зори» он заявляет о том, что самой актуальной темой для комсомольцев являются их быт, досуг, деятельность, проводимая в их первичной комсомольской организации. Требуется ответственно взяться за активизацию в проведении собраний. Нужны лекции, посвящённые жизни нового поколения, проведению досуга, поясняющие то, как нужно трудиться, как устраивать свой быт: «И меньше тезисов о зарубежной политике. Лучше рассказывать о собственной деятельности, досуге».[3] Тогда же была опубликована статья Юрия Ю., посвященная молодежным организациям с предложениями способов совершенствования его деятельности.[4]

Таким образом, последовавший после Октябрьской революции, социальный взрыв в форме Гражданской войны, задал вектор развития общества. Система советской агитации и пропаганды бросила свои силы на детей и молодежь, используя всевозможные методы влияния, такие так РККА, периодическая печать, массовые мероприятия и праздники.

---

[1] Кривко Я.П., Гончаров М.А. Особенности трансформации рождественских детских праздников в праздник новогодней елки на страницах периодической печати первой трети XX века // Наука и школа. 2023. №4. С. 151- 159. С. 153.

[2] ГАРО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.

[3] Зори. 1920. № 1. Л. 2.

[4] ГАРО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 34. Л. 10.

2.2. Агитационно-пропагандистская деятельность среди женщин на Дону и Кубани в 1920-1930 гг.

«Женщина – работница и крестьянка. Октябрьская революция дала тебе права, каких не имеют женщины ни в одной стране мира»,[1] - гласит один из лозунгов к V годовщине Октябрьской Революции. Ряд современных исследователей высказывают мнение, что новая власть непосредственно после победы над буржуазией приступила к важнейшей задаче по включению работающих женщин к созданию нового общества[2], тем самым поднимая т.н. «женский вопрос» в условиях 1920-1930-х гг. [3] Данной проблеме посвящены публикации М.И. Мирошниченко,[4] рассматривавшего сущность гендерной роли женщины в рамках развития женского движения на Урале в 1920-е годы, Н.В. Обрезковой, [5] описывающей повседневность донских женщин в 1920-х годах, а также Н.Л. Пушкаревой,[6] раскрывающей понятие «женская повседневность» и другие.

Действительно, «Женский вопрос» в рассматриваемый период стоял очень остро: женщинам было трудно получить образование; для них был ограничен круг специальностей, доступных для них на рынке труда; сохранялось правовое неравенство супругов в браке; существовала сложная

---

[1] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.

[2] Незабываемые годы // сост. В.И. Лопатова, Н.Н. Сластухин. Саранск, 1967. С. 360.

[3] Мирошниченко М.И. Актуальность исследования сущности гендерной роли женщины в рамках развития женского движения на Урале в 1920-е годы: первый опыт обзора советской историографии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. Вып. 10 . №6. С. 16-24 и др.

[4] Она же. С. 16.

[5] Обрезкова Н.В. Донская горожанка: социальный портрет и повседневность 1920 – х.: автореф. дисс… к.и.н. Новочеркасск, 2011. С. 11.

[6] Пушкарева Н.Л. К определению понятия «женская повседневность» // Повседневный мир советского человека, 1920-1940-х гг. Ростов н/Д, 2009. С. 212, 217, 222.

процедура развода для женщин и т. д. Главным, тем не менее, был вопрос о том, как сможет зарабатывать средства на жизнь женщина, как она может конкурировать с мужчиной на рынке труда. Звучали опасения, что, если супруги в браке получат равенство, процедура развода будет упрощена, то это приведет к разрушению семейных ценностей и морали, а дети вне семьи не смогут получить должного воспитания.[1]

В данном вопросе непререкаемым авторитетом для пропагандистов являлись работы А. Коллонтай[2]. Она, как известно, преследовала идею абсолютной перекройки общества в рамках женского вопроса. Одной из ее работ является: «Труд женщины в эволюции народного хозяйства», представляющих собой курс лекций для работниц Университета им. Свердлова в 1921 году. Цель этих лекций заключалась в идейном влиянии на женщин, а также их просвещении[3].

По мнению А. Коллонтай, хозяйственные отношения, частная собственность, а также деление на классы значительно уменьшают роль женщины в производстве. Основная причина женского бесправия заключена в потере роли «производительницы». Она утверждала, что подчиненное положение женщин имело причину в специализации разделения работы: «в то время, как на производстве задействованы мужчины, подсобной работой занимаются женщины».[4] А. Коллонтай обращала внимание на общность женских и государственных интересов, указывая, что впервые в истории государство взяло под свою защиту матерей и их детей. Помимо этого, она

[1] Минаева О.Д. Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «Женского вопроса» в СССР в 1920-1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ. М., 2015. С. 5.

[2] Коллонтай А.М. Труд женщины в эволюции народного хозяйства. М., 1923. С. 110.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 22.

утверждала, что «История движения работниц сливается с движением нашей партии».[1]

Спустя месяц Октября 1917 года женщины были освобождены от всех ограничений по отношению к детям и имуществу в случае расторжения брака, они смогли выбирать место жительства, профессию, получать образование, а также получать одинаковую оплату за равный с мужчинами труд.[2] В 1918 году была принята первая советская Конституция. В ней законодательно гарантировалось равенство обоих полов как в политическом, так и в бытовом отношении, но не было выделено специфических женских нужд, не связанных с общими классовыми.

Е.А. Шабатура напоминает об идее, что стране, созданной после революции, обязанности по воспитанию детей будут возложены на государство. В то время считалось, что бытовые условия жизни трудящихся станут так налажены, что женщины освободятся от «отупляющей домашней работы».[3]

Стоит согласиться с А.В. Бородиной и Д.Ю. Бородиным в вопросе постановки новых женских задач. Действительно, тяжелые условия Первой мировой войны и Гражданской войны оторвали большинство женщин от семейного очага, лишив ее кормильца мужа и «бросив ее во все отрасли промышленности».[4] За этот период женщины- работницы, составляя значительную часть рабочего класса, ходом исторических событий – пролетарской революции невольно были втянуты в политическую и хозяйственную жизнь страны в качестве активной силы, содействующей

[1] Там же. С. 198.

[2] Смидович С. Очередные задачи женотделов // Коммунистка. 1922. № 2. С. 32—37.

[3] Шабатура Е.А. Образ «новой женщины» в советской культуре 1917-1929 гг.: автореф. дисс… к.и.н. Омск, 2006. С. 17.

[4] Бородина А.В., Бородин Д.Ю. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-х — 30-х гг. // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь, 2000. С. 45—51.

победе над капиталом.[1] Таким образом, сформировалась новая советская реальность. В соответствии с идейными взглядами советской пропаганды женщине были отведены две роли - «труженицы» и «матери».

Проводимые большевиками собрания обозначали главную цель отдела по работе среди женщин – агитация словом и делом среди женского пролетариата с целью вовлечения его в число активных работников Республики.[2]

Если раньше на эту работу партийные организации на местах не обращали должного внимания, то резолюция IX Съезда РКП(б) предлагает всем Губкомам, Уездкомам принять деятельное участие в работе среди женщин.

Отмечалось, что, когда на Кубани начинали проводить работу среди женщин, «представление о положении женщин было домостроевским, причем не только среди широких народных масс, но и среди многих членов коммунистической партии. Требуется с самого начала проводить агитационную работу не ограничиваясь женской аудиторией, но также среди мужчин, чтобы разъяснить им необходимость включения женщины в трудовую деятельность и убедить их в том, что без массового вовлечения пролетарских женщин в работе не сможет добиться успеха социальная революция».[3]

Вовлечение трудящихся женщин в экономические в политические выступления и революционную борьбу пролетариата, приобретает значение первостепенной важности. Борьба женщин против своего двойного угнетения, согласно агитационным материалам, должна принять международный характер, превращаясь в борьбу всего пролетариата за диктатуру, за Советский строй под знамением III Интернационала. Так,

[1] Красное знамя. № 710. 1923. С. 2.

[2] ЦДНИКК. Ф.1. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.

[3] ЦДНИКК. Ф.1. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.

отмечалось, что «Третий Конгресс Коминтерна снова подчеркнул, что не участвующие в революционных преобразованиях женщины различных стран мира станут надежной опорой буржуазии в контрреволюционной деятельности».[1]

Согласно докладу о перспективах Агитпропработы среди женщин в Донском округе на зимний период 1924-1925 года, можно выделить основные направления: с целью квалификации работников по работе среди работниц в городских районах организовать краткосрочные вечерние курсы, построенные на основных вопросах политграмоты, но в основе – с уклоном практической партийной работы и ознакомления с советской, профессиональной и кооперативной работой. Агитпропу принять участие в проведении работы на курсах. Обратить внимание Агитпропов райкомов на планомерность руководства агитпропагандистской работы отделов работниц и райорганизаторов по работе среди работниц и крестьянок. На организуемые курсы деревенских коммунистов привлечь всех сельских ячейковых организаторов, а также внести в программу курсов вопросы работы среди работниц и крестьянок, которые должны быть прослушаны не только организаторами, но всеми курсантами: «необходимо агитпропам обратить внимание на руководство в работе делегатских собраний в деревне»[2].

Кроме того, одной из основных работ среди работниц, и особенно крестьянок, провозглашалась ликвидация неграмотности. Агитпропам совместно с Политпросветами необходимо обратить серьезнейшее внимание на вовлечение крестьянок в ликпункты, причем делегаток в первую очередь, поскольку «имеющиеся ликпункты в прошлом слишком мало пропустили крестьянок, и даже передовая часть – делегатки к концу созыва не все

[1] Красное знамя. 1921. № 366. С. 1.

[2] ЦДНИРО. Ф. 5. Д. 33. Л. 10.

ликвидировали неграмотность». [1] Отмечалось также, что необходимо обратить внимание на слабое участие работниц, и особенно крестьянок, в печати и принять меры к внедрению этой работы среди них, осуществляя руководство в плановой работе по печати среди работниц и крестьянок и организаторов.[2] Указывалось на необходимость проведения «самой широкой агитации» (как устной, так и письменной) среди членов партии, ставя вопрос о работе среди женщин, о месте женщины в революции и т.д. на обсуждение общих собраний партии, на массовых митингах, рассылая соответствующие циркулярные письма местным организациям. Партком должен был обратить внимание всех руководителей Отделов, в особенности отделов Труда, Наробраза, Продкома, Собеза, что «создать полноценные Советские органы, не пораженные враждебным духом, они сумеют исключительно взаимодействуя с Женотделом, который представляет собой источник жизненных сил, получающий их от самой рабочей массы».[3]

Таким образом, агитационно-пропагандистская деятельность среди женщин нашла отражение в средствах массовой информации. Статьи, посвященные работе среди женских масс отображены на первых страницах. Пишется, что прошедшее второе Международное совещание коммунисток в Москве повторно признало целесообразность пропаганды и агитации, направленных на всех работающих женщин [4] - прослеживается активное идеологическое влияние на женское население. Посредством прессы большевики утверждали, что «без активного участия широких масс женского пролетариата и полупролетариата невозможна диктатура пролетариата, неосуществим коммунизм... Женщина должна быть равноправным и

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 19.

[2] Там же. Л. 20.

[3] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

[4] Красное знамя. 1921. № 366. С. 1.

равнообязанным членом всех боевых классовых организаций – партий, профсоюзов, кооперативов, Советов и т.д.»[1]

В станице Цимлянской работа среди женщины принимали участие в Советском Строительстве и работах во всех отделах исполнительного комитета. [2] Агитационно-пропагандистская работа среди женщин была направлена и на поддержку РККА. В статье «Работница – сестра в рядах Красной Армии» А. Лебедева-Репина пишет о русской работнице – Красной сестре милосердия в рядах Красной Армии.[3]

Автор статьи напоминает, что поджигателями Гражданской войны[4] стали хозяева-капиталисты и их приспешники, которые создают белые банды, пытавшиеся отобрать свою бывшую власть, землю, заводы и прочие богатства у крестьян и рабочих, и вернуться к угнетению трудящихся[5], а также, что именно русская работница принимала активное участие на фронте не только оказанием помощи, но и «личным примером и агитацией часто воодушевляла растерявшихся, поддающихся общей панике менее сознательных и стойких красных бойцов.[6]

Образ сестры-работницы – образ героини фронта, образ сострадательной к лишениям воинов, устоявшей перед тяжелым трудом на войне и в тылу, заслужившей доверие, любовь и уважение от солдат. [7] К задачам сестры милосердия относились не только медицинская помощь, но и ликвидация безграмотности среди красноармейцев, а также укрепление и рост пролетарского сознания в рядах РККА.

---

[1] Там же.

[2] Куб-Чер-Рост. 1921. № 10.

[3] Красное знамя. 1922. № 655. С. 3.

[4] Булдаков В.П. Гражданская война и проза 1920-х годов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. Вып. 5. С. 113-122. С. 113.

[5] Красное знамя. 1922. № 655. С. 3.

[6] Там же.

[7] Там же.

В рассматриваемый период наблюдается активное развитие агитационно-пропагандистской периодической печати для женщин. К ним относятся журналы «Работница», «Крестьянка», «Коммунистка», «Делегатка», «Труженица Северного Кавказа», «Колхозница», «Батрачка»: «В этот радостный вешний день, / В этот праздник наш – каждый год /Мы выходим из душных стен / На всемирный рабочий смотр», таки образом описывалось празднование первомая работницами.[1] В листовке журнала «Крестьянка» перечисляются читатели, на которых он направлен – это работница сельского хозяйства, преимущественно из числа неимущего населения.[2]

В числе главных целей этих журналов и газет можно выделить следующие: распространение большевистских идей среди женщин; принципиальное повышение числа женщин, на стороне советской власти; пропаганда нового мировоззрения; агитация за современные представления; пояснение деятельности большевиков, в том числе в отношении положения женщин. О.Д. Минаева писала, что остальные цели, в том числе познавательные и развлекательные не так важны.[3]

В истории СССР немаловажная роль отводится плакату как одному из наиболее ярких средств агитационно-пропагандистской работы. В. Полонский указывает на то, что тематика освобождения женщины от оков старого быта и наделения её равноправием с мужчиной изображена на сотнях плакатов. В Советской Республике ничего не осталось от старых законов, ставивших женщину в подчиненное положение. Полное равноправие женщине первой дала советская власть.[4] Он обращается к советским

[1] Работница. 1923. № 5. С. 2.

[2] Крестьянка. 1930. № 24.

[3] Минаева О.Д. Журнал «Крестьянка» в 1920 гг.: приемы формирования читательской аудитории // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. №6. С. 128-149. С. 130.

[4] Полонский В. Русский революционный плакат. М., 1925. С. 34.

труженицам с призывом становится образцом для женщин из разных стран для противостояния эксплуататорам.[1]

Агитационная деятельность среди женщин коснулась и творческой составляющей. [2] В различных литературных произведениях, песнях описывается положение женщины-казачки, постоянная погоня за краюхой хлеба, нищета, страх за будущий день, озлобленность и жадность. В противовес такому образу описывалась новая Женщина Дона как активная участница в управлении государством, в управлении хозяйственными и культурными делами страны. Итогом пропаганды стало появление в 1930-х гг. таких песен казачек, в которых восхвалялся И.В. Сталин, демонстрировалась любовь к нему.[3]

«Многомилионные женские массы вовлекаются в строительство государства»[4] - ведется агитация за повышение производительности труда. Девушки вовлекаются в ряды комсомола.[5] Задачей государства становится воспитание масс женщин в духе коммунизма, привлечение их в ряды РКП(б). Одним из лучших способов идей коммунизма являются широкие беспартийные конференции работниц и крестьянок. Согласно отчету женотдела о работе среди женщин 1921 года, было проведено 8 конференций и 12 съездов завженотделов.[6] Вторым наилучшим осуществлением задач отделов работниц являются делегатские совещания и субботники. В Краснодаре было проведено 24 совещания, по области 98 субботника, а по всей области насчитывается 1500 делегаток. [7] Однако вышеуказанные

[1] Снопков А.Е., Снопков П.А., Шклярук А.Ф. 600 плакатов СССР. М., 2004. С. 56.

[2] Сароглиди А.В. Пропаганда в фольклоре Дона в 1920-1930-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9, № 4-2. – С. 82-88. С. 83.

[3] Булавка Л.А. Феномен советской культуры. М.: Культурная революция, 2008. С. 154.

[4] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

[5] Там же. Л. 2.

[6] Там же.

[7] Там же. Л. 3.

показатели лишь увеличиваются с годами. Согласно отчету Женотдела о работе среди женщин за 1922 год, было проведено 81 собрание с участием 947 человек и 12 конференций с участием 653 человек.[1] 1923 год отмечается систематичностью занятий: проведено 543 собрания с участием 9430 человек и 30 конференций с участием 9818 человек.[2] Таким образом, наблюдается тяга в партию работниц и жен рабочих.[3]

Работавшие в женсоветах назывались «делегатками», преследовавшие своей целью защищать интересы женщин. Первостепенной задачей Женотделов была все та же агитационно-пропагандистская деятельность, внедрение в женское сознание коммунистических идей.[4]

Институт делегаток – тот резерв женской трудовой организованной армии, из которого Жеонтделы и партия после долгой, систематической и упорной работы над делегатками, путем созывов общих делегатских собраний, черпают необходимые силы, вовлекая работниц и крестьянок в общепартийную Советскую и профессиональную работу.[5]

С помощью созданных женотделов на местах осуществлялась централизованная кампания формирования современного способа ведения домашнего хозяйства, воплощая мысли Н.К. Крупской и А.М. Коллонтай в сфере семейной жизни. На основании выступлений на съездах видны элементы предлагаемого домашнего хозяйства — это учреждения для воспитания детей, детские массовые организации, жизнь в коммунах,

---

[1] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

[2] Там же. Л. 2.

[3] Там же. Л. 3.

[4] Арманд И. Доклад на международной конференции коммунисток // Международная конференция коммунисток. М., 1921. С. 84; Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки по литературной теории и истории. Документальные материалы. М., 1998. С. 5-15.

[5] Красное знамя. 1921. № 367. С. 3.

популяризация спорта и просвещения, колхозы в сельской местности, представительство тружениц городов и деревень на съездах.[1]

Так, делегатка Зорная заявляла на съезде что основа коллективного труда создана, и требуется достойно оправдать надежды, возлагаемые множеством трудящихся женщин, со вниманием наблюдающих за происходящими свершениями.[2]

Активную жизнь делегаток демонстрируют отчеты в селе Гулькевичи: «Идут часто лекции на различные темы, проводятся часто собрания женщин»[3], «многие женщины интересуются статьями о сельском хозяйстве, бывают на таких читках 20-30 женщин и по 10-15 делегаток», [4] «мы женщины-делегатки даем честное слово, что будет стараться воспитывать сознательную женщину». [5] Во всех партсобраниях и лекциях участвовали делегатки. В квартире одной из делегаток было проведено одно из делегатских собраний. Всего делегаток насчитывалось 16. Одно общее собрание было проведено в Клубе Госмельницы, в нем участвовало 19 делегаток и 40 других женщин. Отмечается, что из цикла бесед были составлены вопросы. «К собраниям относятся хорошо, идут с охотой». [6] Сообщается об организованных мероприятиях и об обучении местного населения в Гулькевичах.[7]

Показательным является и Северный райком г. Краснодара. В статье «Женщины-коммунистки должны подавать пример» М. Левченко указывает, что из общего числа женщин, занятых на предприятиях и учреждениях

---

[1] Партийная этика: документы и материалы дискуссии 20-х гг. // под ред. А.А. Гусейнова и др. М., 1989. С. 188.

[2] Красное знамя. 1921. № 367. С. 4.

[3] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 48.

[4] Там же. Л. 51.

[5] Там же. Л. 16.

[6] Там же. Л. 52.

[7] Там же. Л. 53.

Северного района, был избран делегатский состав 8 созыва в количестве 220 делегаток, с которыми Райженотдел и работал в течение года.[1]

Основная работа Райженотдела заключалась в проведении еженедельных делегатских собраний по программе Центрального Отдела работниц. Делегатки принимали активное участие в разнообразной общественной работе. Они избирались в фабзавкомы, культ- и шефкомиссии, РКК, правления клубов, бюро ячеек и т.д. Одновременно велась среди них и кружковая работа. В профкружке работало 14 делегаток, кооперативном – 18, в секциях Городского Совета – 34. Остальные были прикреплены к детским домам, школам и отрядам пионеров.[2]

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что делегатские собрания как метод привлечения работниц и крестьянок к активному строительству новых форм жизни вполне себя оправдал. Для делегаток были предусмотрены следующие положения: перед Женотделами стоит задача – ликвидировать общую и политическую безграмотность среди делегаток.. Действительно, согласно списку делегаток села Гулькевичи, который состоит из 23 женщин, из них 1 грамотная, 10 неграмотных, 12 малограмотных.[3]

Делегатки должны были быть в несколько привилегированном положении над прочей массой женского пролетариата, т.е. делегатки от профсоюзов должны быть посылаемы во всевозможные учебные заведения в первую очередь: делегатки при сокращении штатов не должны быть увольняемы, делегаток безработных в первую очередь посылать на работу и выдвигать их на все выборные должности, а наиболее стойких и преданных советской власти вводить в партию на общих основаниях и заботиться об их детях и т.п.

---

[1] Советский Юг. 1925. № 1490. С. 2.

[2] Там же.

[3] ЦДНИКК. Ф. 1771. Оп. 1. Д. 385. Л. 25.

Всю работу по ознакомлению с идеей партии советскому и профессиональному строительству через общие делегатские собрания Женотделы должны вести лекционным методом, путем докладов и бесед, после чего каждой делегатке должна была быть предоставлена возможность проработать весь материал по прослушанному докладу или лекции, путем разбивки делегаток на кружки по предприятиям и учреждениям или путем привлечения их в клубы, где и должна вестись вышеназванная работа подготовленными к этому работниками. Для этого к каждому кружку должен был быть прикреплен ответработник по работе среди женщин.

Параллельно с этим на наиболее сознательных и несколько уже подготовленных и быстро ориентирующихся делегаток должно было быть составлено ядро, из которого делегатки Женотделами отправлялись для практической работы в секции Горсовета или на положение делегатки-практикантки в советские отделы (согласно постановлению Совнаркома), а также для оживления работы устраивать экскурсии по детским домам, музеям и т.п.[1]

Стоить отметить виды работы среди женщин. В 1921 году одним из таких видов являлось массовой вовлечение работниц и крестьянок в Соворганы для практических работ. Практикантство дало громадные результаты. Масса работниц и крестьянок, знакомясь с делом, становились хозяйственниками, администраторами Советского строительства.[2]

Особое внимание уделяется роли женщины в сельско-хозяйственных вопросах. За время Первой мировой и Гражданской войн значительная часть мужей и отцов были оторваны от деревни, крестьянке пришлось взвалить на себя то, что считалось раньше мужским делом и, следовательно, проявлять большую, чем раньше, инициативу и прямое участие во всем, что касалось деревни. Этот методы был санкционирован декретом Совнаркома 11 апреля

[1] Красное знамя. 1921. № 368. С. 3.

[2] Там же.

1921 года, в котором дано было указание всем Исполкомам, что практиканство оплачивается.[1]

Однако по новому положению Совета Народных Комиссаров от 27 апреля 1922 года о порядке привлечения работниц и крестьянок к работам в Соворганах, объявлялось, что после перехода организаций на хозяйственный расчет, такой способ вовлечения тружениц к государственной службе, как практиканство не будет больше широко использоваться. Но по второму пункту этого Положения говорилось, что губернские и уездные Исполкомы или управляющие органы отдельских учреждений могли при согласовании с отделами трудящихся женщин и этими организациями оставить практиканство работающих женщин. При этом работа оплачивалась из средств учреждений, использующих их услуги. [2]

Данный пункт Постановления Женотдела был взят за основу: теперь делегатки-практикантки направлялись для работы в кооперацию. Особое внимание уделялось производственной кооперации, где практикантки должны были организовать артели из безработных женщин.

Был высок уровень безработицы, она становилась причиной множества преступлений, увеличивались случаи воровства. С этим явлением должна была бороться производственная кооперация, вместе с Женотделами создавая из безработных женщин артели по различным видам работ.[3]

Во многих семьях, где отсутствовал работник, «хозяйничала» обычно с помощью подростков-сыновей мать-крестьянка. В результате этого, казачка и крестьянка все более и более завоевывали себе равноправие в решении общественных дел и проявляли интерес ко всем вопросам сельской действительности.[4]

---

[1] Красное знамя. 1923. № 705. С. 2

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Красное знамя. 1922. № 667. С. 3.

По имеющимся сведениям из областей, было видно, что крестьянка-казачка совершенно не вовлечена в работы по сельско-хозяйственной кооперации. Следовательно, Женотделы должны были «Организовать и поставить на правильные ноги птицеводство, животноводство, огородничество, наладить правильную постановку своего сельского хозяйства, оторвать крестьянку от своей замкнутой жизни в своей хате» и т.д.[1]

Работниц колхозов руководство считало в основном трудовым резервом в сельскохозяйственном производстве, дающим возможность выполнения необходимых работ и замещения в селах мужчин, которых в значительном количестве отправляли на стройки и промышленное производство.[2]

Возлагая такое большое количество обязательств, рабочее законодательство чрезвычайно много уделяло внимания женщине-работнице в области охраны труда, и каждая работница должна была знать свои права, предоставленные ей законом.[3] Утверждалось, что невозможно достичь свободы всех трудящихся, без обеспечения независимости для женщин.[4] Более того, воспрещалось применение женского труда в ночное время; никому не разрешено привлекать женщин к сверхурочным работам; женщин никто не имеет права привлекать на особо тяжелые или опасные для здоровья работы: «ни европейская культура, ни любая другая демократическая

[1] Красное знамя. 1922. № 560. С. 4.

[2] Гадицкая М.А. Сельские женщины в условиях колхозного строительства в конце 1920-х - начале 1940-х гг.: на материалах Дона, Кубани и Ставрополья: автореф. дисс… к.и.н Новочеркасск, 2008.

[3] Градскова Ю. Обычная» советская женщина — обзор описаний идентичности. М., 1999. С. 24.

[4] Ленин В.И. К женщинам-работницам // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 25. – 580 с. С. 41.

республика не дала женщине и десятой доли того, что дала ей Советская власть».[1]

Согласно докладу «По работе среди работниц, батрачек, крестьянок и казачек» Резолюции XI Донской окружной партконференции в 1928 г. наблюдается рост активности женских масс.[2] Однако эта активность нередко проявляется в ненормальных формах и не имеет должного применения в общественности. В связи с этим необходимо следующее: «Так как работой недостаточно охвачены середняки и казачки, обратить внимание парторганизации в деревне на охват работы этих слоев женской массы»[3]. Парторганизациям предписывалось уделить больше внимания, особенно в деревне, руководству делегатскими собраниями, как одной из форм организации женских масс, воспитывающей и приближающей их к партии, вкладывая в содержание работы делегатских собраний вопросы общих задач партии и советского строительства, вопросы практической жизни предприятия, села или станицы, а также обеспечить достаточной популярной литературой делегатские собрания, включая в общею сеть снабжения; особое внимание обратить на руководство методов работы делегатских собраний.

Во всей работе среди женщин парторганизациям был взят курс на создание вокруг партии актива из работниц, крестьянок и казачек, на их вовлечение в практическую общественную работу профсоюзов, советов, кооперацый и т.д. В связи с этим предписывалось провести работу по выдвижению в отделы ДИКа а также обратить внимание ДК на проведение специальных подготовительных курсов практических общественных работников из крестьянок и казачек. Отмечалось, что необходимо укрепить партруководство работой среди женщин, считая ее одной из важных

[1] Красное знамя. 1921. № 355. С. 3-4.

[2] Резолюция XI Донской окружной партконференции // По работе среди работниц, батрачек, крестьянок и казачек. Ростов н/Д., 1928. С. 18.

[3] Там же. С. 20.

отраслей партработы. Усилить партпросветительную работу среди женщин, вовлекая их в школы политграмоты, кружки и т.д. Усилить руководство работников Донкома и райкомов работой сельских делегатских собраний путем регулярных выездов на места.

Констатируя слишком низкий процент женщин в партии, центральные партийные органы предписывали взять курс на вовлечение лучших работниц, батрачек, крестьянок и казачек, для чего усилить воспитательную работу с ними. Облегчить вступление в партию батрачек, крестьянок и казачек, применяя общепартийные методы по созданию благоприятных условий по вступлению женщин в партию. Совместно с профорганизациями усилить массовую работу среди работниц, сосредоточив ее вокруг клубов и красных уголков.[1] Обратить внимание на более тщательный подбор работоспособных организаторов в городе и особенно в деревне, выдвигая таковых на местах для подготовки и повышения квалификации провести специальные курсы сельорганизаторов.

Признавая, что слабость работы среди крестьянок и казачек в большей мере зависит от их материальной необеспеченности и работы по совместительству, органы агитации и пропаганды призывали считать необходимым ввести платные единицы для сельорганизаторов в крупных, а также имеющих политическое значение станицах и селах. В связи с расширением работы среди женщин станиц и сел для большего обслуживания руководства и охвата крестьянок и казачек, необходимо было иметь в наиболее крупных деревенских районах инструкторов Женотдела.

Однако, как мы утверждали выше, «женский вопрос» и практика его реализации не были лишены трудностей, что ярко отражено в докладе тов. Глухова. Он предложил присутствующим посетить табачное производство чтобы самим увидеть бедственное положение работающих там женщин:

[1] Резолюция XI Донской окружной партконференции «По работе среди работниц, батрачек, крестьянок и казачек». – Ростов н/Д.: Изд-во СКК ВКП(б), 1928. – 36 с. С. 18–19.

«Опасная для здоровья табачная пыль, раздражающая органы дыхания. На работающих там женщин отражаются условия тяжелой работы – их лица землистого цвета и нездоровые. Они идут на производство, предварительно выполнив работу по дому. После увиденного нельзя поверить в то, что положение трудящихся после революции стало лучше».[1] Судьба женщин также ярко отражена в произведении Демьяна Бедного «Не заступайте дороги женщинам»: «Нет горше доли – доли женской, / Крест самый тяжкий – женский крест».[2]

Как утверждала Н.О. Ленивихина, первые годы советской власти обязали женщин трудится как на производстве, так и дома. Собственно, именно по этой причине, они нередко отказывались от «чести» быть избранными. Обязанность тратить массу времени на собраниях и лекциях, вынуждала их писать заявления с просьбой отпустить их из партии «по причине неграмотности и многодетности».[3]

За получение всеми женщинами образования и их активное вовлечение в социальные процессы всеми путями старались агитировать сотрудники женоделов. Домохозяек, экономически зависимых от мужчины, сравнивали с рабынями. Методом математических подсчётов определяли, насколько больше была угнетена крестьянка по сравнению со своим мужем. По результатам подсчетов, согласно данным М.В. Васеха, женщина в деревне затрачивала на работу по дому в четыре раза больше времени, чем ее муж.

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.

[2] Красное знамя. 1923. № 900. С. 2.

[3] Ленивихина Н.О. Партийное руководство «женской активностью» в 20-е гг. XX в. (на примере Нижневолжского региона) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета 2015. №5(100). С. 287-294. С. 289.

Большая тяжесть работы по дому в основном была взвалена на крестьянок, в это же время еще была основная тяжелая работа на полях.[1]

В результате, стремление новой власти поменять положение женщин в восприятии большинства членов общества натолкнулось на серьезные проблемы. В докладах из регионов писали, что женщин трудно созвать на коллективные мероприятия, так как они опасаются там присутствовать, чтобы их не заставили вступать в коммунистическую партию. Если им рассказывали, каким станет их положение в будущем, то они никому не верили, говоря, что их жизнь сейчас слишком трудна, и им некогда дополнительно получать образование и участвовать в общественной жизни. По сообщениям А.С. Жулаевой, такое же мнение было и у мужской части населения, они заявляли от том, что их жены хороши и без образования, но с образованием они, наверное, мужьям вообще перестанут подчиняться, «и так с ними справиться не можем».[2]

Помимо этого, сельские труженицы тоже сопротивлялись работе женсоветов. В изданиях 1920-х годов находится множество статей о нежелании женщинами создания детских яслей на летнее время, они поясняли это тем, что всякая деятельность, которую ведут женсоветы, имеет целью вовлечение в коммуны. В печати были публикации о том, что крестьянки панически боятся всякой общественной деятельности, жительницы деревень считают жен-активисток агентами большевиков, и с этим нужно бороться.[3]

---

[1] Васеха М.В. Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е гг. (по материалам юга Западной Сибири // Известия Алтайского Государственного Университета. 2013. №4/2. С. 43-36. С. 45.

[2] Жулаева А.С. Образ жизни крестьян Восточной Сибири в 1920–1926 гг.: к проблеме соотношения традиций и новаций: дис… к.и.н. Красноярск, 1999. С. 112.

[3] Васеха М.В. Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества... С. 45.

В итоге, можно заключить, что сложившиеся семейные традиции, в которых доминирующее положение имел муж, а жена находилась в подчиненном положении стали пережитком прошлого. Однако, что должен в семье выполнять отец и муж, в новом законодательстве практически не было зафиксировано. О.М. Здравомыслова по этому поводу отмечала, что этот недостаток повлиял на особенности формирования советской семьи. [1] Большевики считали борьбу за права женщин необходимой для решения целей, намеченных в ходе строительства коммунизма.

Можно принять во внимание мнение М.В. Васеха о том, что демонстративному освобождению женщин – теперь они также, как и мужчины могли трудиться, учиться, заниматься общественной деятельностью, сопутствовали оставшиеся сельские патриархальные традиции: второстепенное положение в семье, обязанности по ведению всего домашнего хозяйства и т.д..[2]

Но было бы неверно считать все происходящие социальные изменения в СССР только следствием влияния пропаганды и агитации. Если бы женщин не считали работу на производстве соответствующей их нуждам, никакие пропагандистские кампании не смогли бы изменить принятый образ жизни. Многие тысячи женщин с горячим энтузиазмом осваивали мужские профессии так как это стало возможностью заявить о себе обществу, реализовать свои способности, обрести интересную, социально полноценную жизнь.

---

[1] Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М., 2003. С. 100.

[2] Васеха М.В. Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е гг...С. 46.

2.3. Ликвидация безграмотности и культурно-просветительская работа на Дону и Кубани в 1920-1930-е гг. как инструмент агитационно-пропагандистской деятельности

По мнению Е.В. Пономаренко, в 1920-1930-е гг. происходили колоссальные изменения во всех сферах существования общества, его социальной структуры, переменой социокультурного облика основных слоев и классов общества. Советское общество в это кризисное время переживало метаморфозы всех сфер человеческого бытия, в частности культуры и образования.[1] Солидарна в этом вопросе А.Г. Горюнова, считающая, что после Октября 1917 г. в стране борьба за глобальную образованность явилась одной из основных причин важнейших изменений социальных и экономических отношений.[2] Как обоснованно считает О.В. Баева, в это время происходили интересные творческие находки, кипел энтузиазм. Множество деятелей культуры вдохновились идеями революции и искали пути и способы рождения нового искусства.[3]

Произошедшие в стране перемены коснулись не только основ общественного бытия, но и частного бытия многих миллионов людей. Как отмечает Н.В. Канавина, групповое и индивидуальное поведение людей, определяемое в большей степени низким уровнем культуры и образования, потребовало мировоззренческого орудия влияния на массы для достижения социалистического идеала.[4] И именно культурно-просветительная работа

[1] Пономаренко Е.В. Изменение социокультурного облика российских рабочих в 1917-1921 гг.: автореф. дисс… к.и.н. Славянск-на-Кубани, 2006. С. 31.

[2] Горюнова А.Г. Общество «Долой неграмотность»: история создания и деятельности в 1923-1927 гг.: автореф. дисс… к.и.н. Иваново, 2012. С. 18.

[3] Баева О.В. Культурная жизнь Донского края в 1920-е годы: автореф. дисс… к.и.н. Ростов н/Д., 2007. С. 12.

[4] Канавина Н.В. Культурно-просветительные учреждения в годы НЭПа 1921-1927 гг.: По материалам Саратовской губернии: автореф. дисс… к.и.н. Саратов, 2003. С. 30.

стала таковым средством. Речь идет о сфере культурной работы, которая первоначально носила название внешкольной. Однако в 1920-е годы термин «внешкольная работа» заменили четким определением, носящим идеологический подтекст - «политико-просветительная работа».

Как указывала председатель Главного политико-просветительного комитета Н.К. Крупская, не было просветительской деятельности, не наполненной политическим влиянием. [1] Из этого следует и такое внимательное отношение партийных и государственных органов к политико-просветительной работе.

По мнению И.В. Глущенко, ликвидация неграмотности в СССР носила двоякий характер. [2] С одной стороны, большевики ставили перед собой задачу создания полноценной личности, обладающей общими базовыми знаниями, с другой — определив курс на проведение индустриализации, государство испытывало потребность в образованных рабочих. При этом труженики могли в полной мере соответствовать потребностям новой власти лишь тогда, когда они могли понять и новую идеологию.

Действительно, проведение кампании по ликвидации неграмотности не предполагало разделения между самим обучением и политическим просвещением - пропагандой. Это считалось абсолютно естественным и само собой разумеющимся. Среди политпросветучреждений имелись сельские и колхозные клубы, дома культуры, избы-читальни, музеи и библиотеки, в которых работники просвещали крестьян о пользе чтения книг. Основной темой бесед являлось изучение значения книг в жизни выдающихся вождей (К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина).[3]

---

[1] Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10-ти томах. Т. 7, М., 1959. С. 103.

[2] Глущенко И.В. Ликвидация неграмотности среди взрослых в 1920-1930-е годы // Вопросы образования. 2015. №3. С. 24.

[3] Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат,

Согласно плану организации Кубанского областного политико-просветительского отдела, его целью стало «объединение всей политико-просветительской и агитационно-пропагандистской работы области и подчинение этой работы непосредственному контролю Областкома РКП».[1]

Отдел агитации призывал к идейному руководству всеми областными периодическими изданиями, их инструктированию и популяризации, а также к обработке и снабжению изданий культурно-просветительскими и агитационно-осведомительными материалами. Вдобавок, предлагалось обратить пристальное внимание на политико-просветительскую и научно-художественную работу подотдела искусств Оботнароба и широко использовать все способы художественной агитации: театр, кинематограф, фотографию, плакаты.[2]

Пропагандистский отдел выделил политическое воспитание масс, широкую организацию школ для взрослых, снабжение их преподавательским составом и учебными пособиями. Также важным считается централизация библиотечного дела, введение единой библиотечной сети и использование музейно-экскурсионно-выставочного дела в целях наглядного ознакомления трудящихся с общехозяйственным положением.[3]

В 1920 году была создана организация «Кубанская рабочая просвита», целью которой было повышение культурного уровня, укрепление пролетаризма и развитие классового сознания. [4] Почти еженедельно устраивались товарищеские вечеринки. Порядок проведения мероприятий

1970. – Т. 44. – 620 с. С. 174, 390; Наркомпрос РСФСР. Об участии политико-просветительных учреждений в завершении ликвидации неграмотности и обучения малограмотных. – М.: Учпедгиз, 1941. – 24 с. С. 2, 3.

[1] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 2.

[4] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

одинаков: сначала доклад или реферат на пропагандистские темы, затем концерт.[1]

Согласно материалам пленума Кубано-Черноморской организации 27-29 января 1923 года, политпросветительская работа на Кубани являлась самой систематичной среди других губерний Юго-Востока.[2]

Пленум Обкома отметил перевес политобразовательной работы над культурной. Это объяснялось тем, что в крупных центрах (Краснодар, Новороссийск) Кубани не было своих комсомольских клубов. Политпросветсовещание дало области задание организовать 80 политкружков, но организовали всего 42. Согласно договоренности с Обкомом РКП о прикреплении к каждому кружку партийца, «прикреплены были только к 13 кружкам. 50% кружков выпадают на деревню».[3]

Предпринималась попытка привить пропколлективы, «чего еще даже в Ростове не было»[4]. Были организованы пропколлективы в Новороссийске и Армавире. Клубная работа была слабой: мешало отсутствие своих клубов. Обкомом были разработаны с политпросветом материалы о секциях при клубах, о работе РКСМ в избах-читальнях, разработано хорошее положение об эпизодической работе в клубах. Отмечалось, что начинают расти комсомольские клубы в деревне, которые Обком еще не изучил. Также наблюдалось усиление работы среди беспартийной молодежи через союз беспартийных конференций. Было выпущено три номера «Кубанского комсомольца», проводится кампания подписки.[5]

---

[1] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 2.

[2] ЦДНИКК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 65. Л. 54.

[3] Там же. Л. 55.

[4] Там же. Л. 55.

[5] Там же. Л. 55.

Стоит добавить, что на Дону отмечался рост изб-читален. По округу насчитывалось 94 избы-читальни, и сеть продолжала расширяться.[1]

Согласно резолюции краевого политически-просветительского совещания, отмечалось широкое развитие физической культуры и руководящее участие в нем организаций РКСМ.[2]

Вдобавок, было заявлено о необходимости активной работы художественной секции. Т Волков докладывал: «драмкружки имеются во всех избах-читальнях. В деревню были посланы художественно-драматические библиотеки-передвижки. Кино-передвижек работало 7: 4 Донполитпросвета и 3 районных (в Азовском, Новочеркасском и Аксайском). Также имеются два вида драмкружков: в одном преобладают комсомольцы и демобилизованные красноармейцы, в других – интеллигенция».[3]

Опираясь на директивные указания Крайкома по вопросам работы среди работы клубов в 1922 года, одними из основных направлений были клубная работа и культурно-просветительская работа. Тов. Томский на VI Съезде Профсоюзов сказал: «В рабочем клубе рабочий должен найти здоровое развлечение, отдых и удовлетворение своих потребностей».[4] Работа в клубе предполагала курс на внедрение курса по политпросвет работе, продолжение устойчивых игр и всех известных развлечений, разработку материалов об играх воспитательного характера.[5]

1) Культурно-просветительская работа кружка должна была носить характер выявления способностей желания каждого члена кружка. Необходимо было во всей работе руководствоваться для достижения наибольших результатов принципами добровольного участия в том или ином

[1] Советский Юг. 1925. № 1320. С. 2.

[2] ЦДНИКК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 42. Л. 76.

[3] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 78. Л. 33.

[4] Советский Юг. 1926. № 1603. С. 3.

[5] ЦДНИКК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.

кружке. Выявление желаний и стремлений каждого члена в отдельности давало возможность, толчки к проявлению самодеятельности. Считалось что в особенности в культпросвет работу необходимо привлекать беспартийную молодежь. А самой работе по возможности придавать политический характер. Рекомендовалось для фиксации знания устройство публичных споров и диспутов членами кружка. Конкретно в этой области перед политпросветом стояли задачи: разработка материалов о работе драматического, хорового, литературного, музыкального кружков; разработка цикла бесед по естествознанию с указанием программы и методов занятий; разработка материалов с организацией вечеров творчества и самодеятельности; оказание особого внимания сельскохозяйственному образованию.[1]

Клубная работа и культурно-просветительская работа велась и среди беспартийного населения, и среди допризывников, привлекаемых на основании вышеупомянутого принципа клубной работы.[2]

Проводимая прежде работа по политграмотности носила несистемный характер, т.к. условия жизни организации в условиях голода и сильно развитого бандитизма не позволяли проводить ее систематически. Как было указано выше, в ликвидации политической безграмотности, важно придерживаться исключительной систематичности, для чего было необходимо подвести итоги проводимой ликвидации и на основании произведенной политпроверки, выявив общую степень развитости членов ячеек, приспособить свою работу. А также: разработать курс лекций для использования в качестве вспомогательного средства к литературе, тезисам, ввести принцип ответственности ячеек РКП для ведения политпросвет работы.[3]

---

[1] Там же.

[2] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 66. Л. 28.

[3] ЦДНИКК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 13. Л. 32.

Культурно-просветительская деятельность не была лишена недостатков. Например, воспитательные работы на Юго-Востоке были чрезвычайно слабы. Наблюдалось отсутствие систематичности, плановости. Темпы были весьма медленные.[1]

Воспитательная работа практически не велась. Содержанием политпросветительской деятельности было случайное ознакомление членов с текущими событиями, частичная работа по ликвидации политической неграмотности и участие в некоторых кампаниях союзного и партийно-советского порядка.[2] Товарищ Подсущенко докладывал, в частности, что в культурном отношении ничего партийным комитетом не сделано. Громадный недостаток существует в лекторах и агитаторах».[3]

Семикаракорский волком РКП(б) выявил недостаточную политграмотность переменного комсостава терчастей.[4] Согласно протоколу №7 заседания клубной комиссии при Агитропе ДК от 17 апреля 1925 года, школа политграмоты работала не совсем регулярно (посещаемость до 35 человек).[5] В докладе «О политпросветработе в деревне» также выявляет ряд недостатков в работе изб-читален» тов. Будный высказал недовольство работой изб-читален, которые не удовлетворяли интересам крестьян[6]. Кроме того, он указал на то, что в некоторых селах не было подходящих для них помещений, отмечалась частая сменяемость избачей, в избах не хватало бумаги, времени и т.д.[7]

Для результативной работы изб-читален, ударной задачей агитпропов становится обеспечение изб-читален литературой, в первую очередь

[1] ЦДНИКК. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

[2] Там же. Л. 3.

[3] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 61а. Л. 13.

[4] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 66. Л. 5.

[5] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

[6] ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 76. Л. 2.

[7] Там же. Л. 3.

ленинской, для чего и предлагалось использовать суммы, выделяемые из бюджета, добившись немедленного их получения.[1]

Также необходима была организация при избах-читальнях столов справок по вопросам политическим, административным, научным, агрономическим, вопросам здравоохранения, привлекая для этой работы партийных учителей, врачей, агрономов.

Стоит отметить, как справедливо утверждает Л.В. Павлова, оживление экономической и культурной жизни на Дону и Кубани в начале XX века вызывало острую потребность в грамотных людях. В это время в общественном сознании жителей областей появилось осознание важности образования для широких масс, происходило формирование заведений для обучения вне классно-урочных организаций.[2]

Л.И. Анайкина указывает на то, что образование - та область, которая затрагивает жизнь почти всех семей, это важнейший процесс, а именно основа для благополучной жизни в обществе каждого члена этого общества.[3]

Дети из городской пионерской организации считали своим долгом корректно привлечь сельских жителей к ликвидации безграмотности, приобщению к процессам, происходящим в обществе.[4]

Кампания по ликвидации безграмотности (с 1919 г. до начала 1940-х гг.), представляющая собой массовое обучение грамоте молодежи и взрослого населения страны, не обучавшихся в общеобразовательной школе, – была одним из самых уникальных и масштабных социальных и образовательных проектов всей истории СССР.

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 13. Л. 10б.

[2] Павлова Л.В. Ликвидация неграмотности взрослого населения. 1897-1939 гг.: На материалах Оренбуржья: автореф. дисс… к.и.н. Оренбург, 2006. С. 3.

[3] Анайкина Л.И. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР, 1922 - 1991 гг.: автореф. дисс… д.и.н. М., 2001. С. 6.

[4] Пионерская правда. 1928. № 186. С. 1.

Опираясь на доклад тов. Соколова «О директивах по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства в Донском округе»,[1] мы можем сделать выводы о насущных потребностях работы в области экономического кризиса, в частнсти, в области социально-культурного строительства необходимо обеспечить было в ближайшее пятилетие проведение всеобщего обучения и наметить мероприятия по ликвидации безграмотности на территории Донского округа. В связи с ростом промышленности и ростом всего народного хозяйства, вообще, надлежало особое внимание уделять вопросу профессионально-технического образования. Необходимо было наметить мероприятия к поднятию уровня профессионально-технического образования в полном соответствии с ростом и нуждами промышленности и сельского хозяйства на территории Донского округа.[2]

Стоит отметить, что неграмотность в этот период была вопиющей, однако к концу 1930-х годов она была ликвидирована практически полностью. По переписи 1897 года видно, среди 126 миллионов опрошенных мужчин и женщин оказалось всего лишь 21,1 % грамотных. Через практически 20 лет после этой переписи ситуация с образованием почти не поменялась: 73 % населения старше 9 лет оставались абсолютно неграмотными[3]. В этом аспекте Россия стояла на последнем месте среди европейских государств.

В губерниях, областях и республиках с преобладающим сельским населением кампания по ликвидации безграмотности начинается одновременно, как среди организованного, так и среди неорганизованного населения. Кубано-Черноморская область, по преимуществу землевладельческая, с трехмиллионным населением, из которого около 2,5 миллионов приходится на сельские местности, представляет собой яркий

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 97. Л. 37.

[2] Там же.

[3] Красное знамя. 1923. № 958. Л. 1.

пример слишком высокого среднего процента неграмотных (среди сельского населения 70%, среди городского – 50%).[1]

В 1920-1930 гг. вопрос о массовой ликвидации безграмотности не только активно обсуждался в обществе и средствах массовой информации, но и являлся обязательным пунктом программ большинства политических партий.

Одержавшая победу в Октябре 1917 г. партия большевиков в скором времени начала реализовывать эту часть программы: уже в декабре 1917 года в Наркомате просвещения РСФСР (первым наркомом просвещения стал А.В. Луначарский) был создан внешкольный отдел под руководством Н.К. Крупской (с 1920 г. – Главполитпросвет).

Однако сама кампания ликбеза началась позднее: Советом Народных Комиссаров (СНК) 26 декабря 1919 г было принято решение о ликвидации безграмотности среди всех жителей страны. Было написано об обязательном получении образования для всего взрослого населения, для того чтобы они смогли вовлечься в политические преобразования.

Согласно плану агитпропработы на сентябрь и ноябрь 1924 года, в области политобразования для успешного ее осуществления должно быть выполнено следующее: [2] руководить работой сети школ политграмоты; просмотреть лекторов, заменить проявивших себя недостаточно опытными в лекторской работе; провести широкое совещание преподавателей школ политграмоты и конференцию учащихся; учесть опыт школ политграмоты по районам; обследовать при помощи инструкторов работу школ политграмоты на местах.

Учитывая, что в 1924-25 году Донской области предстояло ликвидировать неграмотность 30 % неграмотного населения в возрасте от 15 до 30 лет, что составило 10000 человек неграмотных, окружное совещание зав. Агитпропами посчитало необходимым развернуть сеть ликпунктов

[1] Красное знамя. 1923. № 958. Л. 1.

[2] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 13. Л. 4.

соответственно числу детских школ, добившись полной нагрузки до 30 человек.[1]

Декрет спустя пять лет принес свои первые, но значимые плоды. Л.А. Донскова отмечает, что уже в 1924 г. в Донской области количество учеников возросло более чем в два раза, достигнув 82430 человек[2] Также в 1924 году в Таганроге уже было 7121 учеников в 15 школах. Примерно 40 % детей школьного возраста, а в городах около 70 %, учились в школах. В конце 1925 года были достигнуты колоссальные результаты в продвижении образования на Дону: обучались уже примерно 70 %. На Дону работали 1792 начальных школ, в них проходили обучение 175374 учеников, также 56605 учеников получали образование в 111 средних и неполных средних школах.[3]

В хуторе Чеботовка школа-передержка имела огромный рост числа слушателей: сначала – 32 человека, спустя несколько дней – 46 человек, а через две недели после занятий школа имела 68 слушателей из казачьей молодежи, среди которых было много комсолольцев.[4]

К концу 1927 года в Краснодаре, мужского населения насчитывалось 73436 человека, из которых 57175 были грамотными, а женского населения – 80144, из которых 51208 были грамотными.[5] В Краснодаре работало три школы политграмоты. Слушателей в школах было 278 человек. Большая часть из них рабочие, остальные – служащие. Кроме членов и кандидатов партии, в школах 41 член РКСМ и 13 беспартийных.[6]

---

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.

[2] Донскова Л.А. Просвещение и педагогическое образование на Дону в 1920-1930-е годы // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2013. С. 97-104.

[3] История Дона от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. Ростов н/Д., 1967. С. 110.

[4] Советский Юг. 1926. № 1696. С. 2.

[5] ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 46. Л. 177; НАСК. Ф. Р-1547. Оп.1. Д. 114. Л. 93; Список населенных мест Кубанского округа. Краснодар, 1927. С. 23, 78, 79, 150.

[6] Советский Юг. 1925. № 1330. Л. 3.

В основу работы школы была положена программа ЦК для нормальной (шестимесячной) школы. Перед началом занятий эта программа была пересмотрена и дополнена общеобразовательными предметами – русским языком, математикой и естествознанием.[1]

В июле 1924 года Пленум ЦК и ЦКК проработал и принял ряд решений по актуальным вопросам советской и партийной жизни. Агитпроп Крайкома считает необходимым работы школ политграмоты начать с изучения решений пленума. Это даст направление в работе школ на предстоящий год, и приблизить их к практической действительности, к вопросам текущей партийной и советской жизни.[2]

Перед проработкой учебной программы АПО считает необходимым провести 4 занятия о работах пленума по следующему плану: международное положение, пути нашего хозяйственного развития, итоги перевыборов советов, о единстве партии.[3]

Уже в 1929 году было введено обязательное обучение всех детей с восьмилетнего возраста. Для взрослых продолжали функционировать общественные пункты ликвидации безграмотности в количестве 94 штук, а также школы малограмотных в количестве 7 штук. Более 700 преподавателей-общественников вели бесплатную работу по ликвидации безграмотности. К концу 1929 года неграмотность была ликвидирована среди рабочих завода имени Седина, «Краснолита», стеклозавода имени Рыкова.[4]

Как считает Н.В. Иевлев, кампания по ликвидации безграмотности охватывала женщин.[5] Главная работа осуществлялась на общих собраниях,

---

[1] Там же.

[2] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 78. Л. 19.

[3] Там же.

[4] Екатеринодар-Краснодар. Краснодар, 1993. С. 531.

[5] Иевлев Н.В. Работа государственных органов по вовлечению женщин в культурную жизнь Нижнего Поволжья 1920—30-е годы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2010. С. 70.

которые устраивались по программе Губженотдела. Трудениц призывали обучаться в школах грамоты и политграмоты. Работниц союзов металлургической, кожевенной, деревообрабатывающей и швейно-игольной промышленности привлекали в открываемые фабзавучи. В цехах проходили собрания, прорабатывались вопросы, касающиеся охраны труда и быта. Работницам разъясняли Кодекс законов о труде. Помимо бесед и общих собраний проходили лекции, делали инсценировки.

Для привлечения еще большего количества жителей к образованию, к празднованию пятой годовщины Декрета о ликвидации безграмотности, ЦК предложил провести однодневник, выделив для этой цели необходимые партийные силы.[1] В частности, предполагалось осветить этот день в местных газетах, состояние и дальнейшие задачи ликвидации безграмотности, в связи с заветами Ленина, привлечь силы партячеек, делегаток, работниц, крестьянок, РКСМ и органов профсоюзов в подготовке вечеров и торжественных выпусков обучения грамоте в новых ликпунктах.[2]

Особое место в ликвидации безграмотности занимала ликвидация политической безграмотности, являвшейся наиболее действенным средством подчинения своему политическому руководству остальной беспартийной массы и в то же время лучшим средством борьбы против надвигающейся буржуазной стихии.[3]

Стремясь воспитать в каждом члене партии не только сознательного коммуниста, но и производственника, ячейка тесно связывала свою работу с производственной пропагандой, а также организовывала партийные клубы, где посредством лекций и дискуссий под руководством паркомов, партийная

[1] ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 66. Л. 20.

[2] Там же. Л. 20а.

[3] Известия Донского областного комитета РКП(б). 1921. № 5. Л. 15.

масса могла бы воспитываться, теоретически развиваться, идейно и товарищески сплачиваться.[1]

Важное место занимает ликвидация безграмотности занимала в сельской местности. В 1919 году В.И. Ленин писал, что процесс обучения во всех учебных заведениях на селе непременно должен быть связан работой в сельском хозяйстве, служить внедрению передовых методов производства.[2]

Проблема неграмотности в сельской местности, по мнению М.И. Калинина, способствовала бы ликвидации неграмотности городского населения простым надежным способом, так как пополнение городского населения станет грамотным.[3]

Л.Ю. Полянскова в своем исследовании отмечает важность культпоходов в качестве средства ликвидации безграмотности среди сельского населения.[4]

В октябре 1929 года вышел декрет об организации начального сельскохозяйственного образования в сельских школах. Этот декрет советской власти имеет огромное значение для всех сельских школ. Декрет дает определенное и твердое требование всем учреждениям народного просвещения в течение пяти лет решительно повернуть сельские школы лицом к земле и к колхозам.[5]

Значительные изменения произошли и в сфере высшего образования. По мнению М.В. Коваленко развитие высшего образования в 1920-1930 годы являлось важной частью общественно-политической жизни государства,

---

[1] Известия Донского областного комитета РКП(б). 1921. № 5. Л. 16.

[2] Пионерская правда. 1929. № 393. с. 3.

[3] Калинин М.И. О вопросах социалистической культуры. – М.: Партиздат, 1938. – 120 с. С. 61.

[4] Полянскова Л.Ю. Ликвидация неграмотности в деревне в середине 1920-х годов (на примере Среднего Поволжья) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Спб., 2008. С. 240.

[5] Пионерская правда. 1929. № 393. С .4.

одним из показателей направления и динамики ее развития. Вузы считались очагами науки и культуры.

Интересным считается вопрос об участии партийно-государственных органов и общественных организаций в развитии высшего образования в 1920-1930 гг., а также о результативности этого влияния. В это время высоко оценивалось и пропагандировалось влияние коммунистической партии в создании и работе высших учебных заведений.[1]

Что касается высших учебных заведений Кубани, то в 1921 году начал работу Кубанский государственных университет. В его составе было четыре факультета (естественный, медицинский, социально-исторический и рабочий). Первым ректором стал крупный ученый, историк и палеограф Н.А. Маркс.[2]

Однако в октябре 1921 года в связи недостаточным финансированием был закрыт Кубанский государственный университет, на базе его медицинского факультета образовался медицинский институт. Естественный факультет университета был передан в институт народного образования. Этот вуз открылся 8 сентября 1920 года, а уже в конце 1921 года был преобразован в Краснодарский педагогический институт.[3]

Среди первых высших учебных заведений Кубани можно назвать и Кубанскую консерваторию. Однако в связи с недостаточным

---

[1] Коваленко М.В. Развитие высшего образования на Дону в 1920-1930-е гг.: автореф. дисс… к.и.н. Ростов н/Д., 2009. С. 20-24.

[2] ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 222. Л. 106; Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 19. Л. 212; Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 53. Л. 84; 25 лет Краснодарского государственного педагогического института // Под ред. А.А. Карпенко. Краснодар, 1964.

[3] Там же. Д. 118. Л. 27-28; Там же. Д. 40. Л. 72об; Там же. Д. 923. Л. 86; Куценко И.Я. Революция и культура. Краснодар, 1973. С. 75-78.

финансированием, была введена плата за обучение. Вскоре, консерватория была преобразована в Кубанский музыкальный техникум.[1]

А в марте 1922 года аграрный факультет Кубанского политехнического института преобразовался в самостоятельное учебное заведение – Кубанский сельскохозяйственный институт.[2]

Вскоре был открыт Краснодарский рабочий университет – просветительное учреждение для обучения рабочей аудитории, которая хотела все знать, пусть и в общих чертах, иметь обо всем хотя бы общее представление. Таким образом, Краснодарский рабочий университет являлся не учебным, а агитационно-просветительным учреждением, целью которого было расширение кругозора рабочих. А в 1929 году состоялся первый выпуск Краснодарского рабочего университета – 32 человека.[3]

В 1920 году Донской университет перешел под власть Советского правительства, с этого момента начался советский этап в истории университета. Процессы советизации высшей школы протекали болезненно, университет прошел через несколько этапов реформ и реорганизаций. В 1920 года Высшие женские курсы были объединены с Донским университетом, женский медицинский институт медицинским факультетом университета. 6 августа 1920 года были закрыты историко-филологический и юридический факультеты, а на их базе был создан факультет общественных наук (ФОН) с двумя отделениями: правовым и общественно-педагогическим. 07 сентября 1920 года был учрежден рабочий факультет. 23 июля 1930 г. было принято постановление Центрального исполнительного комитета Союза ССР и Совета народных комиссаров СССР «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов».

---

[1] ГАКК. Ф. Р-1513. Оп. 5. (личный фонд музыковеда А.А. Слепова); Красное знамя. 1921. №344. Л.2.

[2] ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 456. Л. 321.

[3] ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 133. Л. 148; ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 325. Л. 5-16.

Подлежал расформированию и Северо-Кавказский государственный университет. На заседании президиума исполнительного комитета Северо - Кавказского краевого совета депутатов трудящихся 11 мая 1930 г. специально рассматривался вопрос о реорганизации СКГУ. Было принято решение на основе его бывших факультетов образовать новые самостоятельные высшие учебные заведения. Данный реорганизационный процесс проходил достаточно сложно, был сопряжен с целым рядом существенных структурно организационных и содержательных сложностей и занял довольно продолжительный период времени – с осени 1930 г. по январь 1931 г.

В соответствии с положениями изданного 3 июня 1930 г. постановления ВЦИК и СНК РСФСР и основанного на нём специального распоряжения Народного комиссариата просвещения РСФСР, вышедшего 9 сентября 1930 г., на основе выделяемого из СКГУ педагогического факультета образовывался самостоятельный Ростовский-на-Дону педагогический институт (впоследствии переименован в Ростовский-на-Дону государственный педагогический институт, затем – в Ростовский государственный педагогический университет, а после образования Южного федерального университета стал Педагогическим институтом ЮФУ.)

19 сентября 1930 г. специальным распоряжением Народного комиссариата просвещения РСФСР медицинский факультет университета был преобразован в Ростовский-на-Дону медицинский институт (впоследствии – Ростовский-на-Дону государственный медицинский институт, в настоящее время – Ростовский государственный медицинский университет).

Согласно докладу о перспективах Агитпропработы в вузах на зимний период 1924-1925 года,[1] необходимо было уделить сильнейшее внимание преподаванию ленинизма в вузах, на рабфаке в техникумах, для чего усилить

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 12б.

кафедру ленинизма в университете старыми партийными работниками-пропагандистами.[1]

Согласно плану агитпропработы на сентябрь и ноябрь 1924 года, основные задачи работы вузов и рабфаков заключались в следующем:[2] в методическом совещании проработать программы по обществоведению всех вузов; использование ответственных краевых работников для преподавания общественных наук в вузах, заменив ими непригодную профессуру; вопрос о реорганизации студенческих организаций; организации кафедры ленинизма Для расширения вопросов, возникающих в процессе работы университета, при Донском Комитете должны были присутствовать вузовские совещания из представителей коммунистической профессуры и комстуденчества.[3]

Опираясь на Резолюции XI Донской Окружной Партконференции о работе в вузах,[4] необходимо было обеспечить политминимумом технические и специальные высшие школы; в работе вузовских ячеек учесть все возрастающую активность, инициативу работников (профессуры и других групп научных работников), организуя, использовать таковые в деле строительства высшей школы и советского хозяйства; констатируя, что неуспеваемость партийного студенчества из-за перегрузки лишает возможности увеличения кадров коммунистических специалистов и научных работников, необходимо обратить внимание на целесообразную нагрузку партийного студенчества, которая дала бы возможность успешного окончания вузов наряду с сохранением с партийной работой.

Опираясь на протоколы собрания краснодарской группы большевиков, один за современников-педагогов делает выводы о том, что в «красных аудиториях победоносного пролетариата» он получает удовлетворение. «Я

[1] ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 13.

[2] Там же. Л. 4а.

[3] Там же. Л. 13.

[4] Там же.Л. 17.

давал уроки в Екатерининской женской гимназии №2 по приглашению М.Ф. Робинсон и в екатерининском Учительском Институте по приглашению П.Н. Колотинского. Наряду с этим я читал лекции в Кубанском Народном Университете. На всей этой работе в марте 1920 года и застал меня новый приход на Кубань Советской власти. Оказалось, что Советская власть меня знает по моим книгам, рекомендованных всеми красными каталогами Республики для единой Трудовой Школы, для красноармейских школ, для школ партийных».[1]

В.А. Шевченко считает, что 1920-1930 гг. характеризуются введением антирелигиозного воспитания в советской общеобразовательной школе. Учебные программы и учебники были наполнены атеистическими сюжетами, верующих учителей увольняли с работы, в школах были организованы группы юных воинствующих безбожников. В 1929 - 1932 гг. перед советской школой стояла задача формировать атеистический взгляд на мир посредством преподавания естественнонаучных знаний, а также активно вовлекая школьников в борьбу с религией и Церковью.[2] Как отмечалось, «изъятие духовных ценностей, производимое во всей России, лишь недавно докатилось до Кубано-Черноморской области. Изъятие духовных ценностей на Кубани и Черноморье не вызывает нигде ни одного столкновения верующих с советской властью».[3]

Стоит добавить, что в октябре 1929 года в школах была введена шестидневная неделя. Это предоставило возможность учащимся отдыхать, и кроме того, «аннулировало все бытовые и религиозные праздники, которые все еще числились в календаре».[4]

---

[1] ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 17. Л. 27.

[2] Шевченко В.А. Формирование антирелигиозных представлений советской школой. 1927-1932 гг.: автореф. дисс… к.и.н. М., 2007. С. 4.

[3] ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

[4] Екатеринодар-Краснодар. Краснодар, 1993. С. 531.

В 1930 году начали внедрятся созданные методы по искоренению религии[1]. Антирелигиозная деятельность нашла свое отражение не только на уровне общества бежбожников и его «кружков». Вопрос о закрытии церквей рассматривался в 1930 году в бюро Кубанского окружного комитета ВКП(б), а перед этим – в бюро крайкома ВКП(б).[2]

Таким образом, можно сделать вывод о прогрессивных успехах советской власти в области культурно-просветительской работы и ликвидации безграмотности. Несмотря на такие трудности, как недостаточное финансирование, обеспечение соответствующими учебными материалами, нехваткой кадрового состава, отсутствие наработанных методик, к концу 1930-х годов появляются впечатляющие результаты.

Итак, культурно-просветительская и образовательная работа идут параллельно друг с другом и включают в себя политическое, антирелигиозное, коммунистическое образование, направленное на детей и взрослых.

Приход большевиков к власти предполагал большой ряд перемен в обществе, для чего и использовалась агитационно-пропагандистская деятельность. Агитационная работа охватывала все основные сферы: работу в деревне; работу среди детей, молодежи, беспризорников; работу среди женщин; устранение неграмотности городского и сельского населения; культурно-просветительскую работу; работу, направленную на ликвидацию безработицы и т.д.

---

[1] Панарин А.А. Характер взаимоотношений между православной церковью и советским государством в 1920-е гг. (на материалах Кубани) // Гуманитарные и юридические исследования. № 1. 2018. С. 118-124.

[2] ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 661. Л. 41; Там же. Д. 653. Л. 31; ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 178. Л. 15.

В нашем исследовании мы остановились на агитационной работе среди женщин по следующей причине: война унесла огромное количество мужских жизней, количество женщин превышало количество мужчин. Таким образом, именно на женщин возлагалась непосильная задача – поднятие уровня экономики. Однако женщинам решение данной задачи давалось нелегко: им приходилось сочетать функцию деторождения и домашние обязанности, которые никто не отменял, ликвидировать неграмотность, работать, посещать партийные собрания, принимать участие в митингах и демонстрациях. Потому многие мужчины не отпускали своих жен в комсомолки.

Кроме того, мы рассмотрели в исследовании агитационно-пропагандистскую деятельность среди детей и молодежи, поскольку молодое поколение представляет собой кладезь энергии и силы. Именно на молодежь и дете1 обрушилась вся мощь агитации и пропаганды. Большевики использовали различные методы воздействия: детскую периодическую печать, детские и молодежные праздники и недели. Школьникам преподавали предметы коммунистической направленности. Ведь все вышеперечисленное преследовало исключительно одну цель – воспитание новой смены, воспитание коммунистического поколения.

Третий пункт состоял из двух подпунктов: ликвидация неграмотности и культурно-просветительская деятельность. Мы объединили эти направления в связи с тем, что культура и образование идут руку об руку друг с другом. Культурные массовые мероприятия обладали коммунистической направленностью, собственно, как и образование в школах, ликпунктах, техникумах, вузах. Стоит отметить и о антирелигиозном влиянии в учебных заведениях и во время праздников.

Образование столкнулось с рядом трудностей, таких как отсутствие учебных пособий, грамотных методик, опытных специалистов, финансирования. В связи с этим некоторые вузы были реорганизованы и

закрыты. Однако несмотря на вышеуказанные сложности, агитаторы справились со своими задачами в той или иной степени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прежде всего, агитационно-просветительская деятельность на Дону и Кубани в 1920-1930-е годы прошла несколько этапов. Изменение политики прямо зависело от тех глобальных общественно-политических и социально-экономических задач, которые стояли в текущий момент перед советским государством. Рассматриваемый период - период коренного изменения политической системы, слома общества, когда резкие преобразования сформировали принципиальное иную государственность в стране, находящейся в ситуации гражданской войны и на этапе послевоенного восстановления, проведения реформ индустриализации и коллективизации. Для Дона и Кубани сложившиеся условия были отягощены политикой расказачивания, которая означала существенные изменения в общественном сознании местного населения.

Казачье население Дона и Кубани, расколовшееся в годы Гражданской войны, стало предметом особого внимания для органов власти и партийных органов, важнейшей задачей стало формирование положительного отношения к сформировавшейся и победившей власти. Вместе с тем, для Дона в силу сочетания казачьего, сельского населения и наличия значительной части рабочих в большей степени пропаганда и агитация была направлена на формирование пролетарского сознания, соответственно, упор делался именно на рабочий класс. На Кубани, которая сохраняла значительное количество сельского и казачьего населения, использовались иные образы и методы, направленные на пропаганду перехода от единичного к коллективному хозяйству и перспектив советского будущего для сельской местности. В годы Гражданской войны, безусловно, пропаганда носила более четко обозначенный образ врага - «белого казака» - предателя дела Советов, образы братского противостояния красного и белого казака. Мастерски этот образ обоснован в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон», как раз написанного

в период с 1926 по 1932 годы. В 1930-е годы образ казачества как врага советской власти отходит на второй план, агитация и пропаганда направлена на формирование благожелательного отношения к экономическому прорыву, цель которого поставили государственные и партийные органы.

Во-вторых, период 1920-1930-х годов характеризуется активной агитационно-пропагандисткой деятельностью большевиков. Советская власть пришла к выводу, что для эффективной идеологической работы необходимо создание правительственных органов, выполняющих данную функцию. Так, в структуре ЦК РКП(б)в 1920-х годах появляется агитационно-пропагандистский отдел, подразделяющийся на множество подотделов. Идеологическая работа на Дону и Кубани имела ряд особенностей, таких как казачество, крестьянство, многонациональность, сельская местность. Задача большевиков сводилась к получению поддержки от вышеуказанных слоев населения, ликвидации конфликтов.

Для выполнения этой задачи власти наладили технический аппарат Областкома и Откомов, установили вязь с местами, очистить партию от некачественных сотрудников, пополнили партию рабочих путем проведения партийной недели, уделяли внимание женотделам, полностью контролировали печать, устраивали воскресники и субботники.

В начале 1920-х гг. партийные организации Москвы и Петрограда отправляли опытных специалистов для реализации идеологической работы. Однако к концу 1930-х гг. партийные организации Дона и Кубани накопили достаточно опыта для самостоятельной работы.

Агитаторы Дона и Кубани усиливали политвоспительную работу путем привлечения в кружки, дисциплину и активность партийных ячеек, агитационной работы за станком, во время перерывов, на квартире, в личных беседах, в казармах, домах крестьянина.

К концу рассматриваемого периода партия привлекала по большей части опытных работников, приобщенных к практической партийной деятельности.

В-третьих, говоря об экономическом состоянии Дона и Кубани, можно условно выделить два периода: послевоенный, характеризующийся сельскохозяйственным и промышленным кризисом, и период активного восстановления экономики. К концу рассматриваемого периода отмечается рост промышленности, сельского хозяйства, торговли, что доказывают архивные данные.

Отсутствие в стране материальных ценностей, необходимых для восстановления сельского хозяйства и крупной индустрии и улучшения экономического положения рабочих и крестьян влияло на уровень жизни и скорость формирования симпатии населения к советской власти как регионального, так и центрального уровней. Накопление материальных ценностей производилось путем развития производительных сил государственной промышленности, а также развитием частной инициативы. В марте 1921 года принимается решение о принятии нового экономического курса – НЭП, что в корне поменяло хозяйственную жизнь страны: увеличен процент розничной торговли, посевной площади, урожайности, промышленности. Задачей экономико-политической агитации и пропаганды стало возвращение к дореволюционным показателям.

В-четвертых, для достижения своих целей большевики использовали различные виды агитационно-пропагандистской деятельности: массовые мероприятия, наглядную агитацию, устное народное творчество, периодическая печать, театр, радио и кино. Периодическая печать стала мощной и эффективной системой влияния на общественное сознание, она стала орудием идеологического влияния на массы. К агитационно-пропагандистской работе привлекались всевозможные средства: устная и наглядная агитация, театр, радио, кино, фольклор, пресса, массовые мероприятия, включающие в себя праздники, годовщины, субботники, воскресники, митинги и недели. Однако учитывая послевоенное положение в стране, в агитационно-пропагандистской сфере возникали следующие

трудности: нехватка финансирования, нехватка кадрового состава, нехватка накопленных знаний.

Самым доступным и простым средством выступала устная агитация, включающая в себя доклады, выступления, конференции. Ярким представителем наглядной агитации является советский плакат, содержащий запоминающееся изображение и краткий лозунг. Такая форма была доступна для любого человека, в том числе и малограмотного.

Советская идеология пробралась и в творчество жителей. Фольклор Дона и Кубани гласил о подвигах В.И. Ленина, пользе революции, тяжкой дореволюционной жизни, белогвардейских злодеяниях.

В рассматриваемый происходит технический прогресс, что приводит к развитию радио и кино. Уже к концу 1930-х годов многие горожане могли послушать пропагандистскую передачу по радио у себя дома. Изменился и репертуар театра и кино. Буржуазный характер сменился на революционный. Агитационно-пропагандистская деятельность охватила все стороны жизни.

Самыми популярными газетами Дона и Кубани были «Красное знамя», «Трудовой Дон», «Донской пахарь», «Красный студент», «Донская молодежь» и др. В прессе отображались политические события страны, области, агитационные материалы о работе женщин, ликвидации безграмотности, заметки о деревне и т.д. Например, в газетах и журналах активно использовалось местоимение «мы», демонстрируя свою общность с читателями. Таким образом, они явно ассоциировались с «трудящимися» («трудовым народом Советской России») — рабочими и крестьянами, которые «в революционном порыве» вступили «на путь решительной ломки буржуазного порядка, буржуазных отношений».

Не смотря на такие трудности, возникшие в начале 1920-х, такие как недостаточное финансирование, нехватка кадрового состава и опыта печати подобных изданий, количество выпускаемых газет и журналов непрерывно увеличивалось. Самыми известными журналами и газетами можно считать

«Красное знамя», «Трудовой Дон», «Советский Юг», «Горн», «Зори» и другие.

Задачей периодической печати стало доступное донесение агитационной информации каждому человеку. Так, появились газеты и журналы, ориентированные на каждый социальный класс: периодическая печать для крестьян («Спутник селькоров», «Пахарь»), для детей и молодежи («Ленинские внучата») и т.д.

Самым ярким, запоминающимся и доступным для понимания средством агитационно-пропагандистской деятельности стала наглядна агитации, а именно плакат. Плакат преследовал все те же агитационные цели, что и периодическая печать: борьба с голодом, ликвидация безграмотности, агитация среди женщин и т.д.: «Владыкой мира будет труд!», «Знание разорвет цепи рабства».

Особое значение в агитационной работе приобретали массовые мероприятия, такие как праздники, субботники и воскресники, митинги, конференции, вечера воспоминаний, дни, недели или месячники, посвященные тому или иному событию коммунистической направленности. Список праздников был существенно изменен, как и изменен сам облик праздников. Религиозным праздникам, например, Пасхе и Рождеству, поменяли их первоначальные значения – теперь они служили в качестве средства антирелигиозной пропаганды. Праздники сопровождались митингами, демонстрациями, музыкой, театральными постановками. Массовые мероприятия сопровождались оркестрами, демонстрациями и выступлениями, чтобы воздействовать на эмоциональную сферу человека.

Аналогично праздновались и так называемые «недели»: устраивались митинги, демонстрации, а также проводились лекции, вечера тематические недели.

В-пятых, агитационно-пропагандистская работа была направлена преимущественно на три основные категории населения: дети и молодежь,

женщины и неграмотное население. Коммунистическое воспитание молодежи являлось важнейшим условием повышения производительности труда, успеха индустриального преобразования страны. Детей энергично вовлекали в молодежные организации: в коммунистические молодежные группы, в ряды юных пионеров. Молодому поколению были посвящены газеты и журналы, недели, молодежь привлекалась для участия во всех коммунистических массовых мероприятиях. Агитационная работа среди женщин призывала к труду и активному участию в жизни коммунистического общества. Роль женщины не была ограничена воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства: с установлением СССР женщине приходилось совмещать домашние обязанности и труд во благо страны: участие в митингах, конференциях, получение образования. Необходимо отметить, что не все женщины или их мужья положительно оценивали такие трансформации, пропаганда была направлена на борьбу и с этим проявлениями также.

В-шестых, в начале 1920-х гг. значительная роль отводилась помощи из центра. Обученных агитаторов и пропагандистов партийные организации Москвы и Петрограда направляли в южные регионы страны для работы на местах. При этом использовались все известные методы ведения пропаганды и агитации - устная пропаганда, пропаганда через СМИ и наглядная агитация.

Что касается агитационно-пропагандистской деятельности, направленной на культурное просвещение и ликвидацию безграмотности, большевики настаивали на массовом образовании всего населения. Для осуществления этих целей были созданы библиотеки, избы-читальни, библиотеки-передвижки, школы политграмотности. Образование носило антирелигиозный, коммунистических характер.

Еще во время Гражданской войны большевики приступили к осуществлению активной агитационно-пропагандистской деятельности.

Именно посредством агитации и пропаганды они планировали преодолеть политические и военные конфликты, а также перейти к новому этапу социально-политического развития страны. Опираясь на экономическую и политическую обстановку в стране, и в частности на Дону и Кубани, большевики выделили следующий круг приоритетных задач: сознательная организация трудящихся, сплочение пролетариата в активные боевые организации, увеличение авторитета партии среди лояльной части казачества, а также ликвидация повстанческого движения.

Так, в 1920-х начал работу отдел агитационно- пропагандистской работы (Агитпропотдел), включающий в себя сотни подотделов, таких как женотдел, отдел ликбеза и другие. Основной целью отдела приято считать удержание диктатуры пролетариата. Уже к 1928 г. окончательно были сформированы агитпропорганизаторы и агитпропкомиссии, отвечающие за все разновидности агитпропработы и включающие в себя практически половину трудящихся населения и большую часть крестьян. 10=930-е годы отличались последовательностью проведения агитационно-пропагандистской деятельности.

В целом, именно агитационно-пропагандистская деятельность органов власти на Дону и Кубани в 1920-1930-х гг. способствовала снижению социального напряжения и облегчению восприятием различными категориями регионального общества радикальных реформ советской власти и новой политической системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

I. Неопубликованные источники

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО):

1. Ф. 1 (Рост. (с) обком КПСС). Оп. 1.

Д. 13 (Протоколы № 21, 29-33, 37 Донского областного комитета РКП(б). Л. 1.

2. Ф. 4. Донской обком РКП(б). Оп. 1.

Д. 61а. Протоколы Краевого объединенного совещания заведующих обл. и губ. Отделами по работе в деревне и отделами работниц. Совещания заведующих организационно-инструкторскими отделами областных и губернских комитетов РКП(б) Кавказа и Дона.

Д. 66. Материалы четвертой Донской областной партийной конференции: материалы к докладам партийной конференции; тезисы доклада Муролова «Современная экономическая политика и задачи промышленности в Донской области»; доклады Подгорного и Зорина «Об организационном вопросе»; работа четвертой Донской партийной конференции в освещении газеты «Трудовой Дон»).

Д. 171. В.И. Ленин и крестьянство. Тезисы к докладам на беспартийных крестьянских конференциях; письма ЦК РКП(б) об уполномоченных контрольных комиссией на местах; о работе ударной ячейки фабрики им. Розы Люксембург). Л. 25, 50-52.

Д. 192 (Извещение о смерти В.И. Ленина. Тезисы доклада о валютной реформе. Очередные задачи экономической политики в деревне. Запросы об отдельных коммунистах.

3. Ф. 5. Дон. окружком ВКП(б). Оп. 1.

Д. 11. Протоколы заседаний оргкомитета 7 - 16 сентября 1924 г.

Д. 13. Агитационно-пропагандистский отдел. Протоколы заседаний коллегии агитропа; окружного совещания заведующих агитропами, совещания по делам ВУЗов.

Д. 22. Резолюции 11-й Донской окружной партконференции.

Д. 25. Протоколы № 9-52, 1-12 заседания бюро Донкома РКП(б).

Д. 33. Тезисы о работе прокурорского надзора в деревне. Доклады о результатах перевыборов и довыборов сельсоветов, об организации сельского хозяйства.

Д. 34. Агитационно-пропагандистский отдел. Протоколы заседаний агитропколлегии. Протокол заседания комиссии Донженотдела.

Д. 35. Стенограмма второй окружной конференции крестьянок Донского округа. Доклад и заключительное слово Микояна.

Д. 78. Протоколы общегородского совещания совместно с райзавженотделами и руководителями семинарий; заседания бюро самообразования при Донкоме ВКП(б), о печатных газетах предприятий, заседаний коллегии отдела работниц Донкома, вузовского совещания при агитропотделе.

Д. 91. Тезисы доклада на седьмой партконференции Донского округа. Об очередных задачах хозяйственного строительства Донского округа.

Д. 97. Решения восьмой Донской окружной конференции ВКП(б).

4. Ф. 6. 1-й Донской окружком РКП(б). Оп. 1.

Д. 33. Протоколы расширенного заседания РКП(б). информационный доклад о работе ячеек, среди молодежи, тезисы о работе в деревне, о международном положении, едином сельхозналоге, образовании в первом Донском округе.

5. Ф. 7. Северо-Кавказский крайком ВКП(б). Оп. 1.

Д. 21. Протоколы заседаний бюро краевого комитета РКП(б) №39-44.

Д. 99. Протокол № 57 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б).

Д. 236. Протокол №11 заседания бюро Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б).

Государственный архив Ростовской области (ГАРО):

6. Ф.Р-88. Издательство «Советский Юг»). Оп. 1.

Д. 34. Издательство газеты «Советский Юг». Февраль 1922-август 1924 гг.

7. Ф.Р-89. Объединение издательств «Трудовой Дон» и «Советский Юг» Северо-Кавказского краевого акционерного общества издательского и печатного дела (Севкавиздат). Оп. 1.

Д. 144. Копия приказа по изданию газеты «Советский пахарь» от 22.12.1924 г. о проверке отчетных документов. Издательство «Трудовой Дон» исполкома Донской области совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов.

8. Ф.Р-206. Ростовская-на-Дону коммерческая объединенная артель ответственного труда. Оп. 1.

Д. 5. Опись архива Ростовской-на-Дону коммерческой объединенной артели ответственного труда.

9. Ф.Р-1485. Исполнительный комитет Азово-Черноморского краевого Совета депутатов трудящихся (Азчеркрайисполком). Оп. 1.

Д. 34. Справки и удостоверения членов и кандидатов в члены Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета.

3. Государственный архив Краснодарского Края (ГАКК):

10. Ф.Р-102. Кубано-Черноморский областной отдел управления исполнительного комитета Кубано-Черноморского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Оп. 1.

Д. 118. Постановления и протоколы заседаний второго и пятого областного съезда советов Кубанского комитета и экономических совещаний. Л. 27-28.

Д. 348. Протоколы заседаний президиума областного совета народного хозяйства.

Д. 370. Доклад о деятельности отдельских отделов управления.

11.Ф.Р-143. Кубано-Черноморский областной совет народного хозяйства исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного совета рабочих, красноармейских, крестьянских, казачьих и горских депутатов. Оп. 3.

Д. 361. Копии протоколов заседаний тарифно-расценочной комиссии и списки сотрудников типографии.

12. Ф.Р-158. Кубано-Черноморский областной революционный комитет). Оп. 1.

Д. 6 . Постановления областного ревкома.

Д. 19. Постановления и протоколы заседаний областного отдела народного образования.

Д. 53. Протоколы заседаний областного ревкома.

13. Ф.Р-365. Кубано-Черноморский областной отдел народного образования исполнительного комитета Кубано-Черноморского областного отдела рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Оп. 1.

Д. 40. Копии протоколов заседаний президиума Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета 29 марта-31 мая 1921г.

Д. 222. Копии протоколов заседаний президиума Кубано-Черноморского областного исполнительного комитета 8 августа-30 декабря 1921 г.

Д. 923. Копия протокола заседания комиссии по ликвидации Кубанского государственного университета.

14. Ф. Р-411. Коллекция документов по истории революционного движения и гражданской войны на Кубани и Черноморье. Оп. 2.

Д. 16. Протокол совещания старых членов партии большевиков об итогах работы Кубанского окружного истпарта, архивного бюро и музея Октябрьской революции. Переписка с гражданами о выдаче архивных справок.

Д. 17. Протоколы собрания краснодарской группы большевиков.

Д. 104. Статьи и заметки с материалами о праздновании 1 мая в станицах Кубанского округа.

Д. 165. Статьи, заметки, стихотворения, воспоминания о В.И. Ленине и революции 1905 года.

Д. 179. Стенограммы вечеров воспоминаний об обороне Екатеринодара от корниловских войск и работе подпольных большевистских организаций в 1918-1920-х годах.

15. Ф.Р-59. Краснодарское отдельское земельное управление исполнительного комитета Краснодарского отдельского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Оп. 1.

Д. 120. Инструкции и копии инструкций о правах и обязанностях сотрудников земельного отдела об упорядочении пользования сенокосами. Копии протоколов съезда сельскохозяйственных коммун и артелей.

16. Ф. Р-890. Кубанский окружной отдел народного образования исполнительного комитета кубанского окружного совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Оп. 1.

Д. 133. Отчеты о состоянии дела народного образования в Кубанском округе за 1927-1928 г.

Д. 178. Доклад комиссии по обследованию работы Окружного и районных отделов народного образования, проекты и сметы по школьному строительству и земельных предприятий.

Д. 456. Копии распоряжений, инструкций, протоколов заседаний Народного Комиссариата просвещения и Краевого отдела социального образования.

17. Ф. Р-1513. Коллекция документов композиторов Кубани). Оп. 5.

18. Ф.Р-1547. Коллекция документов по истории Кубани, собранная краеведом Мироновым Палладием Васильевичем. Оп. 1.

Д. 46. Материалы по благоустройству Краснодара (торговля, общественное питание, рынки, материалы о канализации и водоснабжении и др.

Д. 47. Материалы по водоснабжению и благоустройству Краснодара (вырезки из газет, доклады о делах Думы и др.

Д. 56. Материалы о развитии местной промышленности (спиртзавод, маслозавод, мясокомбинат и др.

Д. 114. Отдельные документы по статистике населения, земельных угодий, строений Кубано-Черноморской области.

4. Центр документации новейшей истории Краснодарского Края (ЦДНИКК):

19. Ф. 1. Кубано-Черноморский областной комитет РКП (б). Оп. 1.

Д. 1. Директивные указания Областкома РКП(б).

Д. 11. Отчет женотдела о работе среди женщин.

Д. 13. Протоколы заседания коллегии агитропа областкома РКП(б).

Д. 16. Протоколы заседаний комиссии при областкоме по проведению октябрьских торжеств.

Д. 29. Отчеты женотдела о работе среди женщин в деревне.

Д. 66. План организации в области празднования годовщины Великого Октября.

Д. 67. План организации Кубанского областного политико-просветительного отдела.

Д. 69. Доклад завженотделом Западных народов о деятельности «Кубанской рабочей просвиты» и ее печатные издания.

Д. 70. Доклады, отчеты, сводки партийных комитетов о проведении «Недели борьбы с Врангелем».

Д. 71. Протоколы, резолюции митингов, собраний, прошедших в области во время «Недели борьбы с Врангелем».

Д. 72. Листовки, призывы, объявления по проведению «Недели борьбы с Врангелем».

Д. 74. Доклады о работе женотдела, протоколы женских собраний, список делегаток областных конференций.

20.Ф. 8. Кубанский окружной комитет ВКП(б). Оп. 1.

Д. 325. Отчет о работе Кубокрсекции научных работников при союзе Рабпрос.

Д. 653. Протоколы заседаний бюро Кубокружкома ВКП(б).

Д. 661. Протоколы заседания секретариата окружного комитета ВКП(б).

21. Ф. 1771. Кавказский отделком РКП(б). Оп. 1.

Д. 1. Директивы отделкома РКП(б) по культурно-просветительской работе, работе профсоюзов, борьбе с дезертирством.

Д. 240. Протоколы собраний комячейки сельхозобъединения «Свободный труд»).

Д. 298. Протоколы заседаний агиткомиссии.

Д. 117. Директивные письма райпарткомам и комячейкам по вопросам партийной работы.

Д. 216. Директивные письма райпарткомам и комячейкам по вопросам проведения агитмассовой работы.

Д. 385. Протоколы заседаний организаторов по работе среди женщин, собрания делегаток и отчеты о работе женорганизатора села Гулькевичи.

22. Ф. 1992. Кубано-Черноморский областком РКСМ. Оп. 1.

Д. 13. Директивные указания ЦК РКСМ и крайкома по вопросам работы среди призывников, работы клубов и участие комсомольцев в сельскохозяйственной кампании.

Д. 14. Директивные указания бюро юго-востока, тезисы и планы работ по вопросам агитмассовой и политико-просветительской работы.

Д. 42. Директивные указания ЦК и обкома РКСМ по вопросам проведения революционных праздников, работы среди юных пионеров и политпросветительской работы, список секретных отделкомов.

Д. 56. Протокол областного совещания заведующих политико-просветительными отделами и райкомов РКСМ и материалы к нему.

Д. 65. Директивные письма отделкомов РКСМ по агитационно-массовой и политико-просветительской работы.

23. Ф. 2816. Майкопский окружной комитет ВКП(б). Оп. 1.

Д. 41. Директивные указания агитпропа.

Д. 359. Выводы и предложения о постановке работы апоргов и агитпроп комиссии в округе.

II. Опубликованные источники:

Документы государственных органов власти:

1. Декреты советской власти. В 12 т. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 10. – 480 с. С. 99–104; Т. 11. – 512 с.

2. Культурное строительство на Кубани (1918–1941 гг.): Сб. документов / Науч. ред. И.Я. Куценко. – Краснодар: Кубанское кн. изд-во, 1998. – 220 с.

3. Наркомпрос РСФСР. Об участии политико-просветительных учреждений в завершении ликвидации неграмотности и обучения малограмотных. – М.: Учпедгиз, 1941. – 24 с.

4. Съезды Советов в документах. 1917–1936. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1959. – 480 с.

Документы и материалы политических партий и общественных организаций

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 2. – М.: Политиздат, 1990. – 560 с.

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Госполитиздат, 1953. – 620 с.

2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 2. – 580 с.

3. Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). – М.: Госполитиздат, 1947. – 320 с.

4. Резолюция XI Донской окружной партконференции «По работе среди работниц, батрачек, крестьянок и казачек». – Ростов н/Д.: Изд-во СКК ВКП(б), 1928. – 36 с.

Произведения идеологов политических партий и общественных организаций

5. Морозов-Вронцов Н. Как ставить работу кружка агитаторов // Спутник агитатора. 1925. № 15. С. 42-46.

6. Калинин М.И. О вопросах социалистической культуры. – М.: Партиздат, 1938. – 120 с.

7. Калинин М.И. О некоторых вопросах агитации и пропаганды. – М.: Партиздат, 1938. – 96 с.

8. Коллонтай А.М. Труд женщины в эволюции народного хозяйства. М., 1923.

9. Крупская Н.К. Заметки о букваре // Крупская Н.К. Собр. соч. в 10 т. – М.: АПН РСФСР, 1959. – Т. 9. – 480 с. С. 358.

10. Крупская Н.К. Кружковые занятия // Крупская Н.К. Собр. соч. в 10 т. – М.: АПН РСФСР, 1959. – Т. 9. – 480 с. С. 55–57.

11. Крупская Н.К. О кружковой работе // Крупская Н.К. Собр. соч. в 10 т. – М.: АПН РСФСР, 1959. – Т. 9. – 480 с. С. 653–656.

12. Крупская Н.К. Организация самообразования // Крупская Н.К. Собр. соч. в 10 т. – М.: АПН РСФСР, 1959. – Т. 9. – 480 с. С. 58–86.

13. Крупская Н.К. Основные вопросы самообразования // Крупская Н.К. Собр. соч. в 10 т. – М.: АПН РСФСР, 1959. – Т. 9. – 480 с. С. 22.

14. Крупская Н.К. Педагогические сочинения в 10 т. – М.: АПН РСФСР, 1959. – Т. 7. – 520 с.; 1960. – Т. 8. – 540 с.

15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М.: Политиздат, 1964. – Т. 41. – 640 с.

16. Луначарский А.В. Агитация и искусство // Луначарский А.В. Полн. собр. соч. в 8 т. – М.: Художественная литература, 1997. – Т. 7. – 480 с. С. 356–358.

17. Луначарский А.В. О быте. – М.: Госиздат, 1926. – 80 с.

Выступления и речи лидеров политических партий и государственных и общественных деятелей

18. Адам И. Из опыта работы семинара пропагандистов // Пропагандист. 1936. № 20. С. 99-103.

19. Крупская Н.К. Еще раз о ликвидации неграмотности (выступление на Всесоюзном методическом совещании по ликвидации неграмотности и малограмотности) // Крупская Н.К. Собр. соч. в 10 т. – М.: АПН РСФСР, 1959. – Т. 9. – 480 с. С. 209–214.

20. Крупская Н.К. Место ликвидации безграмотности в политпросветработе (из доклада на II Всероссийском съезде по ликвидации безграмотности) // Крупская Н.К. Собр. соч. в 10 т. – М.: АПН РСФСР, 1959. – Т. 9. – 480 с. С. 138–141.

21. Крупская Н.К. Необходимо немедля браться за учебу (выступление на совещании ликвидаторов неграмотности) // Крупская Н.К. Собр. соч. в 10 т. – М.: АПН РСФСР, 1959. – Т. 9. – 480 с. С. 19–22.

22. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 44. – 620 с. С. 174, 390.

23. Ленин В.И. К женщинам-работницам // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 25. – 580 с. С. 41.

24. Ленин В.И. Речь на митинге в Народном доме в Петрограде. 13 марта 1919 г.: Газетный отчет // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 38. – 580 с. С. 33–38.

Периодическая печать

1. Агит-Дон-Кав-Роста. 1920. № 1.

2. Большевистская смена. 1926. № 37.

3. Голос рабочего. 1924. № 1.

4. Голос труда. 1918. № 1.

5. Горн. 1926. № 1.

6. Дон-Кав-Роста. 1920. № 1.

7. Зори. 1920. № 1.

8. Известия Донкома Российской Коммунистической Партии (большевиков). 1921. № 5.

9. Известия Донского областного комитета РКП(б). 1921. № 5.

10. Красное знамя 1921 г.: № 226; № 229; № 271; № 311; № 344; № 355; № 365; № 366; № 367; № 368.; 1922 г.: № 560; № 655; № 667; 1923 г.; № 710; № 867; № 900; № 958.

11. Крестьянка. 1930. № 24.

12. Куб-Чер-Рост. 1921. № 10.

13. Лава. 1926. № 1, 2.

14. Молот. 1929. № 2380; № 2381; № 2382; № 2483.

15. Ленинские внучата. 1924. № 3.

16. Пионерская правда. 1928. № 186; 1929. № 393.

17. Приазовский пролетарий. 1936. № 152.

18. Работница. 1923 г. № 5.

19. Советский Юг. 1925 г.: № 1320; № 1330; № 1372; № 1483; № 1490; 1926 г.: № 1603; № 1604; № 1615; № 1696.; 1929. № 2813.

Агитационно-пропагандистские материалы

20. Агитмассовое искусство Советской России. Материалы и документы: Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918–1932. В 2 т. / Под ред. В.П. Толстого. – М.: Искусство, 2002. – Т. 1. – 320 с.; Т. 2. – 298 с.

21. В тисках идеологии. Антология литературно-политических документов (1917–1927). – М.: РОССПЭН, 1992. – 240 с.

22. Русский плакат избранное, [альбом / сост.: Снопков Александр Ефимович и др.; авт. текста Толстая Татьяна Никитична]. — Москва : Контакт-Культура, 2006. — 158 с.

23. Русский революционный плакат [Текст] / Вячеслав Полонский. — Москва : Гос. изд-во, 1925. — 192 с.

24. Скрипиль Мих., Цехновицер Орест. В. И. Ленин в поэзии рабочих : (Сборник литературно-художественных материалов для рабочих клубов) / Сост. Мих. Скрипиль и Орест Цехновицер ; Под ред. А. Г. Тарасова ; Ленингр. губполитпросвет. - Ленинград : Изд-во Кн. сектора Губоно, 1925. - 108 с.

25. Снопков А.Е., Снопков П.А., Шклярук А.Ф. 600 плакатов СССР. М., 2004. 192 с.

26. Фольклор Дона и Кубани [Текст]. - Ростов н/Д : Ростовское обл. кн-во, 1938-1941. - 2 т.

27. Херсонская Е. Наглядные пособия при докладах и речах // Спутник агитатора. 1925. № 15. С. 38-42.

28. Шолохов М.А. Тихий Дон. - М.: Эксмо, 2024. в 2 т.

Литература:

1. Айвазова, Сю.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия [Текст] : Очерки полит. теории и истории. Докум. материалы / С. Айвазова. - Москва : РИК Русанова, 1998. - 405 с.

2. Аронсон Э., Пратканис Э. Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации [Электронный ресурс] [Текст] : коллективная монография. - 2-е издание, стереотипное. - Москва : Издательство «ФЛИНТА», 2016. - 245 с.

3. Алмазов М.Г., Андреев Д.А., Барабанова М.А., Белоусова О.В., Денисова Г.В., Стебловская С.Б. От панегирика до диффамации: политический язык советской пропаганды в 1920-1930-х гг. в периодике // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. М., 2024. С. 110-125.

4. Андреев А.А. Теледебаты: момент истины или манипулирование общественным мнением? // ВМУ. Серия. 10. Журналистика. 2002. № 5. С. 98-108.

5. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. - 345 с.

6. Баранов А.В. Советская пропаганда на Юге России в 1920–1930-е гг.: механизмы и эффективность. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. – 312 с.

7. Баранов, А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921-1929 гг.) / А. В. Баранов; Гос. ком. РФ по высш. образованию. С.-Петерб. гос. техн. ун-т. - СПб. : Нестор, 1996. - 353 с.

8. Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. — М.: Аграф, 2001. — 432 с.

9. Березин В.М. Политическая коммуникация в современных российских СМИ // Вестник московского университета (ВМУ). Серия 10. Журналистика. 2003. № 1. С. 101-118.

10. Беспалов А.Г. Военный коммунизм как система: экономика и протестные движения. — СПб.: Нестор-История, 2019. — 368 с.

11. Беспалов А.Г. Налоговая политика 1920-х годов и её восприятие крестьянскими хозяйствами // Крестьянский протест в Советской России: 1918–1929 / сост. В.П. Данилов. – М.: РОССПЭН, 2020. – 428 с.

12. Беспалов А.Г. Наш край [Текст] : Документы по истории Донской области. - [Ростов н/Д] : [Кн. изд-во], [1963-1968]. - 2 т.

13. Беспалов А.Г. Экономические предпосылки перехода к НЭПу // Вопросы истории. — 2020. — № 3. — 34-52 с. С. 38-41.

14. Беспалов А.Г., Холодный М.А. Кризис 1921 года: от военного коммунизма к НЭПу. — М.: ИРИ РАН, 2021. — 280 с.

15. Билим Н.Н. Пропаганда как форма воспитания советской молодежи в 1920-1930-е гг. (по материалам Дальневосточного края) // Scientific journal. 2015. №8. С. 141-143.

16. Борева М. Организация вечеров «вопросов и ответов» на предприятиях // Спутник агитатора. 1925. № 11. С. 41-45.

17. Борисенок Е.Ю. Крестьянство и власть: восприятие советской агитации в 1920–1930-е гг. – М.: РОССПЭН, 2018. – 280 с.

18. Бородина А.В., Бородин Д.Ю. Баба или товарищ? Идеал новой советской женщины в 20-х — 30-х гг. // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь, 2000. С. 45—51.

19. Бугай Н.Ф. От ревкомов к Советам в Донской области. Ростов н/Д., 2009.

20. Бугай Н.Ф. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. 1917-1921. Москва : Наука, 1979. - 235 с.

21. Бугай Н.Ф. Чрезвычайные органы советской власти: ревкомы, 1918-1921. / Н. Ф. Бугай; Отв. ред. Е. Г. Гимпельсон; АН СССР, Ин-т истории СССР. - Москва : Наука, 1990. - 318,[2] с.

22. Булавка Л.А. Феномен советской культуры / Л.А. Булавка. - Москва : Культурная революция, 2008. - 288 с.

23. Булдаков В.П. Гражданская война и проза 1920-х годов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. №5(25) С. 113-122.

24. Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики : (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.) : монография / [Касьянов Валерий Васильевич, Баранов Андрей Владимирович, Ишин Андрей Вячеславович, Рожков Александр Юрьевич] ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. - Краснодар : Кубанский государственный университет, 2021. - 248 с.

25. Войтасик Л. Психология политической пропаганды / Леслав Войтасик; Пер. с польского В. Н. Поруса. - Москва : Прогресс, 1981. - 278 с.

26. Волошко Т. Памятный двадцатый год [Текст] : Борьба большевистских ком. за советизацию Кубано-Черномор. обл. в 1920 г. - Краснодар : Кн. изд-во, 1964. - 67 с.

27. Герандоков М.Х., Герандокова В.З. Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность / М.Г. Герандоков, В.З. Герандокова ; Ин-т гуманитар. исслед. Правительства КБР и КБНЦ РАН. - Нальчик : ИЦ Эль-Фа, 2003 (Респ. полиграфкомбинат им. революции 1905 г.). - 198, [3] с.

28. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917-1920 гг.). - М.: Институт российской истории РАН, 1998. - 230 с.

29. Городецкий Б.М. Периодика Кубанско-Черноморского края. 1863-1925 [Текст] : [библиографический справочник] / Б. М. Городецкий ; [предисл. Ю. В. Лучинского]. - Репр. изд. - Краснодар : Традиция, 2010. - 140, [1] с.

30. Горяева Т.М. Радио России : политический контроль советского радиовещания в 1920-1930-х годах : документированная история : [18+] / Татьяна Горяева. - Москва : РОССПЭН ; Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. - 156, [2] с.

31. Градскова Ю. «Обычная» советская женщина - обзор описаний идентичности / Юля Градскова. - Москва : Компания Спутник+, 1999. - 158 с.;

32. Гражданская война, 1918-1921 [Текст] : в трех томах / под общ ред. А. С. Бубнова, С. С. Каменева и Р. П. Эйдемана. Военное искусство Красной армии [Текст]. — Москва : Военный вестник, 1928-1930, 1928. — 418 с

33. Грачев, Георгий Васильевич. Манипулирование личностью : Орг., способы и технологии информац.-психол. воздействия / Георгий Грачев, Игорь Мельник. — 2. изд., испр. и доп. — Москва : Алгоритм, 2002. — 284, [1] с

34. Грушин Б.А. Массовое сознание [Текст] : опыт определения и проблемы исследования / Б. А. Грушин. - Москва : Политиздат, 1987. - 367, [1] с.

35. Грушин Б.А. Эффективность массовой информации и пропаганды: понятие и проблемы измерения [Текст]. - Москва : Знание, 1979. - 64 с. :

36. Гуревич П.С. Пропаганда в идеологической борьбе : [Учеб. пособие для вузов] / П. С. Гуревич. - Москва : Высш. шк., 1987. - 262,[1] с.

37. Гуревич П.С. .Советское радиовещание [Текст] : Страницы истории / П. С. Гуревич, В. Н. Ружников. - Москва : Искусство, 1976. - 382 с.

38. Данилов А.Г. Интеллигенция Юга России в конце XIX-начале XX века : [Монография] / А. Г. Данилов; Рост. гос. ун-т. - Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2000. - 358 с.

39. Девятая международная детская неделя. М.: Молодая гвардия, 1929. 64 с.

40. Доброхотов В.Я. Разработка В. И. Лениным научных основ партийной пропаганды / В. Я. Доброхотов. - Москва : Высш. школа, 1980. - 263 с.

41. Доценко Е.Л. Психология манипуляции : Феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. - Москва : ТОО "ЧеРо" : Изд-во МГУ, 1996. - 342,[1] с.

42. Дулимов Е.И. Государство и донское казачество : Учеб. пособие по спецкурсу / Е.И. Дулимов, С.А. Кислицын; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Сев.-Кавказ. акад. гос. службы. — Москва : Изд-во РАГС, 2000. — 271 с.

43. Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли: 5 т. М., 1997.

44. Еремеева А.Н. Между прошлым и будущим [Текст] : (художественная жизнь Кубани в годы революции и гражд. войны, 1917-1920 гг.) / А. Н. Еремеева ; Санкт-Петербургский гос. техн. ун-т. - Санкт-Петербург : Изд. координац. группа "Нестор", 1996. - 152 с.

45. Засорин Т.Д., Тамбиянц Ю.Г. Адаптация промышленности и торговли к новым экономическим условиям в период НЭПа // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. - М.: РОССПЭН, 2018. - Т. 5. - 480 с.

46. Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации [Текст] / О. М. Здравомыслова. - Москва : УРСС, 2003. - 150 с.

47. Золотухин В.А. Исследование советского киноплаката / Валерий Александрович Золотухин // Советская визуальная пропаганда: 1920-1950-е годы / Под ред. Е.В. Бархатовой. - М.: Контакт-Культура, 2017. - 320 с.

48. Золотухин В.А. Анализ цветовой семиотики в пропаганде / Валерий Александрович Золотухин // Визуальные коммуникации в тоталитарном обществе. - СПб.: Европейский университет, 2019. - 216 с.

49. Иванов В.М. Партийная пропаганда в годы социалистического строительства (1921–1937). – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1985. – 224 с.

50. История Дона от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней [Текст] / Рост. н/Д ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т ; [Отв. ред. В. И. Кузнецов]. - Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1967. - 356 с.

51. Кабанова О.И. Изучение фотопропаганды 1930-х / Ольга Игоревна Кабанова // Фотография и власть: советский опыт. - М.: РОССПЭН, 2015. - 288 с. - С. 56-89.

52. Кабанова О.И. Анализ постановочных фотосессий / Ольга Игоревна Кабанова // Визуальная антропология сталинской эпохи. - М.: Новое литературное обозрение, 2020. - 432 с. - С. 210-245.

53. Кабацков А.Н. Повседневная жизнь населения России в период революции и Гражданской войны (1917-1922 гг.). — М.: РОССПЭН, 2014. — 303 с.

54. Калинин М.И. О коммунистическом воспитании: Избранные речи и статьи. – М.: Политиздат, 1958. – 367 с.

55. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2004. 832 с.

56. Кара-Мурза С.Г. Краткий курс манипуляции сознанием. - Москва : ЭКСМО : Алгоритм, 2003. - 443,[1] с.

57. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием: светлый миф о частной собственности // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 3. С. 23-37.

58. Киселева Т.Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: опыт исторического анализа : Лекция / Т. Г. Киселева; Моск. гос. ун-т культуры. - Москва : МГУК, 1995. - 37 с.

59. Кислицын, С.А., Кислицына, И.Г. История Ростовской области (от Земли Войска Донского до наших дней) [Текст] : [учебное пособие] / С. А. Кислицын, И. Г. Кислицына ; Южно-Российский ин-т - фил. Российской акад. народного хоз-ва и Гос. службы при Президенте Российской Федерации. - Изд. 2-е, испр. и доп. - Ростов-на-Дону : Ростовкнига, 2012. - 415 с.;

60. Кислицын С.А., Матвеев О.В. Кубань в эпоху советской модернизации (1920–1930-е годы). – Краснодар: Традиция, 2020. – 400 с.

61. Клибанов А.И. Религиозное сектантство и современность. - М.: Наука, 1969. - 272 с.

62. Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1995. – 248 с.

63. Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории / Наталья Козлова. — Москва : Европа, 2005. — 526, [1] с.

64. Колосов А. Агитация и пропаганда в деревне. – М.: Госиздат, 1925. – 145 с.

65. Колотинский, П. Н. 25 лет Краснодарского государственного педагогического института [Текст] : (1920-1945) / проф. П. Н. Колотинский, проф. П. А. Роговской, доц. Н. П. Марков ; Под ред. А. А. Карпенко. - [Краснодар] : Краснодарское краев. книгоизд-во, 1946 (Армавир. тип.). - 44 с

66. Кондаков А. Разгром десантов Врангеля на Кубани [Текст]. — Краснодар : Кн. изд-во, 1960. — 109 с.

67. Кононенко В.М. Российские ученые в условиях социально-политических трансформаций XX века. СПб.: Нестор, 2006. - 186 с.

68. Клопихина В.С. Формирование система истпарта на Северном Кавказе в 1920-1928 гг. // Вестник Ставропольского государственного университета. Ставрополь, 2011. С. 43-44.

69. Козлов Ф.Н. «Женский вопрос» как элемент социальной политики советского государства в 1920-е – первой половине 1930-х годов (в контексте государственно-церковных отношений в национальных регионах Среднего Поволжья) // Вестник Чувашского университета. 2013. №4. С. 29-37.

70. Коробов А.А., Серебряков С.А. Документальное кино как средство политической пропаганды: классические и инновационные подходы в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. № 2. 2019. С. 214-217.

71. Корчагина С.И., Черепухина В.С., Чернявская Е.Н. Социально-экономическое развитие СССР в 1920-1930 годы XX века // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. № 9. 2021. С. 55-64.

72. Кривко Я.П., Гончаров М.А. Особенности трансформации рождественских детских праздников в праздник новогодней елки на страницах периодической печати первой трети XX века // Наука и школа. 2023. №4. С. 151-161.

73. Крысько В.Г. Секреты психологической войны : (Цели, задачи, методы, формы, опыт) / Владимир Крысько; Под общ. ред. А. Е. Тараса. - Минск : Харвест, 1999. - 446, [1] с.

74. Куманев В.А. Революция и просвещение масс. — М.: Наука, 1973. — 320 с.

75. Куманев В.А. Социализм и всенародная грамотность. — М.: Просвещение, 1967. — 280 с.

76. Куманев В.А. Партийное руководство культурным строительством в СССР. — М.: Мысль, 1980. — 400 с.

77. Куценко И.Я. Революция и культура [Текст] : Очерк истории борьбы парт. организаций Сев. Кавказа за осуществление культ. революции в 1918-1932 гг. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Гл. упр. политехн. машиностроит. и энерг. вузов. Краснодар. политехн. ин-т. - Краснодар : Кн. изд-во, 1973. - 245 с.

78. Ламосова Н.В. Общественно-политические и литературно-художественные журналы Дона и Кубани 1920-х – начала 1930-х годов: типология изданий // Культурная жизнь Юга. 2010. № 2. С. 48-49.

79. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930-е годы. — СПб.: Нева, 1999. — 320 с.

80. Лежень Е.Е. Плакат как средство политической агитации в 1917-1930-е годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. №3. С. 122-124.

81. Ленивихина Н.О. Партийное руководство «женской активностью» в 20-е гг. XX в. (на примере Нижневолжского региона) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. №5(100). С. 287-194.

82. Липович И. Шире развернуть агитационно-массовую работу // Пропагандист и агитатор Рабочей Крестьянской Красной Армии (РККА). 1938. № 36. С. 17-21.

83. Малаховский Е.И. Нахичеванские храмы // Донской временник. 1999.

84. Мальцев К. Групповая и индивидуальная агитация // Спутник агитатора. 1925. № 11. С. 37-41.

85. Мальцев К. К постановке агитработы // Спутник агитатора. 1925. № 15. С. 33-38.

86. Мальцев К. Формы массовой агитации // Спутник агитатора. 1925. № 16. С. 28-32.

87. Малюхов А. Пропагандистские группы для работ среди женщин // Политическое самообразование. 1991. № 2. С. 53-54.

88. Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии) / Х.Б. Мамсиров. — Нальчик : Эльбрус, 2004. — 324, [1] с.

89. Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. 368 с.

90. Мартыненко К.М. Большевистская печать в борьбе за власть Советов на Дону и Северном Кавказе (март 1917 - дек. 1920) / К. М. Мартыненко; Отв. ред. А. И. Козлов; Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк., Кубан. гос. ун-т. - Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1986. - 175 с.

91. Маханов А. К вопросу об организации и содержании лекционной пропаганды // Пропагандист. 1943. № 5. С. 34-37.

92. Метель А.В. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР в 1919-1941 гг. // Вестник Омского университета. Омск, 2013. С. 43-47.

93. Микоян А.И. Так было. Размышление о минувшем. М., 1999. 612 с.

94. Минаева О.Д. Журнал «Крестьянка» в 1920 гг.: приемы формирования читательской аудитории // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. №6. С. 128-149.

95. Минц И.И. Год 1918-й. – М.: Наука, 1982. – 576 с.

96. Мирошниченко М.И. Актуальность исследования сущности гендерной роли женщины в рамках развития женского движения на Урале в 1920-е годы: первый опыт обзора советской историографии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. №6(106). С. 16-24.

97. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. - Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. - 106,[3] с.

98. Никольский С.Л. Аграрная экономика, сельская общность и проблема социально-экономических укладов // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 16-27.

99. Надирашвили Ш.А. Психология пропаганды. - Тбилиси : Мецниереба, 1978. - 122 с.

100. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи: Лекции по социальной и политической психологии - СПб.: Питер, 2004. -192 с.

101. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований / М. М. Назаров; Ин-т социол. образования Рос. центра гуманитар. образования и др. - Москва : УРСС, 1999. - 239 с.

102. Народная устная поэзия Дона // Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18-23 декабря 1961 г. Издательство Ростовского университета. Ростов н/Д., 1963. С. 77.

103. Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство / Игорь Владимирович Нарский. - Челябинск: Каменный пояс, 2008. - 415 с.

104. Нарский И.В. Изучение визуальной культуры уральских рабочих / Игорь Владимирович Нарский // Визуальная антропология: настройка оптики. - М.: Вариант, 2011. - С. 156-189.

105. Нарский И.В. Анализ семейных фотоархивов / Игорь Владимирович Нарский // Отечественные записки. - 2007. - № 4 (37). - С. 89-105.

106. Никольский С.Л. Особенности интеграции национальных регионов (на примере горских народов) в экономическую систему периода

НЭПа // Этноконфессиональные аспекты экономической модернизации России в 1920-е годы / под ред. М.К. Любарского. – М.: Институт этнологии РАН, 2017. – 360 с. – С. 112–145.

107. Новиков С.Г. Воспитание бытовой морали рабочей молодежи в условиях модернизации России 1920-1930–х годов // Историко-педагогический журнал. 2013. №1. С. 173-181.

108. Ножин Е.А. Мастерство устного выступления. / Е. А. Ножин. - 3-е изд., перераб. - Москва : Политиздат, 1989. - 254,[1] с.

109. Осокина Е. Золото для индустриализации: Торгсин / Елена Осокина. — М.: Новый хронограф, 2008. — 512 с.

110. Осокина Е. Исследование визуальной пропаганды / Елена Осокина // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Сост. А. Архипова. — М.: РОССПЭН, 2019. — С. 180–210.

111. Осокина Е. Анализ советской рекламы как формы агитации / Елена Осокина // Реклама в СССР: товары и идеи / Ред. И. Глущенко. — М.: Политическая энциклопедия, 2020. — С. 95–130.

112. Осокина Е. Изучение материальной культуры сталинской эпохи / Елена Осокина // Сталинское потребительское общество: распределение и рынок в 1930-е годы // Отечественная история. — 2001. — № 3. — С. 77–95.

113. Очерки истории Краснодарской организации КПСС [Текст] / [И. И. Алексеенко, проф. д-р ист. наук, И. Б. Алещенко, В. А. Артюшин, доценты, канд. ист. наук и др.] ; [Ред.-сост. А. С. Коновалов]. - 2-е изд., доп. - Краснодар : Кн. изд-во, 1976. - 656 с.

114. Панарин А.А. Характер взаимоотношений между православной церковью и советским государством в 1920-е гг. (на материалах Кубани) // Гуманитарные и юридические исследования. № 1. 2018. С. 118-124.

115. Панкратова. Е.В. Развитие системы народного образования в СССР в 1930-е гг. (на материалах Среднего Поволжья). // Известия ПГПУ. – 2007. – 102 – 104 С.

116. Партийная этика: документы и материалы дискуссии 20-х гг. // под ред. А.А. Гусейнова и др. М.: Полиздат, 1989. - 509 с.

117. Петроченко А. Система средств массовой информации и пропаганды (компоненты, структура, функции, интегративные свойства, связь со средой). Ташкент, 1998. 155 с.

118. Поклад А.Б. Массовая информация: международное общение или подрывная пропаганда / А. Б. Поклад, Н. И. Юдина. - Москва : Междунар. отношения, 1987. - 91,[2] с.

119. Полянскова Л. Ю. Ликвидация неграмотности в деревне во второй половине 1920-х гг. (на примере Среднего Поволжья) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – С. 239 – 243.

120. Полянская Л. Ю, Осуществление культпохода на территории Среднего Поволжья как один из методов ликвидации неграмотности в деревне периода НЭПа. // Известия ПГПУ. – 2008. – С. 60 – 63.

121. Помелов В.Б. Программно-методическая работа Наркомпроса РСФСР в первые годы советской власти // Вестник Вятского государственного университета. № 4. 2018. С. 95-104.

122. Пономарева М.А., Сароглиди, А. В. Создание агитационно-пропагандистских структур на Дону и Кубани в 20-30-е гг XX в / М. А. Пономарева, А. В. Сароглиди // Вопросы истории. – 2021. – № 12-2. – С. 122-131.

123. Попова А. История Ростовской писательской организации. 1920-е годы // Донской писатель. 2013. № 3.

124. Пушкарева Н.Л. Женская история, тендерная история: сходство, отличия, перспективы // Социальная история: ежегодник. 2003. С. 53-54.

125. Ракачёва Я.В. Отношение казачества и крестьянства к НЭПу в 1921-1924 гг. // Российская история. - 2019. - № 3. - С. 56-78.

126. Рождественская Е.Ю. Исследование визуальных репрезентаций женщины-работницы / Елена Юрьевна Рождественская // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. - Саратов: Научная книга, 2007. - С. 324-351.

127. Рождественская Е.Ю. Анализ гендерных стереотипов в плакатах / Елена Юрьевна Рождественская // Женщина в советском плакате: 1917-1991. - М.: Контакт-Культура, 2014. - 240 с. - С. 112-145.

128. Рожков А.Ю. В кругу сверстников [Текст] : жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов / Александр Рожков. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 630, [3] с.

129. Рюмшин Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе. Ростов н/Д., 2004. - 238 с.

130. Сароглиди, А. В. Агитационно-пропагандистская деятельность Красной Армии в периодической печати 1920-х годов (на примере Кубано-Черноморской области) / А. В. Сароглиди // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2025. – № 1(225). – С. 65-70.

131. Сароглиди, А. В. Агитационно-пропагандистская деятельность на Дону в контексте современных реформ 1920-1930 гг / А. В. Сароглиди // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 1(92). – С. 81-85.

132. Сароглиди, А. В. Агитационно-пропагандистская деятельность Рабоче-Крестьянской Красной Армии в Донской области в 1920-е годы и изменение уклада жизни молодежи / А. В. Сароглиди // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2(194). – С. 71-75.

133. Сароглиди, А. В. Донская вузовская интеллигенция и политические реформы 1980-начала 1990-х годов / А. В. Сароглиди //

Периферийный город и горожанин в пространственно-временной ретроспективе: особенности национальной идентичности : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 20–21 октября 2016 года / Министерство образования и науки РФ; ФГАОУ ВО "Южный федеральный университет", Институт истории и международных отношений; Российский гуманитарный научный фонд. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. – С. 406-412.

134. Сароглиди, А. В. Кино и радио как средство агитационно-пропагандистской деятельности на Дону и Кубани в 1920-1930 гг / А. В. Сароглиди // Наука и общество - 2021 : Материалы международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 09 апреля 2021 года / Под редакцией Н.Б. Осипян, И.В. Макаровой, М.И. Жбанниковой. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2021. – С. 290-294.

135. Сароглиди, А. В. Место пропаганды и агитации в экономических вопросах на Дону в 1920-1930 гг / А. В. Сароглиди // Наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : Материалы международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 28 июня 2018 года / Под редакцией Н.Б. Осипян, М.А. Дмитриевой, М.И. Жбанниковой. – Ростов-на-Дону: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2018. – С. 368-377.

136. Сароглиди, А. В. Местная печать и роль в пропаганде среди молодежи 1920-1930 гг. (на примере Донской области) / А. В. Сароглиди // Научная мысль. – 2017. – № 1. – С. 68-74.

137. Сароглиди, А. В. Пропаганда в фольклоре Дона в 1920-1930-е годы / А. В. Сароглиди // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9, № 4-2. – С. 82-88.

138. Сароглиди, А. В. Формирование советского мировоззрения молодежи с помощью местной печати в 1920-1930 гг. (на примере Донской области) / А. В. Сароглиди // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 2(90). – С. 68-71.

139. Свердлов Б.Д. Советская пропаганда в 20-е годы (Разнообразие форм и средств воздействия). — М. : Знание, 1990. — 62, [2] с.;

140. Скуленко М.И. История политической пропаганды / М. И. Скуленко. - Киев : Лыбидь, 1990. - 164,[2] с

141. Смагина С.А. Образ «новой женщины» в советском кинематографе 1930-х гг. (на примере фильмов «Земля в плену» и «Женщина») // Манускрипт. 2017. № 9. С. 169-172.

142. Смидович С. Очередные задачи женотделов // Коммунистка. 1922. № 2. С. 32—37.

143. Смирнова Т. М. Детские дома и трудколонии: жизнь «государственных детей» в Советской России в 1920-1930-е гг. // Вестник РУДН. Серия история России. 2012. №3. С. 16-38.

144. Смолякова В.В. Коммуникативное пространство как объект политического анализа // ВМУ. Серия 12. Политические науки. 2001. № 1. С. 19-29.

145. Табунщикова, Л. В. Антирелигиозная пропаганда в Донской области в 1923 году (на примере периодики и деятельности изб-читален) / Л. В. Табунщикова // Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков : материалы XIX Международной научной конференции, Иваново, 25–26 марта 2020 года. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2020. – С. 373-378.

146. Tabunshchikova, L. V. The hybrid nature of the soviet rituals of the 1920's: Church traditions / L. V. Tabunshchikova // Opcion. – 2019. – Vol. 35, No. Special Issue 21. – P. 801-815.

147. Табунщикова, Л. В. "Комсомольское Рождество" 1923 года на Дону / Л. В. Табунщикова // Научные труды Донской духовной семинарии. – Ростов-на-Дону : Антей, 2016. – С. 106-121.

148. Темкина А.А. Изучение сексуальной пропаганды / Анна Адриановна Темкина // Гендерные исследования. - 2006. - № 14. - С. 56-78.

149. Темкина А.А. Анализ медицинских дискурсов / Анна Адриановна Темкина // Советская медицина и власть: 1917-1991. - М.: РОССПЭН, 2018. - 416 с. - С. 287-315.

150. Темкина А.А., Рождественская Е.Ю. Гендерная память советского: визуальные репрезентации и телесные практики / А.А. Темкина, Е.Ю. Рождественская. - СПб.: Европейский университет, 2020. - 328 с.

151. Терин В.П. Массовая коммуникация : Социо-культур. аспекты полит. воздействия : Исслед. опыта Запада / В. П. Терин; Моск. гос. ин-т (ун-т) междунар. отношений МИД РФ. Каф. философии. - Москва : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. - 169 с.

152. Трут В.П. Казачий излом (казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции 1917 года). – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1997. – 288 с.

153. Устиновский И.В. Ленинская аграрная программа и ее осуществление на Северном Кавказе (окт. 1917-1927 г.) / И. В. Устиновский; Отв. ред. И. П. Осадчий; Кубан. гос. мед. ин-т им. Красной Армии. - Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1989. - 181,[2] с.

154. Ушакин С.А. После прекрасного: Постсоветские ностальгические практики / Сергей Александрович Ушакин. - М.: Новое литературное обозрение, 2021. - 352 с.

155. Ушакин С.А. Исследования памяти о советском в Средней Азии / Сергей Александрович Ушакин // Антропология советского и постсоветского пространства. - СПб.: Европейский университет, 2019. - С. 234-267.

156. Ушакин С.А. Анализ постсоветских ностальгических практик / Сергей Александрович Ушакин // Неприкосновенный запас. - 2018. - № 5 (121). - С. 45-72.

157. Филькин В.И. Северо-Кавказская партийная организация в борьбе за осуществление ленинской национальной политики. (1917-1936 гг.) [Текст] / Чечено-Ингуш. науч.-исслед. ин-т истории, литературы и

экономики. Чечено-Ингуш. организация о-ва "Знание" РСФСР. - [Грозный] : Чеч.-Инг. кн. изд-во, [1969]. - 78 с.

158. Ханжов С.В. Кино и властный дискурс в СССР 20-х – первой половины 30-х годов XX века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2. С. 65-70.

159. Харрис Ричард. Психология массовых коммуникаций. СПб., 2003.

160. Харченко Л. Н. Агитпропы как инструмент формирования идеологии советского государства (1920-1930-е гг.) // Манускрипт. № 4. 2020. С. 36-40.

161. Хлопонина О.О. Трансформация женской образности в советском кинематографе 1920-1930-х гг. // Знание. Понимание. Умение. № 2. 2017. С. 141-149.

162. Хлопонина О.О. Архетипические модели художественной репрезентации женских типов в русской массовой культуре 1920-х годов // Вопросы культурологии. № 9. 2016. С. 30-34.

163. Холодный М.А. Экономический кризис раннесоветского периода: 1918–1921 гг. – М.: РОССПЭН, 2017. – 432 с.

164. Холодный М.А. Продразвёрстка и её последствия: анализ крестьянских восстаний 1920–1921 гг. // Отечественная история. – 2015. – № 4. - С. 56–78 с.

165. Цветлюк Л.С. Молодежь в преобразовании страны на коммунистических началах: методология, историография, исторические уроки 1917-1941 / монография. – М. Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. – 393 с.

166. Чихачев В.П. Техника речи пропагандиста / В. Чихачев. - Москва : Моск. рабочий, 1981. - 88 с.

167. Чихаев В.П. Речевое мастерство пропагандиста / В.П. Чихачев. — Москва : Московский рабочий, 1987. — 140, [1] с.;

168. Шаповалов С.Н. Пасха и Первомай: борьба старого и нового быта на Кубани в 1920-1930-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2014. №3. С. 24-27.

169. Шаповалов С.Н. Советские революционные праздники в 1918-1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. 2010. №1. С. 301-308.

170. Шарапов Ю.П. Из истории идеологической борьбы при переходе к нэпу [Текст] : мелкобуржуазный революционаризм - опасность "слева", 1920-1923 / Ю. П. Шарапов ; отв. ред. Ю. С. Борисов ; АН СССР, Ин-т истории СССР. - Москва : Наука, 1990. - 188, [2] с.

171. Шмаков А.А., Абидулин А.М. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1920-1930-х гг. Основный формы и методы // Вестник Чувашского университета. 2024. №3. С. 243-253.

172. Щербинина Ю.В. Лекция как агитационная форма политико-просветительской работы музеев Тамбовской губернии в 1920-1941-х гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 9(161). С. 109-119.

173. Щетнев В.Е. Классовая борьба и осуществление первых земельных и продовольственных мероприятий советской власти в Донской области. Ростов н/Д., 1980. С. 40-56.

174. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 664 с.

175. Юрчак А. Анализ позднесоветских идентичностей / Алексей Юрчак // Антропология советского общества: новые подходы / Под ред. О. Бредниковой. — СПб.: Европейский университет, 2018. — С. 45–78.

176. Юрчак А. Изучение внетекстовых форм идеологии / Алексей Юрчак // Логос. — 2007. — № 5 (62). — С. 34–67.

177. Fitzpatrick Sh. Stalin’s Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 386 p.

178. Lasswell H.D. Propaganda technique in the world war. New York, 1927. - 248 p.

179. LippmanW. Public Opinion. London, 1922. - 449 p.

180. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca: Cornell University Press, 2001. – 496 p.

181. Tomson O. Mass persuasion in history: an historical analysis of the development of propaganda techniques. Edinburgh, 1977. - 174 p.

Диссертационные исследования

182. Абрамова И.Е. Социально-экономическое развитие донской деревни в условиях новой экономической политики : 1921-1927 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Зерноград, 2000. - 232 с.

183. Агитационно-пропагандистская, политико- массовая работа большевиков среди трудящихся Терека в годы гражданской войны (июнь 1918 - март 1920 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01,. - Орджоникидзе, 1984. - 228 с.

184. Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Бочкарева Анна Станиславовна; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. - Краснодар, 2007. - 29 с.

185. Володина Н.А. Становление и развитие советской системы политического контроля в 1917-1953 гг. : на примере Среднего Поволжья : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Володина Наталья Анатольевна; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. - Москва, 2010. - 50 с.

186. Гаврилюк И.Л. Развитие периодической печати в Нижнем Поволжье в 1920-1930-е гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Гаврилюк Иван Львович; [Место защиты: Астрахан. гос. ун-т]. - Волгоград, 2008. - 187 с.

187. Гадицкая М.А. Сельские женщины в условиях колхозного строительства в конце 1920-х - начале 1940-х гг. : на материалах Дона, Кубани и Ставрополья : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Гадицкая Марина Александровна; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. - Новочеркасск, 2008. - 241 с.

188. Галимуллина Н.М. Советско-партийная пропаганда периода Великой Отечественной войны как проблема историко-политического анализа : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 23.00.01 / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. - Казань, 2005. - 20 с.

189. Гафнер В.А. Партийно-советская печать как инструмент политической борьбы в советском обществе 1920-х годов : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Москва, 2000. - 348 с.

190. Говорухина К.А. Политическая пропаганда в тоталитарном обществе : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Кубан. гос. ун-т. - Краснодар, 2002. - 18 с.

191. Горелкин В.А. Пропагандистская деятельность нацистской Германии среди военнослужащих Красной Армии и населения временно оккупированных территорий СССР в период Великой Отечественной войны : 1941-1945 годы : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. - Волгоград, 2003. - 197 с.

192. Горюнова А.Г. Общество "долой неграмотность": история создания и деятельности в 1923 - 1927 гг. : на материалах Верхнего Поволжья : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Горюнова Алёна Геннадьевна; [Место защиты: Иван. гос. ун-т]. - Иваново, 2012. - 25 с.

193. Гребенникова Н.И. Пропаганда в периодической печати в 1965 - начале 1980-х годов : на материалах Новгородской области : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Гребенникова Надежда Ивановна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. - Великий Новгород, 2010. - 178 с.

194. Доброхотов В.Я. Принципы, формы, методы большевистской пропаганды и агитации в первые годы Советской власти, октябрь 1917-1920 гг. : в 2-х томах : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.00. - Горький, 1967. - 1032 с.

195. Ермоленко Е.В. Агитационно-пропагандистская работа РКП(б) в условиях Гражданской войны : 1917-1920 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Моск. пед. гос. ун-т. - Москва, 2006. - 17 с.

196. Жулаева А.С. Образ жизни крестьян Восточной Сибири. 1920 - 1926 гг. : К проблеме соотношения традиций и новаций : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Красноярская гос. архитектурно-строит. академия. - Красноярск, 1999. - 22 с.

197. Засорина Т.Д. Новая экономическая политика: отношение населения Кубани : 1921-1929 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Майкоп, 2003. - 155 с.

198. Игнатова М.Е. Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20-40-е гг. XX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Краснодар, 2005. - 244 с.

199. Ильязова Р.В. Антирелигиозная пропаганда в СССР в 1918 – 1941 гг. : по материалам Симбирского-Ульяновского края : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ильязова Рената Витальевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»]. - Ульяновск, 2020. - 268 с.

200. Канавина Н.В. Культурно-просветительные учреждения в годы НЭПа 1921-1927 гг. : По материалам Саратовской губернии : автореферат

дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. - Саратов, 2003. - 22 с.

201. Карченкова Т.А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Омск, 2004. - 237 с.

202. Клопихина В.С. Деятельность истпартов на Северном Кавказе : 1920-1939 годы : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Клопихина Василина Сергеевна; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. - Ставрополь, 2011. - 26 с.

203. Коваленко М.В. Развитие высшего образования на Дону в 1920-1930-е гг.: : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ростов н/Д., 2009. - 25 с.

204. Развитие высшего образования на юге России : 20-90-е годы XX века : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Ставроп. гос. ун-т. - Ставрополь, 2006. - 46 с.

205. Костенко Ю.А. Женское движение в России в 1920-1930-е гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.00, 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ист. фак.. — Москва, 2006. — 26 с.

206. Костикова Е.А. Советская политика ликвидации неграмотности в 20-е-середине 30-х гг. XX века : На материалах Нижнего Поволжья : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Сарат. гос. соц.-эконом. ун-т. — Саратов, 2005. — 22 с..

207. Костюкевич Л.П. Женский вопрос в русской философии и общественной мысли : I половина XIX века : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.03 / Мурман. гос. техн. ун-т. - Мурманск, 2003. - 25 с.

208. Краснощеков Н.А. Пропаганда советской внешней политики в печатных средствах массовой информации по вопросам военно-политического противостояния с США : 1956–1963 гг. : автореферат дис. ...

кандидата исторических наук : 07.00.02 / Краснощеков Никита Алексеевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»]. — Москва, 2022. — 21 с.

209. Кузнецов А.И. Деятельность КПСС по подготовке и воспитанию идеологических кадров 1966-1975 : на материалах партийных организаций Краснодарского края и Ростовской области : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01. - Краснодар, 1986. - 204 с.

210. Культурная жизнь Донского края в 1920-е годы : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Баева Ольга Владимировна; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. - Ростов-на-Дону, 2007. - 32 с.

211. Левакин А.С. Формирование и деятельность административно-хозяйственного аппарата колхозов в 1930-е гг. : на материалах Дона, Кубани и Ставрополья : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Левакин Александр Сергеевич; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. — Новочеркасск, 2009. — 30 с..

212. Лучкин Д.А. Политическая пропаганда в информационной политике российского государства : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. — Москва, 2005. — 24 с..

213. Михеева А. В. Антирелигиозная политика в первые десятилетия советской власти на материалах Самарской губернии (Средневолжского края) : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 5.6.1. / Михеева Алина Владимировна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» ; Диссовет 99.2.030.02 (Д 999.102.02)]. — Самара, 2023. — 21 с..

214. Обрезкова Н.В. Донская горожанка: социальный портрет и повседневность 1920 - х годов : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Обрезкова Наталья Владимировна; [Место защиты: Ставроп. гос. ун-т]. — Новочеркасск, 2011. — 254 с.

215. Павлова Л.В. Ликвидация неграмотности взрослого населения. 1897-1939 гг. : На материалах Оренбуржья : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Оренбург. гос. пед. ун-т. — Оренбург, 2006. — 26 с..

216. Панасюк Е.В. Партийное руководство общественно-политической деятельностью ВЛКСМ на начальном этапе социалистического строительства, 1926-1936 годы : на материалах Дона, Кубани и Ставрополья : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01. — Краснодар, 1989. — 269 с.

217. Петрова Я.И. Организация обучения взрослых в процессе ликвидации неграмотности в СССР в 1920-1930-е гг. : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Петрова Ярославна Игоревна; [Место защиты: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад.]. — Самара, 2010. — 21 с.

218. Пономаренко Е.В. Изменение социокультурного облика российских рабочих в 1917-1921 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Славянск-на-Кубани, 2006. - 203 с.

219. Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922 - 1991 гг.) : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Моск. гор. пед. ун-т Ком. образования Правительства Москвы. - Москва, 2001. - 46 с.

220. Попов А.Б. Идейно-политическая работа большевистских организации Дона, Кубани и Ставрополья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, март 1917 - март 1918 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01. - Ростов-на-Дону, 1986. - 246 с.

221. Попов В.В. Организаторская и идеологическая работа партии по индустриализации сельскохозяйственного труда (1966-1971 гг.) [Текст] : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. (07.00.01) / Кубан. гос. ун-т. - Краснодар : [б. и.], 1974. - 42 с.

222. Потапов И.А. Партийное руководство политической пропагандой и агитацией в первые годы Советской власти (октябрь 1917 - 1920 гг.) [Текст] : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. (570) / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Специализир. совет по истории КПСС. — Москва : [б. и.], 1969. — 21 с..

223. Ракачева Я.В. Сельскохозяйственная кооперация Кубани в период новой экономической политики (1921 - 1927 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Краснодар, 2000. - 209 с.

224. Раков Т.Н. Политические практики большевистской организации Ленинграда в дискуссиях 1921 и 1925 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Раков Тимофей Николаевич; [Место защиты: Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук]. — Санкт-Петербург, 2020. — 20 с..

225. Рожков А.Ю. Молодой человек в советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников : Школьники, студенты, красноармейцы : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Кубан. гос. ун-т. — Краснодар, 2003. — 44 с.

226. Руга В.Э. Формирование системы партийно-государственного управления средствами массовой информации Советской России в 1920 - 1930-е гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. - Москва, 2003. - 461 с.

227. Тамбиянц Ю.Г. Идеология и социальная иерархия: механизмы взаимодействия : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.11 / Тамбиянц Юлиан Григорьевич; [Место защиты: Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств]. - Краснодар, 2007. - 47 с.

228. Узлов Ю.А. Партийно-политическая работа на селе по претворению ленинского кооперативного плана в период подготовки наступления социализма по всему фронту (1926-1929 гг.) [Текст] : На материалах Сев. Кавказа : Автореферат дис. на соискание ученой степени

кандидата исторических наук. (07.00.01) / Кубан. гос. ун-т. — Краснодар : [б. и.], 1973. — 29 с..

229. Фишева А.А. Общее образование взрослых на территории РСФСР в 1930 - 1950 - е гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Фишева Анастасия Александровна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. — Санкт-Петербург, 2015. — 22 с.

230. Изменение отношения к собственности у населения РСФСР в условиях новой экономической политики (1921-1928 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Холодный Максим Александрович; [Место защиты: ГОУВПО "Московский педагогический государственный университет"]. — Москва, 2009. — 211 с.

231. Чернова Н.В. Полководческий образ Сталина периода гражданской войны в трактовке советского художественного кинематографа второй половины 1930-х - начала 1950-х годов : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Чернова Нина Викторовна; [Место защиты: Челяб. гос. ун-т]. — Магнитогорск, 2007. — 31 с..

232. Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937 гг.) = Решение женского вопроса в Союзе Советских Социалистических Республик (1917-1937 гг.) [Текст]. - Москва : Мысль, 1978. - 255 с

233. Чупрынников С.А. Партийное руководство культурно-воспитательной работой профессиональных союзов в 1926-1932 гг. : на материалах Дона, Кубани и Ставрополья : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.01. - Краснодар, 1986. - 203 с.

234. Шабатура Е.А. Образ "новой женщины" в советской культуре 1917-1929 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ом. гос. пед. ун-т. - Омск, 2006. - 25 с.

235. Шевченко В.А. Формирование антирелигиозных представлений советской школой. 1927-1932 гг. : автореферат дис. ... кандидата

исторических наук : 07.00.02 / Шевченко Валерий Анатольевич; [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. — Москва, 2007. — 25 с.

236. Шипилова Р.А. Деятельность Коммунистической партии в области театрального искусства в 20-е годы (1920-1927 гг.) [Текст] : Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. (07.570) / Рост. гос. ун-т. - Ростов н/Д : [б. и.], 1970. - 23 с.

237. Шульман М.Г. Партийно-государственная агитация и пропаганда первых лет Советской власти: октябрь 1917-1920 гг. : По материалам Калужской и Тульской губерний : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Брян. гос. пед. ун-т им. И.Г. Петровского. — Калуга, 2004. — 23 с.